Харьковскій Университетскій Сборникъ

въ память

В. А. Жуковскаго

и

Н. В. Гоголя.

ХАРЬКОВЪ.
Типо-Литографія «Печатное Дѣло» кн. К. Н. Гагарина, Клочковская, № 5-й.
1903.

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие“ порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ“ НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА“ т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578. Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ,

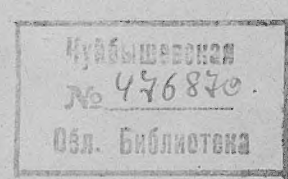
Харьковскій Университетскій Сборникъ

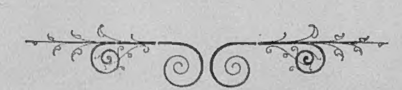
въ память

В. А. Жуковскаго

и

Н. В. Гоголя.

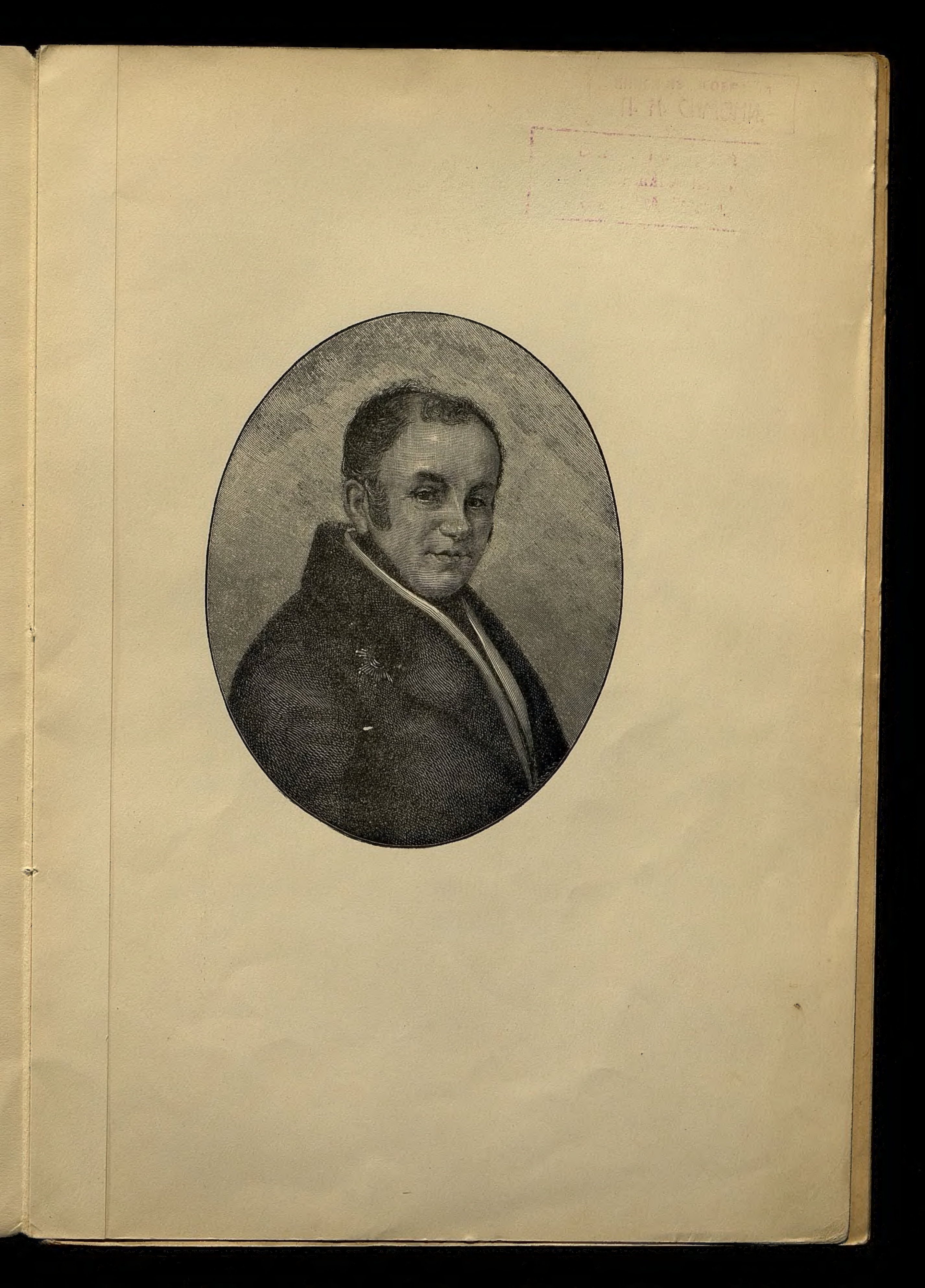

ХАРЬКОВЪ.
Типо-Литографія «Печатное Дѣло» кн. К. Н. Гагарина, Клочковская, № 5-й.
1903.

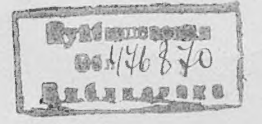
На основанiи ст. 41, § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. выпустить въ свѣтъ разрѣшаю
27-го Февраля 1903 года.

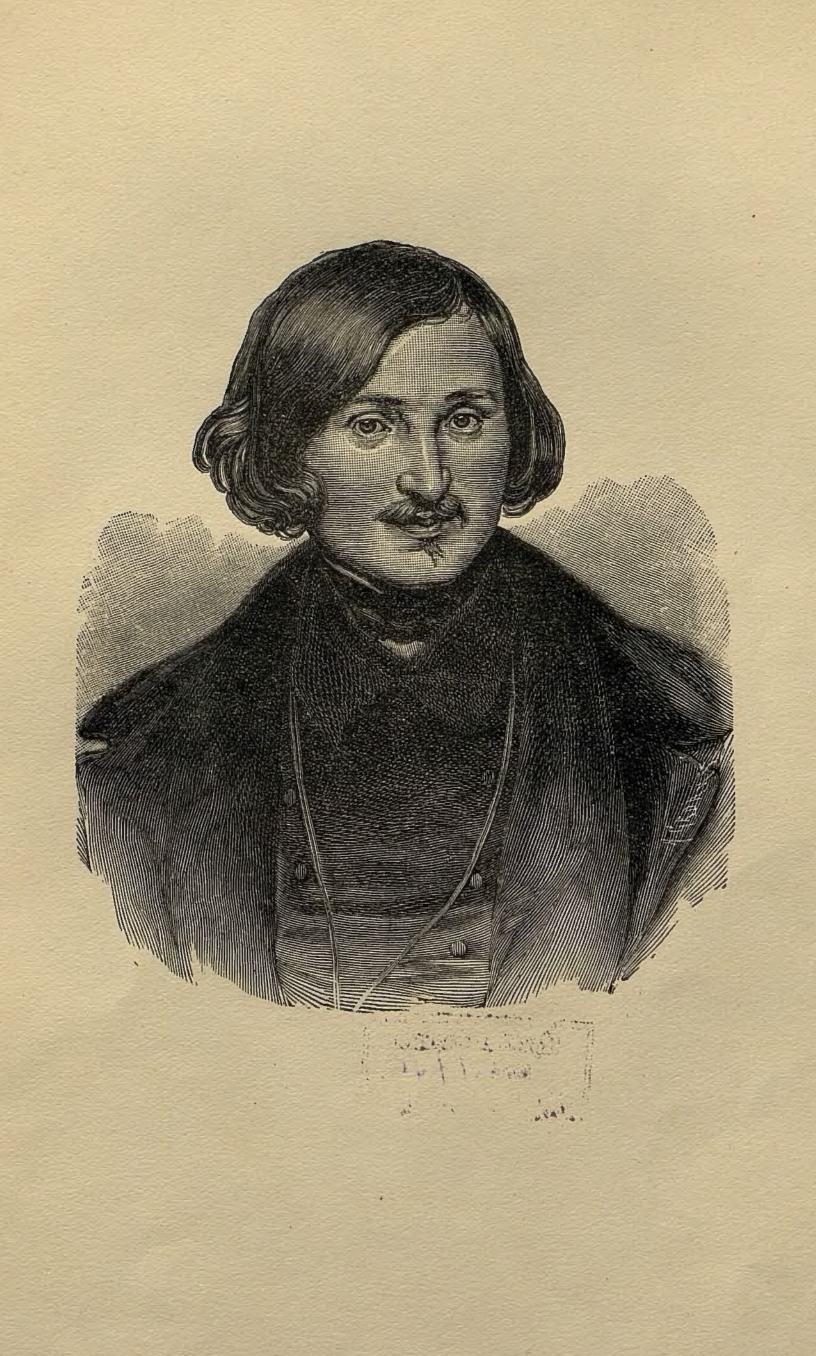
Ректоръ Университета *Н. Куплеваскій.*

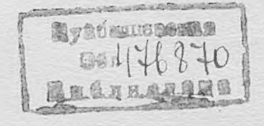
ОГЛАВЛЕНІЕ.

476870

Памяти Гоголя.

Ты былъ великъ своей душою,
Огонь любви въ тебѣ горѣлъ;
Какъ гражданинъ, ты надъ судьбою
Отчизны-матери скорбѣлъ;
Ты жаждалъ ей не рабской доли
И съ грустью видѣлъ, какъ кругомъ
Томилась Русь въ цѣпяхъ неволи,
Какъ спалъ твой край могильнымъ сномъ;
Какъ никли въ трепетѣ селенья,
Молчали робко города,
И лишь насилье, да хищенье
Не знали страха и стыда.

Казалось—жизнь навѣкъ почила,
И дня, и солнца ужъ не жди...
Но тщетно ночь огонь гасила
Въ твоей пылающей груди.
Какъ древній витязь, ты воспрянулъ,
Ты мощь въ душѣ своей нашелъ,
И въ даль отважнымъ окомъ глянулъ,
И смѣло въ честный бой пошелъ.

И бой былъ страненъ,—ты смѣялся...
И смѣхъ твой страстно льнулъ къ сердцамъ;
Онъ мощнымъ звукомъ разливался
По русскимъ дремлющимъ угламъ!
Онъ имъ твердилъ о чемъ-то новомъ,
Ихъ къ свѣту звалъ изъ царства тьмы..
Но не легко и страстнымъ словомъ
Зажечь привыкшіе къ оковамъ,
Во тьмѣ застывшіе умы.
И былъ не понятъ смѣхъ твой дивный,

Твой страстный вопль, твой кличъ призывный...
Не понятъ былъ и осужденъ...
Вражда росла со всѣхъ сторонъ...
Темнѣла ночь, тѣснились тучи...
И плакалъ ты тогда въ тиши,
Сквозь смѣхъ рыдалъ, и были жгучи
Тѣ слезы любящей души.

Порой отъ золъ и бѣдъ отчизны
Ты къ старинѣ уйти былъ радъ
И въ прошлыхъ дняхъ казачьей жизни
Искалъ душѣ своей отрадъ.
Казачій бытъ, казачьи войны...
Пусть грубъ и дикъ тогда былъ вѣкъ,
Но чувства тамъ такъ были знойны,
Такъ гордъ и смѣлъ былъ человѣкъ!
Тамъ жизнь не шла въ нѣмомъ покоѣ,
Тамъ пламень думъ палилъ чело...
И подъ перомъ твоимъ былое
Живыми красками цвѣло:
Вставали вновь чубы сѣдые,
И Сѣчь, и схватки боевыя,
Весь гулъ, весь ужасъ бранныхъ ссоръ...

Но чѣмъ волшебнѣй прошлой жизни
Казались дни, тѣмъ для отчизны
Въ нихъ рѣзче слышался укоръ.
Тамъ въ прошломъ—страсть, борьба, страданье,
А здѣсь вокругъ—одно молчанье...
Вокругъ не люди, а рабы
Имъ не понятна жизнь борьбы
За идеалъ, за убѣжденье...
За то какое утѣшенье
Ты познавалъ, взамѣнъ скорбей,
Когда предметъ для вдохновенья
Ты бралъ у родины своей,
Когда писалъ ты про Украйну!
Любилъ ты тишь, покой и тайну
Ея задумчивыхъ ночей,
Сыновъ Украйны безпокойныхъ
И малоруссокъ гордо-стройныхъ

Съ огнемъ и съ лаской ихъ очей.
Ихъ пѣснямъ внемля чуткимъ ухомъ,
Въ Украйнѣ съ дѣтства жившп самъ,
Ты весь проникся ея духомъ,
Ты близокъ сталъ къ ея мечтамъ
И ты писалъ...
Твои творенья
Украйна любитъ и, любя,
Сегодня чтитъ она тебя.

Сверкаетъ блескомъ вдохновенья
Все то, что создалъ ты... На всемъ
Печать и мысли, и искусства...
И всюду вѣетъ нѣга чувства,
И льется въ душу намъ тепломъ.

Годовъ проходятъ вереницы...
И что-жъ? Гдѣ власть ихъ надъ тобой?
Чаруютъ книгъ твоихъ страницы
И нынѣ юной красотой.
Ихъ пышный цвѣтъ неувядаемъ...
Какъ свѣточъ, ты стоишь надъ краемъ
Въ вѣнцѣ немеркнущихъ лучей,
Какъ встарь, зовя къ добру людей...

И нынче, путь твой озирая,
Вся Русь отъ края и до края,
Подъ колокольный грустный звонъ,
Склонивъ молитвенно колѣни,
Несетъ твоей великой тѣни
Дары любви со всѣхъ сторонъ.
Ты дорогъ тѣмъ, что въ Русь ты вѣрилъ,
Что въ годы лжи не лицемѣрилъ,
Что, жаждой свѣта озаренъ,
Ты полонъ былъ однихъ мечтаній—
Спасти отчизну отъ страданій...
И сталъ могучій нашъ языкъ
Пышнѣй въ красѣ твоихъ твореній...
Ты дорогъ тѣмъ, нашъ братъ, нашъ геній,
Что былъ ты честенъ, былъ великъ!

И жаль одно: въ концѣ служенья,
Съ душой, измученной въ борьбѣ,

Въ приливѣ скорби и сомнѣнья
Ты измѣнилъ свои воззрѣнья,
Ты измѣнилъ совсѣмъ себѣ.

Нерѣдко солнце такъ сіяетъ
Съ утра въ лазури голубой,
Но до заката вдругъ скрываетъ
Свой ликъ за тучей дождевой.

. . . .

Великій день великой тризны!
Вѣнецъ безсмертія тому,
Кто жаждалъ свѣта для отчизны,
Кто ненавидѣлъ страстно тьму.

П. А. Тулубъ.

В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь.

Чтобы жить, какъ должно, надобно пользоваться настоящей минутой.... Зажигай свой фонарь, не заботясь о тѣхъ, которые удастся зажечь впереди. Въ свое время оглянешься, за тобою будетъ прекрасная свѣтлая дорога

В. А. Жуковскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По служебному и общественному положенію, какъ профессору по кафедрѣ исторіи русской литературы, гласному городской думы и предсѣдателю городской училищной коммиссіи, мнѣ пришлось принять дѣятельное участіе въ чествованіи памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя въ дни пятидесятилѣтій со времени ихъ кончины: сказано было двѣ рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ Совѣта Харьковскаго университета и Историко-филологическаго общества, затѣмъ рѣчь въ думѣ по вопросу о чествованіи великихъ писателей, рѣчь въ городскомъ сложномъ училищѣ имени А. С. Пушкина, рѣчь въ Московскомъ университетѣ на публичномъ засѣданіи Ощества любителей россійской словесности, гдѣ пишущій эти строки былъ депутатомъ, по назначенію отъ университета, совмѣстно съ профессорами М. Е. Халанскимъ и Д. Н. Овсянико-Куликовскимъ, кромѣ того прочитанъ былъ отдѣльно рефератъ въ засѣданіи Харьковскаго Историко-филологическаго общества и напечатано нѣсколько статей въ «Южномъ Краѣ» и «Мирномъ Трудѣ».

Для Харьковскаго университетскаго сборника всѣ статьи и рѣчи, равно какъ и подготовительные и въ свое время неиспользованные матеріалы пересмотрѣны заново, большей частью переработаны, дополнены и сгруппированы въ систематическомъ порядкѣ.

Въ результатѣ получилось 45 статей и замѣтокъ, разной величины и разной обработки. Сведены они въ такомъ порядкѣ: 1) статьи о В. А. Жуковскомъ, какъ филантропѣ, 2) статьи о В. А. Жуковскомъ, какъ

художникѣ, и 3) статьи о Н. В. Гоголѣ. Всѣ статьи о Жуковскомъ, какъ художникѣ, и его отношеніяхъ къ современнымъ художникамъ (№№ 28—39) и большая часть статей и замѣтокъ о Жуковскомъ, какъ филантропѣ (№№ 2, 3, 4, 10—27), впервые являются въ печати на страницахъ университетскаго сборника. Вступительная статья о Жуковскомъ, какъ филантропѣ (№ 1), статьи о его отношеніяхъ къ Пушкину и Гоголю (№№ 5 и 6), замѣтки о Гоголѣ (№№ 41—45), статья о пребываніи Жуковскаго въ Харьковѣ (№ 40) были ранѣе напечатаны въ «Южномъ Краѣ», статьи объ отношеніяхъ Жуковскаго къ Квиткѣ, Шевченко и Максимовичу были напечатаны ранѣе въ «Мирномъ Трудѣ». Въ университетскомъ сборникѣ статьи эти перепечатаны большей частью съ дополненіями и поправками. Авторъ хорошо сознаетъ неполноту и недостаточную разработанность нѣкоторыхъ статей и замѣтокъ, но вводитъ ихъ, какъ отдѣльныя небольшія главы, въ виду того, что въ совокупности онѣ довольно отчетливо выясняютъ главную сторону жизни Жуковскаго, выдвинутую въ первой главѣ, именно, филантропическую его дѣятельность, въ высокой степени плодотворную и поучительную.

Проф. Н. Ө. Сумцовъ.

I.

В. А. Жуковскій, какъ филантропъ.

Сладко любить и уважать людей, осыпающихъ насъ благодѣяніями.
В. А. Жуковскій.

Мы должны не только съ благодарностію свято хранить память о Жуковскомъ, но и съ любовью изучать его жизнь и поэзію, себѣ въ назиданіе, въ очищеніе собственной нашей жизни, нашихъ помысловъ, стремленій и дѣлъ.
Я. К. Гротъ.

В. А. Жуковскій знаменитъ, какъ писатель и какъ филантропъ. Его доброта отличалась огромной устойчивостью, и привлекала къ нему людей разныхъ положеній, отъ Особъ Царской Фамиліи до простыхъ крестьянъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ своему воспитателю генералу Мердеру 1833 г. (Цесаревичу шелъ тогда 16-й годъ) постоянно называетъ Жуковскаго «добрымъ», «безцѣннымъ». И въ позднѣйшей перепискѣ гуманнаго поэта съ гуманнымъ царственнымъ юношей обнаруживается съ обѣихъ сторонъ рѣдкое добродушіе, сердечная привязанность и глубокое взаимное уваженіе. Жуковскій въ сердцѣ Царя-Освободителя посѣялъ и воспиталъ благороднѣйшія чувства, давшія впослѣдствіи прекрасные всходы на широкой русской народной нивѣ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, въ 1834 г., 16-ти лѣтнимъ юношей, по порученію своей матери, представился Жуковскому, былъ обласканъ имъ и впослѣдствіи, въ видѣ воспоминанія, такъ описалъ его благостную наружность 1834 г., т. е. того періода въ жизни Жуковскаго, когда онъ жилъ еще въ Зимнемъ дворцѣ на положеніи воспитателя Наслѣдника Цесаревича и когда его филантропическая дѣятельность отличалась особенной интенсивностью. «Лицо его, говоритъ Тургеневъ, слегка припухлое, молочнаго цвѣта, безъ морщинъ, дышало спокойствіемъ; онъ держалъ голову наклонно, какъ бы прислушиваясь и размышляя; тонкіе, жидкіе волосы всходили косицами на совсѣмъ почти лысый черепъ; тихая бла-

гость свѣтилась въ углубленномъ взглядѣ его темныхъ, на китайскій ладъ приподнятыхъ глазъ, а на довольно крупныхъ, но правильно очерченныхъ губахъ постоянно присутствовала чуть замѣтная, но искренняя улыбка благоволенія и привѣта» [1]).

Въ 1821 г. К. Н. Батюшковъ записалъ въ альбомѣ Жуковскаго:

Жуковскій, время все проглотитъ...
Но то, что въ сердцѣ мы хранимъ,
Въ рѣкѣ забвенья не потопитъ!
Нѣтъ смерти сердцу, нѣтъ ее,
Доколь оно для блага дышетъ!
А чѣмъ исполнено твое
И самъ Петрарка не опишетъ [2]).

Батюшковъ былъ правъ, когда говорилъ о сердечномъ богатствѣ Жуковскаго, какъ главномъ его сокровищѣ, основной чертѣ его нравственнаго облика. Жуковскій—талантливый поэтъ, писатель-публицистъ, педагогъ представляетъ лишь извѣстную варіацію Жуковскаго-филантропа. Всѣ главныя его заслуги прямо или косвенно вышли изъ его добраго сердца. «Въ исторіи просвѣщенія, говоритъ г. Бартеневъ, значеніе Жуковскаго обнаруживалось лишь немногими чертами; но придетъ время, когда имя его засіяетъ неугасимыми лучами добра и красоты для отдаленнѣйшаго потомства. Это былъ по истинѣ, избранникъ Неба. Чѣмъ ближе узнаешь его, тѣмъ больше его любишь, тѣмъ разнообразнѣе являются его достоинства» [3]).

«Записки» А. О. Россетъ-Смирновой—настоящій диѳирамбъ добротѣ Жуковскаго и Пушкина: «Жуковскій—воплощеніе безконечной доброты. Пушкинъ говорилъ о немъ: «онъ почти слишкомъ добръ. Во всей его обширной особѣ не найдется достаточно желчи, чтобы убить зловредную муху». Въ другомъ мѣстѣ приведено замѣчаніе Пушкина, что у Жуковскаго «небесная» душа. Сама Смирнова называетъ его душу «хрустальной» [4]).

Въ русскихъ историческихъ журалахъ, въ разныхъ историческихъ сборникахъ, въ мемуарахъ и письмахъ разныхъ дѣятелей первой половины XIX ст. разбросано множество сообщеній о филантропической дѣятельности Жуковскаго. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ подробностями личной жизни Жуковскаго, тѣмъ болѣе выступаетъ наружу несмѣтная

---

[1]) *И. С. Тургеневъ*, Полн. собр. соч. 1883 г., I, 83.
[2]) «Русск. Стар.» 1887, 240.
[3]) *Русск. Арх.* 1894, III, 576.
[4]) *Смирнова*, I, 178, 186, 219 и др.

сумма добра, накопленная имъ въ теченіе полувѣка на широкомъ пространствѣ отъ Енисея до Рейна.

Встрѣчая у Жуковскаго на каждомъ шагу проявленія добраго чувства, въ его колоссальной частной перепискѣ, въ сочиненіяхъ, въ сферѣ личныхъ отношеній, въ кругу семейныхъ и общественныхъ отношеній, естественно возникаетъ вопросъ, какія обстоятельства личной жизни поэта воспитали и развили вложенное въ его сердце отъ природы гуманное настроеніе, что закрѣпило въ немъ идеи добра въ тотъ мрачный вѣкъ, который Пушкинъ назвалъ «жестокимъ», и сдѣлало изъ Жуковскаго нравственное средоточіе для обширнаго круга писателей, болѣе того, для всей русской литературы первой половины прошлаго столѣтія.

Пушкинъ назвалъ свой вѣкъ «жестокимъ» и былъ совершенно правъ. Жестокость царила во всѣхъ отношеніяхъ: въ отношеніи начальниковъ къ подчиненнымъ, офицеровъ къ солдатамъ, господъ къ слугамъ, наставниковъ къ ученикамъ. Въ мемуарахъ и запискахъ современниковъ Жуковскаго во множествѣ разсѣяны безобразныя сцены жестокихъ отношеній человѣка къ человѣку. Возмутительное происшествіе разсказано, напримѣръ, въ дневникѣ А. В. Никитенко подъ 1843 г.: «Въ корпусѣ путей сообщенія мальчики освистали какого то учителя-офицера, обращавшагося съ ними нестерпимо грубо, и грозили выгнать его изъ класса, если онъ не перемѣнитъ съ ними обращенія,—дерзкая шалость, которая заслуживала школьнаго взысканія. Но какъ же поступили съ этими бѣдными, неразумными дѣтьми? Сначала ихъ, числомъ шесть, бросили въ какой то подвалъ—пока послѣдуетъ особое распоряженіе. Потомъ ихъ сѣкли передъ всѣмъ заведеніемъ и такъ, что докторъ, при этомъ присутствовавшій, перестаЛъ отвѣчать за жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ, затѣмъ лишили дворянства, разжаловали въ солдаты и, по этапамъ, какъ обыкновенныхъ колодниковъ, отправили на Кавказъ. Ужасъ, ужасъ и ужасъ! восклицаетъ академикъ Никитенко [1]).

Даже дѣти Императорской Фамиліи не были гарантированы отъ жестокаго обращенія приставленныхъ къ нимъ дядекъ, какъ показываетъ одна статья въ «Русской старинѣ», о воспитателѣ Императора Николая Павловича генералѣ Ламздорфѣ. Ламздорфъ былъ человѣкъ, суровый, жестокій и до крайности вспыльчивый. «Вовсе не понимая воспитанія въ истинномъ высшемъ его смыслѣ, онъ, вмѣсто того, чтобы дать возможно лучшее направленіе тѣмъ моральнымъ и интеллектуальнымъ силамъ, которыя уже были въ ребенкѣ, приложилъ всѣ свои старанія единственно къ тому, чтобы переломить его на свой ладъ и итти прямо на перекоръ

---

1) *Никитенко*, Дневникъ, I, 453.

всѣмъ наклонностямъ, желаніямъ и способностямъ порученнаго ему Воспитанника. Великій князь Николай, а впослѣдствіи и воспитывавшійся вмѣстѣ съ нимъ младшій братъ его Михаилъ Павловичъ были постоянно какъ бы въ тискахъ. Они не могли свободно и непринужденно ни встать, ни сѣсть, ни ходить, ни говорить, ни предаваться обычной дѣтской рѣзвости: ихъ на каждомъ шагу останавливали, дѣлали замѣчанія, преслѣдовали наставленіями и угрозами наказанія. Послѣднія доходили до жестокости. Ламздорфъ безчеловѣчно билъ Великихъ Князей линейками, ружейными шомполами и проч. Не разъ случалось, что, въ своей ярости, онъ хваталъ Великаго Князя за грудь или воротникъ и ударялъ его объ стѣну, такъ что онъ почти лишался чувствъ. Розги были въ большомъ употребленіи, и сѣченіе Великихъ Князей не только ни отъ кого не скрывалось, но и заносилось въ ежедневные журналы. Такъ, въ журналѣ отъ 19 апрѣля 1804 года занесено, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ, сдѣлавъ проступокъ, пришелъ къ бывшей своей нянѣ миссъ Лайонъ и самъ просилъ, чтобы она его высѣкла, полагая, что послѣ этой операціи, сравнительно, конечно, легкой, онъ будетъ обезпеченъ отъ сильнѣйшаго сѣченія его генераломъ Ламздорфомъ. «Дядька, въ намъ приставленный,—говорилъ впослѣдствіи Императоръ Николай Павловичъ графу Киселеву,—не умѣлъ руководить нашими уроками, ни внушить намъ любовь къ литературѣ и къ наукамъ: онъ вѣчно ворчалъ, подчасъ разражался сильнѣйшимъ гнѣвомъ изъ-за пустяковъ, бранился и нерѣдко надѣлялъ насъ толчками и пинками, которыхъ особенно много доставалось на мою долю. Братъ при своемъ болѣе податливомъ характерѣ и болѣе веселомъ нравѣ лучше уживался съ этимъ несноснымъ человѣкомъ. Богъ ему судья за бѣдное образованіе, нами полученное».

Послѣ такихъ примѣровъ нѣтъ надобности ссылаться на жестокую расправу въ войскахъ, на несчастныхъ кантонистовъ (см. Записки *Кречмера* въ «Историч. Вѣстн.»), нѣтъ надобности указывать на невысимо тягостное положеніе арестантовъ (см. ст. *А. Ѳ. Кони* о докторѣ Гаазѣ). Тѣмъ важнѣе было присутствіе и дѣятельность такихъ людей, какъ В. А. Жуковскій.

Подъ какими вліяніями развился гуманизмъ Жуковскаго? что содѣйствовало воспитанію его добраго отъ природы сердца?

Несомнѣнно, на Жуковскаго сильно повліялъ тотъ женскій кругъ, въ которомъ онъ провелъ свои молодые годы. Природные задатки сердечности и доброты возрасли подъ мягкимъ воздѣйствіемъ его многочисленныхъ родственницъ. Жуковскій росъ, окруженый цѣлымъ роемъ милыхъ и добрыхъ дѣвушекъ. Оставляя Дерптъ, по желанію своей старшей сестры Протасовой, Жуковскій въ 1815 г. писалъ ея дочери, своей

любимой племяннице Марьѣ Андреевнѣ: «Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастьемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностью къ тебѣ, что, наконецъ, тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою... Въ этомъ воспоминаніи о тебѣ заключены будутъ всѣ мои дѣятельности» [1]).

Любовь къ Марьѣ Андрѣеевнѣ была для Жуковскаго горестнымъ испытаніемъ; но она закалила его сердце въ стремленіи къ самопожертвованію ради блага ближняго, готовности поступаться личными интересами.

Нельзя отрицать вліяніе другой его талантливой племянницы Авдотьи Петровны Кирѣевской, по второму мужу Елагиной, женщины высокихъ нравственныхъ качествъ и прекрасно образованной. Жуковскій называлъ ее своей поэзіей. По отзыву Кавелина, она участвовала въ движеніи русской литературы и русской мысли болѣе, чѣмъ многіе писатели и ученые по ремеслу. Хомяковъ говорилъ ей, когда она была уже старухой, что и въ старческіе годы въ нее можно влюбиться. Ея тихое и умное слово, ея улыбка, строка ея письма производили чарующее впечатлѣніе [2]). Она воспитала знаменитыхъ дѣятелей русскаго просвѣщенія, своихъ сыновей, Ивана и Петра Васильевичей Кирѣевскихъ.

Можно думать, что на развитіе въ Жуковскомъ гуманнаго чувства оказалъ вліяніе его учитель, писатель-педагогъ Ѳеоф. Гавр. Покровскій, писавшій подъ псевдонимомъ «Философъ горы Алаунской». Н. С. Тихонравовъ извлекъ изъ архива московскаго университета его формулярный списокъ, принялъ къ свѣдѣнію его статьи и далъ цѣнный очеркъ его дѣятельности и его значенія [3]). Покровскій принималъ дѣятельное участіе на литературныхъ вечерахъ Юшковой и слѣдилъ за ученіемъ Жуковскаго въ тульскомъ училищѣ. Ревностный исполнитель своихъ служебныхъ обязанностей, Покровскій исключилъ Жуковскаго за невнимательность. По стилю Покровскій романтикъ, по настроенію филантропъ. Онъ преданъ прелестямъ сельской жизни. Онъ думалъ, что «только въ пріятномъ уединеніи селъ несокрушимы еще жертвенники невинности и счастья». Большіе города представляются ему «великолѣпными темницами». Онъ другъ нищихъ, другъ бѣдныхъ крестьянъ; онъ идетъ далѣе, и высказывается противъ продажи людей. Такъ, въ одной статьѣ онъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ описываетъ горе нищаго крестьянина, которому грозило выселеніе въ другую деревню, вмѣстѣ съ другими крестьянами. «Ахъ! можно ли изобразить тогдашнее смятеніе ихъ деревни, воскли-

[1]) *Зейдлицъ*, 130.
[2]) *Руск. Арх.* 1894, II, 326.
[3]) *Тихонравовъ*, Соч., т. III, I, 390—396.

цаетъ Покровскій. Когда время приближалось почти къ глубокой осени, когда, по опредѣленію злобнаго рока, должны были оставить свое жилище, тогда всѣ съ неописаннымъ воплемъ, съ уныніемъ удручающимъ душу и сердце, всѣ какъ будто преступники, осужденные къ смертной казни, отправились въ путь... Человѣки! существа благотворительныя! восклицаетъ Покровскій. Съ какимъ чувствомъ вы взираете на слезы, вздохи, мученія подобнаго вамъ существа, возсылающаго съ ними свою жалобу Вездѣсущему и Всевѣдующему?.. Загляните внутрь сердца вашего; съ какимъ тайнымъ удовольствіемъ оно возбуждаетъ васъ къ священнѣйшей должности—любить». Сочиненія Покровскаго пользовались извѣстностью. Ихъ одобряли Херасковъ и Шаликовъ. Въ 1813 г., по предложенію Министра Народнаго Просвѣщенія, сочиненіе Покровскаго подъ названіемъ «Философъ горы Алаунской», издано было на казенный счетъ. Тихонравовъ полагаетъ, что сочиненія Покровскаго были извѣстны Жуковскому еще до поступленія его въ университетскій пансіонъ [1]).

Статьи Философа горы Алаунской о бѣдныхъ крестьянахъ напечатаны въ Иппокренѣ (1799—1801), и вскорѣ въ 1809 году Жуковскій въ «Вѣстникѣ Европы» пишетъ статью «Печальное происшествіе», въ которой, въ томъ же духѣ и въ томъ же тонѣ, высказывается противъ продажи крѣпостныхъ людей. Грустныя размышленія Жуковскаго въ стихотвореніи о старикѣ нищемъ тоже, какъ будто, развиваютъ сѣтованія Покровскаго.

Близкое знакомство Жуковскаго въ молодые годы съ Вас. Ив. Кирѣевскимъ также было небезполезно для него въ смыслѣ развитія дѣятельнаго альтруизма. Жуковскій познакомился съ Кирѣевскимъ въ Москвѣ въ началѣ XIX в. Вас. Ив. Кирѣевскій, по словамъ Зейдлица, «съ истинной образованностью соединялъ никогда не ослабѣвавшее стремленіе быть полезнымъ для своихъ соотечественниковъ». Въ 1805 г. онъ женился на племянницѣ Жуковскаго, подругѣ его юности, Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой. В. И. Кирѣевскій скончался 1 ноября 1812 г., заразившись въ больницѣ, которой завѣдывалъ и, гдѣ, по словамъ компетентнаго свидѣтеля доктора Зейдлица, «отличался удивительными подвигами милосердія» [2]).

Къ числу лицъ, близкихъ къ Жуковскому, дружба съ которыми могла содѣйствовать развитію филантропическаго настроенія—былъ старый пріятель и неизмѣнный другъ Жуковскаго Александръ Ив. Тургеневъ, унаслѣдовавшій отъ своего отца, славнаго сочлена новиковскаго

---

[1]) *Тихонравовъ* III 395.

[2]) Зейдлицъ, 27.

дружескаго ученаго Общества И. И. Тургенева доброе сердце и дѣятельную любовь къ ближнимъ. Въ запискахъ А. О. Смирновой А. Тургеневъ обрисованъ слишкомъ пристрастно и невѣрно, въ видѣ фразера и хвастуна; его роль, его нравственное значеніе въ пушкинскомъ кружкѣ были болѣе значительны, чѣмъ о томъ можно судить по Запискамъ Смирновой. Во многихъ благотворительныхъ дѣлахъ Тургеневъ шелъ рука объ руку съ Жуковскимъ, напримѣръ, въ хлопотахъ за Мещевскаго, Баратынскаго, Шевченка. Личность А. Тургенева ярко очерчена въ письмѣ неизвѣстной дамы къ Жуковскому, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти Тургенева въ 1845 году, въ письмѣ отъ 15 января 1846 г. «Добрый Тургеневъ! За недѣлю до кончины онъ такъ горячо принялся за подписку въ пользу страждущихъ голодомъ въ провинціяхъ забалтійскихъ... въ два дня собралъ около 3000 руб. Какъ радовался онъ своимъ успѣхамъ! Такъ какъ онъ никогда не забывалъ несчастныхъ ссыльныхъ, то и имъ тоже была собрана сумма. Накапунѣ кончины (2 декабря 1845 г.) онъ простился съ ними. Смерть застала его за дѣломъ добра; онъ старался послѣдніе дни о томъ же, что всю жизнь занимало его сердце: облегченіе страждущей братіи. Послѣднее его почти слово было о человѣкѣ бѣдномъ... Какъ нѣжно любилъ онъ насъ, друзей своихъ»... Въ письмѣ Мельгунова къ Жуковскому о смерти Тургенева находится одна мелкая, но весьма характерная черта: извѣстный филантропъ Гаазъ по два раза въ день пріѣзжалъ цѣловать руку покойника. Замѣчательна еще одна подробность, сообщенная въ письмѣ Мельгунова: Тургеневъ хотѣлъ написать Жуковскому о своихъ мрачныхъ предсмертныхъ предчувствіяхъ, за нѣсколько дней до своей кончины написалъ письмо, гдѣ «излилъ всю свою душу», и разорвалъ его въ клочки, чтобы не огорчить Жуковскаго» [1].

Въ дѣлѣ сформированія въ Жуковскомъ нравственной личности нѣкоторую роль сыгралъ Арзамасъ, дружеское литературное Общество, возникшее въ Петербургѣ въ 1816 г. подъ вліяніемъ московскихъ земляческихъ симпатій и морально-литературныхъ связей московскихъ писателей конца XVIII ст. Задушевное желаніе кн. Вяземскаго, высказанное въ письмѣ къ А. И. Тургеневу въ 1813 г., объ учрежденіи такого кружка, который противодѣйствовалъ бы «Бесѣдѣ», «чтобы зажить радостнѣе», нашло себѣ осуществленіе въ 1815 г., послѣ появленія комедіи кн. Шаховскаго «Липецкія воды», гдѣ въ лицѣ балладника Фіалкина былъ осмѣянъ Жуковскій [2]. Уставъ Арзамаса былъ составленъ Жуковскимъ и

---

1) *Русск. Арх.* 1899, стр. 635, 638.

2) Цѣнныя данныя разбросаны въ 1 т. «*Остафьевскаго Архива*» и примѣчаніяхъ къ нему Саитова. См. еще Халанскаго въ «Харьк. Универ. Сборн.» въ память Пушкина, 377—397 и Кирпичникова, въ «Русск. Стар.» 1899, май.

Блудовымъ, согласно съ уставомъ московскаго «Дружескаго литературнаго Общества» 1801 г. Цѣль Арзамаса была двоякая: польза отечества, состоящая въ распространеніи изящной словесности и, вообще, понятій ясныхъ и правильныхъ, и польза самихъ членовъ, состоящая въ трудѣ постоянномъ». По отношенію къ «публикѣ» Арзамасъ имѣлъ такія цѣли:

1) Наблюдать политическое и нравственное состояніе Россіи и прочихъ государствъ.

2) Наблюдать состояніе, ходъ, успѣхи и измѣненіе наукъ, искусствъ и словесности, какъ отечественной, такъ и чужеземной.

3) Сообщать публикѣ плоды сихъ наблюденій и въ особенности посредствомъ постояннаго періодическаго изданія.

4) Поощрять возникающіе таланты, по усмотрѣнію Общества и по мѣрѣ средствъ онаго.

Задача благотворительности, положенная Новиковымъ и Шварцомъ въ основу московскаго дружескаго Общества, съ небольшими измѣненіями, послѣдовательно перешла въ московское дружеское литературное Общество и позднѣе въ петербургскій Арзамасъ. Хотя по уставу въ Арзамасѣ задача эта была ограничена исключительно литературной средой и литературными цѣлями, но важно было сохраненіе ея, какъ нравственно-воспитательнаго элемента для молодыхъ членовъ Общества. Хотя Арзамасъ закрылся въ 1818—1819 годахъ, по случаю отъѣзда изъ Петербурга нѣкоторыхъ видныхъ его членовъ, но его нравственное вліяніе еще долго чувствовалось въ руководящихъ литературныхъ кружкахъ 20-хъ годовъ. Хранителями и выразителями его лучшихъ преданій были Жуковскій, А. Тургеневъ, Пушкинъ, кн. Вяземскій. Въ частности, въ дѣлахъ благотворительности, Жуковскій часто шелъ впереди своихъ друзей арзамасцевъ, указывалъ имя лицъ, нуждавшихся въ поддержкѣ, преимущественно изъ круга литературныхъ дѣятелей, и настойчиво напоминалъ и, такъ сказать, подгонялъ при случаѣ своихъ пріятелей къ оказанію помощи нуждавшимся лицамъ, какъ показываютъ его настойчивыя хлопоты въ пользу Паррота, фонъ-деръ-Бригена и др. Главными сотрудниками Жуковскаго въ этомъ отношеніи являлись Александръ Тургеневъ и кн. Вяземскій.

Жуковскій идею добра ставилъ всегда на первомъ планѣ и подчинялъ ей свою дѣятельность, свои помыслы и желанія. Въ 1832 году въ письмѣ къ своему великому ученику, Наслѣднику Цесаревичу, позднѣе Царю-Освободителю Александру II. Жуковскій говоритъ: «*Примѣръ* добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что мы можемъ даровать тѣмъ, кто живетъ *вмѣстѣ* съ нами; *память* добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что можемъ оста-

вить тѣмъ, кто будетъ жить *послѣ* насъ». И такъ въ идеѣ добра для Жуковскаго сливалось представленіе объ обязанностяхъ человѣка въ настоящей жизни и о правѣ на признательность потомства послѣ смерти.

Филантропическая основа жизни выработана была Жуковскимъ еще въ молодости. Такъ въ записной книжкѣ, или «журналѣ» 1805 г. Жуковскій отмѣтилъ: «Я не требую слишкомъ многаго. Хочу спокойной, невинной жизни. Желаю не нуждаться; желаю чтобы я и матушка были не несчастны, имѣли все нужное... Спокойная, невинная жизнь, занятія для меня и *другихъ* полезныя или пріятныя, дружба, искренняя привязанность къ моимъ ближнимъ друзьямъ и, наконецъ, если было можно, удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ *благодѣяній*—вотъ всѣ мои требованія отъ Провидѣнія» [1]).

Въ другомъ черновомъ наброскѣ, относящемся, вѣроятно, къ 1814 г., Жуковскій говоритъ: «Наша цѣль—*общее счастье*». «Думая о себѣ, думать о другихъ. Свое особенное не противлять общему. Не желать и не дѣлать ничего, что было бы противно счастью кого-нибудь изъ насъ въ особенности, слѣдовательно, общему. Дѣлать все то только, что бы къ нему способствовало» (ib, 8) Все это наброски черновые, не предназначавшіеся для печати, какъ отраженіе добраго любвеобильнаго сердца.

Въ посланіи къ Арбеневой 1812 г. Жуковскій говоритъ;

Кому дано...
Любовь къ добру переливать въ сердца,
Тотъ на землѣ не тщетный обитатель...

Тѣмъ болѣе, что можно быть полезнымъ и «въ маломъ кругѣ», подобно пчелѣ, которая «свой медъ на скромномъ копитъ лугѣ».

Любить добро и пѣть его на лирѣ
Вотъ все, мой другъ!.. [2]).

Какъ поэтъ, какъ писатель, Жуковскій всегда служилъ своему основному положенію, что поэзія есть добродѣтель. Общій тонъ его поэзіи гуманистическій. Уже въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній—«Къ Тибуллу» 1800 г. Жуковскій говоритъ:

Начто винить боговъ напрасно?
Себя ты можешь пережить;
Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями міру быть,
Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ!

---

[1]) (*Въ прилож. къ отчету Имп. публич. библ.* 1884 г. стр. 6).

[2]) Впервые издано въ прилож. къ *Отч.* Имп. пуб. библ. 1884, 36.

Въ посланіи къ Батюшкову Жуковскій такъ изображаетъ цѣли, къ которымъ долженъ стремиться истинный поэтъ:

О другъ! служенье музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ добрымъ ихъ союзъ.

По мнѣнію Жуковскаго:

Тогда и дарованье
Во благо намъ самимъ,
И мы не посрамимъ
Поэтовъ достоянья.....
Когда любовью страстной
Лишь то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно;
Когда отъ нашихъ лиръ
Льются жизни звуки,
Чарующіе муки,
Сердцамъ дающи миръ...
Когда...
Стезю къ убогихъ прагу
Являетъ богачамъ...

Во многихъ стихотвореніяхъ пробивается человѣколюбивая тенденція, «да бѣдный труженикъ душою расцвѣтетъ» («Къ поэзіи» 1805 г.). Лучшая часть богатаго литературнаго наслѣдства, оставленнаго Жуковскимъ, переводы его изъ Шиллера, Гербеля, Грея, построена на тепломъ, гуманномъ чувствѣ. Изъ оригинальныхъ стихотвореній къ этому теченію прямо примыкаютъ «Свѣтлана», «Добрая мать», «Воспоминаніе», «Письмо къ Александру Тургеневу» и прозаическія къ нему примѣчанія и мн. др.

Чисто филантропической характеръ имѣетъ стихотвореніе «Сиротка». Въ примѣчаніи къ этому стихотворенію Жуковскій говоритъ: «Трогательное происшествіе подало поводъ написать эти стихи. Одна забывчивая мать оставила своихъ дѣтей (трехъ дочерей) въ Москвѣ при нашествіи непріятеля. Малютки спасены жалостью посторонняго, бѣднаго человѣка. Одна изъ дѣвочекъ была принята А. И. Плещеевой, которая пеклась о ней съ материнской нѣжностью и не розпила ее ни въ чемъ съ собственными дѣтьми своими. Другія двѣ были возвращены матери». Стихотвореніе написано въ 1813 г. подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, проникнуто живымъ личнымъ чувствомъ и устойчивымъ оптимизмомъ. Въ видѣ припѣва нѣсколько разъ повторяется мысль, что у святого Провидѣнья нѣтъ сиротъ, что «путь Его всегда къ добру ведетъ».

И старость вызывала въ Жуковскомъ гуманное, филантропическое чувство, что видно изъ черноваго наброска начатаго стихотворенія безъ заголовка 40-хъ годовъ. Стихотвореніе осталось неоконченнымъ. Написано всего 43 стиха:

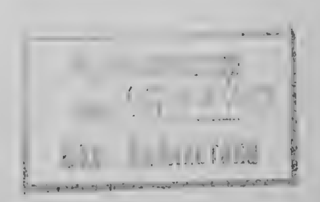
Часто въ прогулкахъ моихъ одинокихъ мнѣ попадался
Старый нищій: всегда у большой дороги сидѣлъ онъ...

Далѣе говорится, какъ онъ медленно ѣлъ корки хлѣба, какъ медленно тащился по пыльной дорогѣ. Ежедневно, склонивши дряхлую голову, бродилъ онъ съ утра до поздней ночи.—«Бѣдный странникъ!».— Въ общей обрисовкѣ, въ эпитетахъ обнаруживается теплое сочувствіе автора.

Въ стихотвореніяхъ Жуковскаго встрѣчаются отзвуки его филантропическихъ заботъ о людяхъ разныхъ общественныхъ положеній.

Одно изъ лучшихъ филантропическихъ стихотвореній Жуковскаго «Посланіе къ кн. Вяземскому 1814 года». Начинается оно превосходнымъ предисловіемъ.

Намъ славитъ древность Амфіона:
Отъ струнъ его могучихъ звона
Воздвигся городъ самъ собой.
Правдоподобно, хоть и чудно!
Что древнему поэту трудно?
А нынче?... Нынче вѣкъ иной!...
И въ наши бѣдственныя лѣта
Не только лирами поэты
Не строятъ новыхъ городовъ,
Но сами часто безъ домовъ,
Богатымъ платятъ пѣснопѣньемъ
За скудный уголъ чердака,
И грѣются воображеньемъ
Подлѣ пустого камелька!
О, Амфіонъ, благоговѣю!
Но, признаюсь, не сожалѣю,
Что даръ твой говорить стѣнамъ
Въ наслѣдство не достался намъ!
Славнѣе говорить сердцамъ
И пробуждать въ нихъ чувства пламень,
Чѣмъ оживлять бездушный камень
И зданья лирой громоздить.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, общія филантропическія цѣли поэзіи, Жуковскій обращается къ Вяземскому, какъ къ поэту и состоятель-

ному человѣку, съ просьбой о пособіи семьѣ бѣднаго умершаго священника.

Съ тобой хочу я говорить,
Мой другъ и братъ по Аполлону!
Склонись къ знакомой лирѣ звону.
Одинъ въ насъ пламенѣетъ жаръ;
Но мой удѣлъ на свѣтѣ—струны!
А твой: и сладкихъ пѣсенъ даръ
И пышные дары фортуны,
Послушай повѣсти моей
(Здѣсь истина безъ украшенья).
Былъ пастырь, образецъ смиренья,
Отъ самыхъ юношескихъ дней
Святого алтаря служитель,
Онъ чистой жизнью оправдалъ
Все то, чѣмъ вѣрныхъ умилялъ
Въ Христовомъ храмѣ, какъ учитель.
Прихожанъ бѣдныхъ тѣсный міръ
Былъ подвиговъ его свидѣтель!
Невидимую добродѣтель
Его лишь тотъ, кто нагъ иль сиръ,
Иль обреченъ былъ униженью,
Вдругъ узнавалъ по облегчéнью
Тяжелыя судьбы своей!
Ему науки были чужды—
И нѣтъ въ излишнемъ знаньѣ нужды!—
Онъ рѣдкую между людей
Въ простой душѣ носилъ науку:
Страдальцу гибнущему руку
Въ благое время подавать.
Не зналъ онъ гордаго искусства
Умы витійствомъ поражать
И приводить въ волненье чувства;
Но, другъ, спроси у сироты,
Когда въ одеждѣ нищеты,
Потупя взоры торопливо,
Она стояла передъ нимъ
Съ безмолвнымъ бѣдствіемъ своимъ,
Умѣлъ ли онъ краснорѣчиво
Въ ней сердце къ жизни оживлять,

И міръ, ей страшный, украшать
Надеждою на Провидѣнье?
Спроси, умѣлъ ли въ страшный часъ,
Когда лишь смерти слышенъ гласъ,
Лишь смерти слышно приближенье,
Онъ съ робкой говорить душой,
И, скрывъ предъ нею міръ земной,
Являть предъ нею міръ небесный?
Какъ часто въ уголъ неизвѣстный,
Гдѣ нищій съ гладною семьей
Отъ свѣта и стыда скрывался,
Онъ неожиданный являлся
Съ святымъ даяньемъ богачей,
Растроганныхъ его мольбою!..
Мой милый другъ, его ужъ нѣтъ!
Судьба внезапною рукою
Его въ другой угнала свѣтъ,
Не давъ свершить здѣсь полдороги!
Вдовы жъ наслѣдство: одръ убогій,
На коемъ жизнь окончилъ онъ,
Да пепелъ хижины сгорѣлой,
Да плачъ семьи осиротѣлой...
Скажи, вотще-ль ихъ жалкій стонъ?
О, нѣтъ! Онъ, землю покидая,
За чадъ своихъ не трепеталъ,
Вѣрнѣй, онъ въ часъ послѣдній зналъ,
Что ихъ найдетъ рука святая,
Не измѣняющая намъ!
Онъ добрымъ завѣщалъ сердцамъ
Сиротъ оставленныхъ спасенье!
Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ!
Исполнимъ добраго завѣтъ
И оправдаемъ Провидѣнье!

И къ самой внѣшней природѣ Жуковскій подходилъ съ симпатической и филантропической точекъ зрѣнія, какъ показываетъ прекрасное его стихотвореніе «Ночь» (1815 г.):

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ.

Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

Къ поэзіи Жуковскаго, какъ оригинальной, такъ и переводной, въ значительной степени приложимо то, что говоритъ Жуковскій о Вальтеръ-Скоттѣ въ прозаической статьѣ «Слова поэта—дѣла поэта» (1848 г.): «...посреди этого очарованнаго міра самое очаровательное есть онъ самъ, его свѣтлая, чистая, младенчески-вѣрующая душа; ея присутствіе разлито въ его твореніяхъ, какъ воздухъ на горныхъ высотахъ, гдѣ дышется такъ легко, освѣжительно и цѣлебно. Его поэзіи предаешься безъ всякой тревоги; съ нимъ вмѣстѣ вѣруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту»...

Доброму сердцу Жуковскаго пришлось вынести много тяжкихъ испытаній. Величайшій врагъ міра--смерть производила среди людей ему близкихъ и дорогихъ жестокія опустошенія, и одна только твердая вѣра въ Промыселъ и безсмертіе души спасала Жуковскаго отъ отчаянія и давала ему силу перенести удары и даже поддержала въ немъ силы для утѣшенія обездоленныхъ и осиротѣвшихъ. Въ молодости Жуковскій потерялъ своего лучшаго друга Андрея Тургенева, потерялъ горячо любимую женщину,—М. А. Мойеръ, затѣмъ идутъ новыя тяжелыя потери, смерть Сергѣя Тургенева, А. А. Воейковой, Пушкина, Кати Воейковой, Міи Рейтернъ, Александра Тургенева, Гоголя и многихъ другихъ близкихъ и дорогихъ ему людей.

Жуковскій вездѣ выступаетъ съ словомъ утѣшенія, съ поддержкой нравственной или матеріальной. Въ наши цѣли не входитъ обрисовка его выдающейся заботливости о близкихъ родныхъ, но все таки нельзя вполнѣ обойти эту сторону филантропической дѣятельности Жуковскаго.

«Радоваться не своимъ личнымъ счастьемъ, а счастьемъ милыхъ намъ людей, есть самое чистое наслажденіе», писалъ Жуковскій графинѣ Барановой въ 1840 г. [1]), и всячески стремился облегчить несчастія.

1 ноября 1812 г. въ Долбино скончался В. И. Кирѣевскій, мужъ племянницы поэта Авдотьи Петровны, отецъ знаменитыхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія И. В. и П. В. Карѣевскихъ. Узнавъ о большой горести А. П. Кирѣевской, Жуковскій въ іюлѣ 1813 г. послалъ изъ г. Черни, гдѣ онъ тогда проживалъ, обширное письмо, въ которомъ настойчиво совѣтовалъ не поддаваться тоскѣ. «Я боюсь,—писалъ Жуковскій, чтобы вы не имѣли вредной мысли, что горе есть обязанность... Я требую, чтобы вы себя переломили, чтобы вы, давъ волю настоящей

[1]) *Рус. Стар.* 1902, IV, 129.

горести въ первую минуту, рѣшительно отказались отъ всего того, что можетъ ее усилить, не останавливались бы надъ ней мысленно, и думали о томъ, что у васъ есть, а не о томъ, что вы потеряли. Стараться быть счастливой есть ваша обязанность, ибо вы мать». Любопытно, что Жуковскій, человѣкъ религіозный, прибавляетъ: «Я желалъ бы, чтобы вы не ходили въ церковь во все время вашего пребыванія въ Долбино». Далѣе онъ совѣтуетъ ей обратиться къ лучшему лѣкарству отъ огорченій— къ труду и подготовиться къ воспитанію дочери [1]).

Извѣстно, какъ много сдѣлалъ Жуковскій для Маріи Андреевны Мойеръ, какъ великодушно и самоотверженно онъ поступился своими личными интересами, и какъ глубоко былъ опечаленъ ранней смертью Марьи Андреевны.

Другая любимая племянница, бывшая въ несчастномъ замужествѣ за мелочнымъ писателемъ Воейковымъ, Александра Андреевна скончалась отъ чахотки въ Италіи въ 1828 г. Незадолго до ея кончины, Жуковскій, узнавъ о безнадежномъ ея положеніи, писалъ: «Твоя жизнь была чиста. Иди по своему назначенію! Благословляю тебя! Я знаю, что ты спокойна и свѣтла. Я хочу только успокоить твои послѣднія минуты извѣстіемъ о томъ что останется отъ тебя въ этомъ мірѣ. Не безпокойся объ участи своихъ дѣтей. Мы ихъ усыновляемъ—я, Петровскій и Полина (Толстая). Государыня не забудетъ ихъ, положись на ея сердце. Катя и Саша, надѣюсь, могутъ жить со мною. Я постараюсь найти надежную особу, которая могла бы наблюдать за ними. Полина можетъ взять на себя заботы о Машѣ. Андрюша долженъ остаться въ Женевѣ, въ сторонѣ отъ отцовскаго вліянія; окончивъ свое первоначальное обученіе, онъ возвратится, и я позабочусь о немъ... Будь покойна... Провидѣніе замѣнитъ для твоихъ дѣтей душу ихъ матери и вознаградитъ ихъ за твою жизнь, столь чистую, невинную и полную испытаній... Ты будешь жить для насъ въ привязанности нашей къ твоимъ дѣтямъ и въ заботахъ нашихъ о нихъ»... Письмо пришло въ Пизу уже по смерти Александры Андреевны. [2])

Жуковскій свято соблюдалъ свои обѣщанія. Прошло 9 лѣтъ, а онъ и Марію Воейкову пристроилъ въ Екатерининскій институтъ. По его просьбѣ она была помѣщена въ 1837 г. въ училище ордена св. Екатерины пансіонеркой Жуковскаго до выпуска 1838 г., послѣ чего переходила на иждивеніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны [3]).

---

[1]) *Русская Старина* 1883, 1, 197—200.
[2]) *Зейдлицъ*, Жизнь и поэз. Жук. 146.
[3]) *Русская Старина* 1898, нояб. 366.

При кончинѣ друзей Жуковскій былъ утѣшителемъ; онъ бралъ на себя тяжелыя хлопоты по обряживанію умершихъ и похоронамъ. Такъ было при кончинѣ Пушкина. Такъ было ранѣе при кончинѣ Сергѣя Тургенева и во многихъ другихъ случаяхъ. Какъ былъ распорядителенъ и внимателенъ въ этомъ отношеніи Жуковскій, можно видѣть изъ его письма къ Е. Г. Пушкиной 1827 г. изъ Парижа по поводу смерти Сергѣя Тургенева. Онъ выпроводилъ опечаленнаго его брата Александра ночевать въ другой домъ, а самъ остался при тѣлѣ умершаго для послѣднихъ распоряженій. [1])

Для гуманныхъ людей большое значеніе имѣетъ jus manium, почтительное отношеніе къ памяти умершихъ. И Жуковскій въ этомъ отношеніи стоялъ высоко. Онъ шелъ за гробомъ своего стараго литературнаго противника А. С. Шишкова и, обратясь къ Сербиновичу, сказалъ «это нашъ послѣдній долгъ истинно честному и правдивому человѣку». [2])

Жуковскій въ своихъ ходатайствахъ за бѣдныхъ и несчастныхъ былъ такъ настойчивъ, что, какъ говорится, «надоѣдалъ», и отъ него уходили, или отказывали съ рѣзкостью, о которой потомъ сожалѣли и извинялись. Такъ, Дашковъ, членъ Арзамаса, впослѣдствіи (1832—1839) Министръ Юстиціи, человѣкъ рѣзкаго и рѣшительнаго нрава, «бронза» —по словамъ А. С. Пушкина, однажды такъ крупно поговорилъ съ своимъ другомъ поэтомъ, по своему обыкновенію за кого-то просившимъ, что извинялся письменно. «Прости старинный и добрый другъ,—писалъ Дашковъ. Ты нашелъ меня больного, въ дурномъ расположеніи духа и уже разсерженнаго аристократическими претензіями тѣхъ лицъ, за которыхъ ты пріѣзжалъ мнѣ говорить. Я досадовалъ не на тебя, а на тѣхъ, которые вмѣшали твою дружбу въ тяжебное дѣло. Ты знаешь сердился ли я, когда ты мнѣ говорилъ столько разъ за людей бѣдныхъ беззащитныхъ, sans faveur de cour et hors du cercle de la soi disante bonne compagnie«. [3])

Съ особенной яркостью благородная смѣлость и настойчивость въ достиженіи добрыхъ цѣлей обнаруживается въ его многократныхъ просьбахъ и ходатайствахъ объ амнистіи декабристовъ. Настойчивость Жуковскаго вызвала было даже грозное неудовольствіе императора Николая Павловича. Слушай! сказалъ, однажды императоръ Жуковскому, знаешь ли пословицу: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты». Ее можно примѣнить къ тебѣ. Не смотря на то, что Тургеневъ осужденъ, ты безпрестанно за него вступался и не только мнѣ, но и

---

[1]) *Девятн. вѣкъ* I. 416.

[2]) *Русская Старина* 1896, сент., 577.

[3]) *Русск. Архивъ*, 1894, III, 142.

вездѣ говорилъ, что считаешь его невиновнымъ... Ты навлекъ на себя нареканія. Тебя называютъ главою партіи, защитникомъ всѣхъ тѣхъ, что только худъ съ правительствомъ»... И послѣ такой, какъ самъ Жуковскій выразился, «головомойки», Жуковскій записалъ въ своемъ дневникѣ: «Я съ своей стороны буду продолжать жить, какъ я жилъ. Не могу покорить себя ни Булгаринымъ, ни Бенгондорфу: у меня есть другой вожатый—моя совѣсть, моя вѣрность государю [1]).

Жуковскій былъ центромъ обширно филантропической дѣятельности для лицъ, разныхъ сословій, безъ различія національности или вѣроисповѣданія. Пушкинъ изъ Михайловскаго въ 1824 г. просилъ Жуковскаго похлопотать за 8-ми лѣтнюю Родосю Сафіоносъ, сиротку дочь грека, павшаго въ Скульнской битвѣ. [2]) Нѣмецкіе художники, нѣмецкіе пасторы обращаются къ Жуковскому съ просьбами о пособіи. [3])

Въ 1842 г. Жуковскій хлопоталъ о выдачѣ пенсіи вдовѣ Врангеля, бывшаго одно время при наслѣдникѣ—цесаревичѣ учителемъ правовѣдѣнія. Въ письмѣ къ Цесаревичу Жуковскій говоритъ, что Врангель былъ «добрый, скромный, человѣкъ чистѣйшей нравственности, былъ богатъ свѣдѣніями по своей части и постоянно усерденъ въ исполненіи своихъ обязанностей» [4]).

Въ 1847 г. Жуковскій написалъ къ Наслѣднику Цесаревичу такъ сочувственно «о жалкомъ огрызкѣ Кавказа» графѣ Штейнбокѣ, потерявшемъ ногу въ сраженіи и лѣчившемся за границей, [5]) что, очевидно, его желаніе склонить добраго Цесаревича къ пособію Штейнбоку.

Изъ записокъ А. О. Россетъ-Смирновой и изъ одного письма Жуковскаго видно, что онъ помогалъ изъ своихъ личныхъ средствъ сербамъ и черногорцамъ, обучавшимся въ Россіи и былъ такимъ образомъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ организованной помощи южнымъ славянамъ [6]).

Оказывалъ пособіе Жуковскій и нѣкоему Звѣреву, [7]) и нѣкоему Ковалькову, [8]) и нѣкоему Боку [9]) и какому то мальчику литератору, и одному неизвѣстному бѣдному нѣмецкому скульптору, [10]) и многимъ другимъ, имена которыхъ нынѣ покрыты мракомъ неизвѣстности.

---

1) Рус. Стар. 1902, IV 81.
2) „Письма Пушкина“, изд. 1888, 101.
3) «Русск. Стар.» 1897, II, 276.
4) *Жуковскій*, сочин. VI. 429.
5) Тоже, 537.
6) *Смирнова*, Записки, 90.
7) *Отчетъ*, Импер. Публ. Библ. 1895, прилож., 41.
8) *Тихонравовъ*, Сочин. III 417.
9) *Рус. Стар.* 1902, IV 149.
10) *Гротъ, Я. К.*, Переписка I 313, 317, II 351.

Въ 20-хъ годахъ, когда Жуковскій жилъ во дворцѣ, у него на лѣстницѣ толпились просители всякаго рода. Когда у него не хватало личныхъ средствъ, онъ привлекалъ къ пожертвованіямъ Царственныхъ Особъ и своихъ друзей. Во многомъ помогали ему Императрица Александра Өеодоровна, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, кн. Вяземскій, гр. Вьельгорскіе, А. Тургеневъ. Послѣ смерти Жуковскаго оказалось, что онъ въ нѣмецкомъ страховомъ обществѣ застраховалъ свою жизнь въ пользу близкихъ и дорогихъ ему лицъ.

Въ заключеніе можно сказать, что Жуковскій оставилъ послѣ себя прекрасную память, какъ человѣкъ, писатель, педагогъ; выше всего стоялъ онъ, какъ человѣкъ, и всѣ прочія его достоинства были лишь отраженіемъ его прекраснаго добраго сердца.

2.

Отрицаніе крѣпостничества.

Филантропическая дѣятельность Жуковскаго ярко выразилась въ отрицательномъ отношеніи къ крѣпостничеству и посильномъ стремленіи къ уврачеванію язвъ, имъ причиненныхъ.

Крѣпостничество было главнымъ общественнымъ зломъ въ первую половину прошлаго столѣтія. Осуждаемое лучшими, передовыми людьми общества, отлично понимавшими глубоко развращающее вліяніе соціальнаго рабства, проклинаемое закрѣпощенными массами, крѣпостничество, однако, строго охранялось, какъ основа существующаго соціальнаго строя, и всякое противодѣйствіе или осужденіе инкриминировалось, какъ государственное преступленіе.

Жуковскій въ отношеніи къ крѣпостничеству шелъ въ рядъ съ лучшими людьми своего времени, какъ членами Арзамаса, А. С. Пушкинымъ, писателями декабристами. Правда, онъ не высказывался такъ рѣзко, какъ, «напр., Н. И. Тургеневъ, который сѣтовалъ что русскіе» не имѣютъ права говорить о ненавистномъ рабствѣ крестьянъ, не смѣютъ показывать всю его мерзость и беззаконность»[1]). Жуковскій отрицалъ крѣпостничество и не мало потрудился для уврачеванія нѣкоторыхъ язвъ его, для спасенія его жертвъ. Въ 1822 г. онъ отпустилъ на волю крѣпостныхъ людей, купленныхъ на его имя книгопродавцемъ Поповымъ; это стоило ему 2400 руб. «Дѣло лежитъ у меня на душѣ, и я виню себя очень, что давно его не кончилъ»[2]). Вскорѣ онъ далъ свободу лично ему принадлежавшему семейству крѣпостныхъ, бѣлевскому Максиму съ дѣтьми. Онъ боялся проволочки времени, боялся, что его «несчастный Максимъ будетъ принужденъ влачить оковы эсклава». Въ другомъ письмѣ Жуковскій сердечно благодаритъ А. П. Елагину за исполненіе его порученій. «Очень радъ, писалъ онъ, что мои эсклавы получили волю». Въ томъ же письмѣ онъ жалуется, что въ переводѣ стихотворенія Шиллера «Три слова вѣры» не могъ провести черезъ цензуру стихъ:

---

1) Остафьевскій Арх. I 103.

2) *Зейдлицъ*, Жизнь и поэзія Жуковскаго, 123.

Der Mensch ist frei geschaffen, ist frei,
Und wäre er in Ketten geboren [1]).

Однимъ изъ раннихъ литературныхъ обличеній крѣпостничества считается прозаическая статья Жуковскаго «Печальное происшествіе» 1809 г. Историкъ крестьянскаго вопроса В. И. Семевскій говоритъ, что тутъ Жуковскій «затрогиваетъ лишь одну, но довольно важную сторону быта крѣпостныхъ» [2]).

Въ статьѣ говорится о томъ, какъ крѣпостная дѣвушка, получившая хорошее образованіе, была продана нелюбимому ей человѣку. Статья напечатана въ видѣ письма къ издателю Вѣстника Европы, а въ концѣ ея находится слѣдующее добавленіе:

Издатель позволяетъ себѣ сдѣлать при этомъ случаѣ одно замѣчаніе насчетъ нѣкоторыхъ мнимыхъ благотвореній, весьма обыкновенныхъ въ свѣтѣ. Многіе изъ русскихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ фаворитовъ. Что это значитъ? Они выбираютъ мальчика или дѣвочку изъ служителей, приближаютъ ихъ къ своей особѣ, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ непринадлежащими и оставляютъ ихъ въ прежней зависимости. То ли называется благотвореніемъ? Человѣкъ зависимый, знакомый съ чувствами и понятіями людей независимыхъ, несчастливъ навѣки, если не будетъ дано ему благо—свобода! Для чего развиваете въ бѣдномъ слугѣ знанія и талантъ? Для того ли, чтобы онъ яснѣе могъ почувствовать современемъ, что провидѣніе наградило его такимъ удѣломъ, въ которомъ и таланты его и познанія должны угаснуть безслѣдно? Если вы образуете его единственно для себя, то ваше благотвореніе есть самый жестокій эгоизмъ, или лучше сказать злодѣйство, украшенное блестящею личиной благодѣтельности. Просвѣщеніе должно возвышать человѣка въ собственныхъ его глазахъ, а что унизительнѣе рабства! Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованія и умъ необыкновенный и такъ, прежде чѣмъ рѣшиться открыть ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу, или убійственное чувство рабства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченія. Вы или укажите ему дорогу къ испорченности и разврату, или душа его—если она неспособна привязаться къ пороку—увянетъ отъ тайной скорби, всегда неразлучной съ униженіемъ. Примѣры безчисленны» [3]).

Жуковскій смѣло вскрываетъ самое больное мѣсто крѣпостничества—угнетеніе личности, пришедшей къ сознанію своихъ личныхъ человѣческихъ правъ. Какъ много было трагическихъ исторій на этой почвѣ по-

[1]) *Зейдлицъ*, 125.
[2]) *Семевскій*, Рус. Стар. 1887, т. 56, 85.
[3]) *Жуковскій*, Сочиненія, 1885, V, 320.

казываютъ старинные мемуары, записки и воспоминанія разныхъ лицъ, разсѣянные на страницахъ историческихъ журналовъ.

Въ Вѣстн. Европы 1809 г. въ статьѣ «Печальное происшествіе» Жуковскій, между прочимъ, въ видѣ иллюстраціи тяжелаго положенія крѣпостныхъ, получившихъ образованіе, говоритъ: «Я знаю одного живописца; онъ былъ крѣпостной человѣкъ добраго господина, получилъ хорошее образованіе, жилъ на волѣ и пользовался талантомъ своимъ, но еще не имѣлъ свободы. Что же? Господинъ его умеръ, и этотъ бѣднякъ достался другому, вѣроятно, не имѣющему особеннаго уваженія къ человѣчеству. Новый господинъ взялъ его въ домъ, и теперь этотъ человѣкъ, который принимаемъ былъ съ отличіемъ и въ лучшемъ обществѣ, потому что вмѣстѣ съ своимъ талантомъ имѣлъ и наружность весьма благородную, ѣздитъ въ ливреѣ за каретою, разлученъ съ женою, которая отдана въ приданое за дочерью господина его; я встрѣтился съ нимъ въ одной лавкѣ, и едва могъ узнать его въ новомъ нарядѣ, а еще болѣе по непріятному запаху вина, которое, вѣроятно, служитъ ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ горестной его участи»[1]).

Жуковскій самъ былъ художникомъ не только слова, но и кисти, занимался живописью, и эта субъектная черта еще болѣе усиливала его филантропическое отношеніе къ крѣпостнымъ художникамъ.

Въ сферѣ практической дѣятельности Жуковскій хлопоталъ объ освобожденіи поэта Сибирякова, архитектора Швецова, художника Шевченка и др.

Иванъ Сем. Сибиряковъ, крѣпостной человѣкъ одного рязанскаго помѣщика, обучался въ московскомъ народномъ училищѣ, съ дѣтства отличался любовью къ чтенію и къ театру. У помѣщика онъ исполнялъ роль кондитера и актера, въ 1812 поступилъ въ собственность другого помѣщика; съ новымъ бариномъ онъ побывалъ въ Германіи, выучился нѣмецкому языку и сталъ усердно сочинять стихи и подносить ихъ разнымъ сильнымъ и вліятельнымъ лицамъ. Слухи о печальной судьбѣ раба поэта распространились въ обществѣ. Въ 1818 г. Свиньинъ напечаталъ сочувственную о немъ статью «Природный русскій стихотворецъ». Въ судьбѣ Сибирякова горячее участіе приняли арзамасцы, особенно Жуковскій, кн. Вяземскій, братья Тургеневы и нѣкоторыя другія лица. Путемъ пожертвованій собрана была огромная сумма 10,000 руб., и Сибиряковъ былъ выкупленъ и опредѣленъ на службу. Признательный Сибиряковъ выразилъ своимъ освободителямъ благодарность въ письмѣ къ Свиньину

---

1) *Жуковскій*, Собр. соч., 1885, V, 326.

отъ 20 окт. 1821 г. (напеч. въ Отеч. Зап.). Г. Саитовъ говоритъ, чт «ни стихотворенія, ни призаическія статьи Сибирякова не представляютъ собою ничего замѣчательнаго. Въ своемъ литературномъ развитіи онъ не пошелъ далѣе неуклюжихъ опытовъ писателя самоучки, лишеннаго образованія и не обладавшаго талантомъ. Сочувствіе же, выраженное ему обществомъ, объясняется не симпатіями съ его сомнительнымъ дарованіямъ, но живымъ интересомъ къ крестьянскому вопросу вообще, волновавшему въ то время умы передовыхъ русскихъ людей»... [1]).

Къ 1827 г. относятся хлопоты А. И. Тургенева и Жуковскаго за горемычнаго Швецова. Швецовъ, крѣпостной (glebae adscriptus—какъ писалъ А. Тургеневъ) Демидовскихъ заводовъ въ Сибири, посланъ былъ Демидовымъ заграницу для изученія горнаго дѣла, получилъ хорошій аттестат въ парижскомъ горномъ училищѣ путешествовалъ по Италіи, Венгріи, Германіи и Франціи для изученія горнаго дѣла, писалъ стихи. Онъ просилъ Демидова дать ему отпускную и получилъ отказъ. Ему обѣщана была свобода лишь при условіи усердной службы на сибирскихъ заводахъ Демидова въ теченіе 10 лѣтъ. А. И. Тургеневъ возмущался, что судьба Швецова будетъ зависѣть отъ каприза заводскаго прикащика. Онъ надѣялся выхлопотать для него кое-какія льготы черезъ Жуковскаго, который былъ предувѣдомленъ о судьбѣ Швецова; но неизвѣстно, чѣмъ разрѣшилась участь этого интеллигентнаго раба [2]).

Хлопотамъ Жуковскаго о Шевченкѣ мы посвящаемъ особую статью и потому здѣсь на нихъ не останавливаемся.

Жуковскій, при случаѣ, удѣлялъ свое вниманіе къ простымъ крестьянамъ, и хлопоталъ объ ихъ освобожденіи, независимо отъ степени ихъ образованія.

Извѣстный академикъ, публицистъ и общественный дѣятель А. В. Никитенко сбросивъ съ себя цѣпи крѣпостнаго рабства въ 1824 г., рѣшился, по достиженіи общественнаго положенія и матеріальной обезпеченности, освободить свою мать и брата. Это было уже въ 1841 г. черезъ 17 лѣтъ. Онъ предложилъ выкупъ своему бывшему владѣльцу графу Ш., но послѣдній очень неохотно, подъ вліяніемъ многихъ ходатайствъ, отпустившій на волю самого Никитенко, не спѣшилъ сдѣлать тоже самое по отношенію его матери и брата. «Вся кровь кипитъ во мнѣ, писалъ по этому поводу Никитенко въ своемъ Дневникѣ. Полуумный вельможа имѣетъ право мнѣ отказать: это называется правомъ!... Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда изъ Москвы В. А. Жуковскаго. Можетъ быть

---

[1]) *Саитовъ*, Остафьевскій архивъ, I, 625. *Семевскій, В.*, Русск. Стар. 1887, т. 56, стр. 103.
[2]) Русск. Арх. 1895, III, 39.

его вліяніе въ состояніи будетъ что-нибудь сдѣлать»... Но вотъ пріѣхалъ Жуковскій, и Никитенко поспѣшилъ къ нему. Вотъ что онъ записалъ по этому поводу въ Дневникѣ: «Жуковскій съ негодованіемъ слушалъ мой разсказъ о моихъ неудачныхъ попыткахъ и открыто выражалъ отвращеніе свое къ образу дѣйствій графа Ш. и къ обусловливающему ихъ порядку вещей. Василій Андреевичъ обѣщался пустить въ ходъ весь свой кредитъ. Я съ своей стороны не постою ни за какой суммой выкупа, если послѣдній потребуется, чего бы мнѣ ни стоило скопить ее»! Прошло три недѣли, и Никитенко съ чувствомъ душевнаго умиленія вноситъ въ свой Дневникъ замѣчаніе: «Дѣло о матери моей и братѣ кончилось такъ хорошо только благодаря вмѣшательству Жуковскаго. Да благословитъ его Богъ. Сегодня я былъ у него и благодарилъ его» [1]).

Въ дѣлѣ Никитенко характерно, что Жуковскій въ 1841 году «съ негодованіемъ» слушалъ разсказы о крѣпостничествѣ, «съ отвращеніемъ» относился къ его представителямъ. Замѣчательно, что онъ ходатайствуетъ, по просьбѣ Никитенка, за маленькихъ людей, ничѣмъ не выдававшихся изъ массы крѣпостнаго народа.

---

1) *Никитенко*, Дневникъ I, 413—415.

3.

Заботы о декабристахъ.

Въ высокой степени гуманное отношеніе Жуковскаго къ декабристамъ и его настойчивыя хлопоты объ амнистіи ихъ давно уже стали достояніемъ печати и получили надлежащую оцѣнку. Въ частности особенно много матеріала собрано по самому сложному и хлопотливому дѣлу о Н. И. Тургеневѣ. Разныя статьи и замѣтки Жуковскаго по этому поводу нашли мѣста въ Рус. Архивѣ и Рус. Старинѣ. Н. Ф. Дубровинъ въ IV кн. Рус. Стар. 1902 г. помѣстилъ большое и обстоятельное изслѣдованіе объ отношеніяхъ В. А. Жуковскаго къ декабристамъ (стр. 45—119). Изслѣдованіе это, построенное большей частью на извѣстныхъ ранѣе матеріалахъ, а частью съ привлеченіемъ новыхъ, распадается на 5 главъ: 1) В. А. Жуковскій и семейство Якушкиныхъ, 2) В. А. Жуковскій и братья Тургеневы, 3) В. А. Жуковскій и В. К. Кюхельбекеръ, б) В. А. Жуковскій и Ѳ. Н. Глинка и 5) В. А. Жуковскій и А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггенъ.

Не имѣя въ виду повторять или пересказывать общедоступное изслѣдованіе г. Дубровина, отмѣтимъ для цѣльности очерка филантропической дѣятельности Жуковскаго главныя проявленія его заботливости о декабристахъ и семьяхъ ихъ.

Жуковскій отнесся весьма сочувственно къ горю Настасьи Васильевны Якушкиной, урожд. Шереметевой, и горю ея матери Над. Ник. Шереметевой, во время постигшаго ихъ несчастія, ссылки Ив. Дм. Якушкина за участіе въ событіи 14 декабря 1825 г. Первое прошеніе Шереметевой о разрѣшеніи ея дочери отправиться къ мужу Жуковскій собственноручно переписалъ для представленія Государю и исправилъ недостатки подлинника. Впослѣдствіи онъ не разъ извѣщалъ Шереметеву объ оборотѣ, которое принимало дѣло, хотя и не соглашался признать справедливымъ желаніе ея дочери раздѣлить ссылку мужа. Основываясь на самоотверженномъ запрещеніи самого пострадавшаго декабриста, отклонявшаго эту поѣзку ради будущности дѣтей, Жуковскій убѣждалъ молодую женщину отказаться отъ личнаго счастья, и, пожертвовавъ любовью къ мужу, посвятить себя исключительно дѣтямъ и сдѣлать для нихъ по-

возможности незамѣтною потерю отца. «Дѣтьми пожертвовать она не имѣетъ права, утверждалъ Жуковскій, и пожертвованіе не облегчитъ участи отца, а только обременитъ его новымъ бѣдствіемъ». Какъ впослѣдствіи смотрѣлъ Жуковскій на почтенную личность Шереметевой, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «повѣрьте мнѣ, что люблю васъ всѣмъ сердцемъ своимъ за васъ самихъ и за ваше несчастіе, которое вы умѣете сдѣлать высокимъ добромъ для вашей жизни» [1]).

Совѣты Жуковскаго не могли пересилитъ чувства любящей женщины. Н. В. Якушкина собралась было въ путь въ 1832 г.; но свыше послѣдовало прямое запрещеніе, съ указаніемъ, что она «для дѣтей должна пожертвовать желаніемъ видѣться съ мужемъ» [2]).

Въ 1837 г., провожая Наслѣдника Цесаревича въ его путешествіи по Сибири, Жуковскій посѣтилъ Ялотуровскъ и Курганъ. Въ Ялотуровскѣ находились тогда декабристы Муравьевъ-Апостолъ, Черкасовъ и Якушкинъ. Онъ, поспѣшая за Цесаревичемъ, не повидался съ ссыльными декабристами и вскорѣ писалъ по этому поводу Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: «я горько упрекалъ себя, что тамъ на минуту не остановился; я пропустилъ случай утѣшить своимъ посѣщеніемъ бѣдныхъ изгнанниковъ, и этотъ случай уже никогда не возвратится». Далѣе Жуковскій говоритъ, что Черкасова погубила молодость, что у Якушкина «прежнее невѣріе обратилось въ глубокую вѣру» и, съ очевиднымъ разсчетомъ на доброе сердце Императрицы, добавляетъ: «такіе люди достойны того, чтобы милосердіе подало имъ руку и подняло ихъ изъ той пропасти, въ которую они впали въ минуту заблужденія, ослѣпившаго умъ, но не развратившаго сердце».

Въ Курганѣ Жуковскій видѣлся съ Нарышкиной, которая глубоко тронула его своею «тихостью и благородной простотой въ несчастіи».

Въ Курганѣ Жуковскій познакомился съ Розеномъ, который вывихнулъ ногу и ходилъ на костыляхъ. Онъ могъ бы легко вылѣчить ея, но въ Курганѣ не было для того средства. «Надобно бы было отправиться хотя въ Тобольскъ», добавляетъ Жуковскій.

Тамъ же я еще видѣлъ, пишетъ далѣе Жуковскій, Бриггена, Назимова и Лорера. Особенно поразила меня во всѣхъ ихъ смиренная покорность судьбѣ своей и въ то же время признаніе вины своей и той кротости (?), какая имъ была оказана во всѣ эпохи изгнанія. Ни одного изъ встрѣченныхъ мною въ Курганѣ я не зналъ прежде; но свиданіе со мною было имъ отрадою, правда, минутною. И простясь съ ними, я живо

---

1) *Шенрокъ*, въ Рус. Стар. 1892, т. 76, стр. 150.

2) *Дубровинъ*, въ Рус. Стар. 1902, IV 47.

почувствовалъ, что такое изгнаніе. Мы исчезли для нихъ, какъ тѣни. На одинъ мигъ явилась передъ ними Россія, и родные, и погибшее прошлое, и осталось отъ всего безнадежное будущее»[1]).

Все это письмо Жуковскаго къ Императрицѣ проникнуто чувствомъ глубокой человѣчности, самаго чистаго и нѣжнаго состраданія. Онъ еще не смѣетъ прямо просить за всѣхъ декабристовъ; но для каждаго онъ находитъ доброе слово прощенія, извиненія, и отъ каждаго его слова вѣетъ духомъ примиренія и прощенія; изъ каждый строки сквозитъ скрытая просьба о помилованіи.

Въ 1837 г. Жуковскій предпринималъ разные ходы съ цѣлью добиться облегченія участи декабристовъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ въ письмѣ къ отцу своему изъ Сибири говоритъ: «мнѣ было бы чрезвычайно пріятно, чтобы пріѣздъ мой принесъ этимъ несчастнымъ облегченіе въ ихъ судьбѣ... Отмѣтивъ далѣе нужды нѣкоторыхъ декабристовъ, обращавшихся съ просьбами къ Жуковскому, Цесаревичъ добавилъ: осмѣливаюсь и я хлопатать за сихъ несчастныхъ».

Вскорѣ, въ іюнѣ 1837 г., Жуковскій [2]) изъ Златоуста обратился къ Императору съ личной просьбой объ амнистіи декабристовъ. «Государь, даруйте всепрощеніе, несчастнымъ осужденнымъ, но и достойно наказаннымъ по заговору 1825 г. Пускай этотъ актъ, въ которомъ выразится самодержавіе во всей свойственной ему красотѣ и силѣ, ознаменуетъ первое посѣщеніе Сибири сыномъ царскимъ».

Письма сына — наслѣдника и Жуковскаго не остались безрезультатными. Участь нѣкоторыхъ ссыльныхъ была отчасти смягчена, но далеко не въ той степени, какъ желали того Жуковскій и Великій Князь.

Радости Жуковскаго не было предѣловъ. «Посреди дороги, писалъ Жуковскій императрицѣ Александрѣ Өедоровнѣ, подъ открытымъ небомъ, мы трое, Великій Князь, Кавелинъ и я (по полученіи извѣстія) обнялись во имя царя, возвѣстившаго намъ милость къ несчастнымъ. Мы трое, не сговариваясь, сдѣлали и съ однимъ чувствомъ обратились къ государю» [3]).

Въ 1839 г. Жуковскій писалъ Наслѣднику Цесаревичу: «Въ Бородинѣ дрался Коновницынъ, а Коновницынъ былъ честью русскаго войска. Дочь его (Елиз. Петр., жена декабриста Мих. Мих. Нарышкина) въ молодости лѣтъ выпила всю чашу горести за чужую вину; эта дочь умоляетъ великодушнаго государя взглянуть съ благоволеніемъ на преступнаго мужа ея, который не жалѣлъ жизни въ сраженіи, чтобъ за-

[1]) *Жуковскій*, Сочиненія, изд. 1885, VI, 305.
[2]) *Русск. Стар.* 1902 IV. 99.
[3]) *Русск. Стар.* 1902, IV 105.

гладить вину свою и заслужить ту милость, которая уже была ему оказана по просьбѣ наслѣдника престола. Нарышкинъ представленъ за храбрость въ офицеры; быть можетъ, и рано еще получить эту награду, но день Бородинскій, день Бородинскій громко вопіетъ къ царю: помяни милосердіемъ храбраго Коновницына» [1]).

Въ томъ же письмѣ Жуковскій ходатайствуетъ за старуху Е. Ѳ. Муравьеву. Оба сына ея (Никита и Александръ Михайловичи) попали въ каторгу. Выручить ихъ не было надежды, у старшаго сына умерла жена и на рукахъ осталась больная дочь дѣвочка. «Только перемѣна суроваго климата на болѣе теплый можетъ спасти бѣдную жизнь младенца». Преступленіе наказано изгнаніемъ, смертью жены, и Жуковскій не допускаетъ возможности третьяго еще наказанія—смерти ребенка. Онъ надѣется, что государь, нѣжный отецъ своихъ дѣтей на тронѣ, войдетъ въ чувства отца, который все же отецъ, хотя и колодникъ». По разнымъ ходатайствамъ Муравьева получила внучку (Соф. Никит. Муравьева, впослѣдствіи супруга М. Л. Бибикова) [2]).

Въ маѣ 1846 г. Жуковскій, по случаю одного радостнаго событія въ Царской Семьѣ, писалъ къ Наслѣднику Цесаревичу изъ Франкфурта на Майнѣ. «Въ Семьѣ Царской радость и праздникъ. Народъ русскій радуется и празднуетъ. Пускай же къ радости и празднику присоединится утѣшеніе горя и прощеніе вины. Если бы въ эту минуту я находился близъ государя и если бы имѣлъ право выразить передъ нимъ свою душу, я бы свободно сказалъ ему: «Государь, дайте волю вашей благости; она есть высочайшая привиллегія самодержавія: помилуйте изгнанниковъ. Двадцать лѣтъ изгнанія удовлетворяютъ всякому правосудію, а между ними уже много такихъ, которые, перетерпѣвъ заслуженное наказаніе, заслуживаютъ теперь не гнѣвъ, а уваженіе. Вотъ что бы я сказалъ нашему великодушному царю, указавъ на страницу евангелія, гдѣ стоитъ слово Спасителя: «*Блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ*»... Богъ слышитъ и исполняетъ наши молитвы, когда мы сами слышимъ слова умоляющихъ. Если же я не могу говорить прямо царю, то говорю прямо къ его наслѣднику. Если не можетъ быть дано всепрощенія, то пускай хотя нѣкоторые почувствуютъ на себѣ благодать царскаго семейнаго счастія. Я вспомнилъ теперь особенно о двухъ. Одного я видѣлъ въ Курганѣ, другого хотѣлъ видѣть въ Ялоторовскѣ, но это не удалось мнѣ. Первый есть Бриггенъ; онъ истинно достоинъ уваженія по тому смиренію, съ какимъ переноситъ свою участь.

---

[1]) *Жуковскій*, Сочиненія, VI, 402.
[2]) *Жуковскій*, Сочиненіе VI, 403.

Я получилъ отъ него переводъ «Кесаревыхъ Записокъ», весьма замѣчательный. Другой Якушкинъ... Я читалъ многія письма, писанныя имъ къ женѣ и къ дѣтямъ. Увѣряю васъ, что я ничего трогательнѣе не читалъ: ни слова ропотнаго, удивительная ясность и твердость, мужеское христіанское смиреніе... Признавъ себя виновнымъ, онъ не считалъ себя вправѣ умолять о помилованіи; но благость царская сама должна найти его... Повѣряю Вашему Высочеству эти строки; я и въ мысляхъ не имѣлъ писать ихъ; онѣ вдругъ, неожиданно слились съ пера моего. Скажу вамъ, что Бриггена я видѣлъ только одинъ разъ въ жизни, въ Курганѣ, Якушкина же я зналъ ребенкомъ, когда онъ еще былъ въ пансіонѣ; послѣ съ нимъ я никогда не встрѣчался; слѣдовательно говорю объ обоихъ безъ личнаго пристрастія» [1]).

Изъ отдѣльныхъ декабристовъ, наибольшей поддержкой Жуковскаго пользовались Н. И. Тургеневъ, В. К. Кюхельбекеръ, Ѳ. Н. Глинка и А. Ѳ. Фонъ-деръ-Бриггенъ. Такъ какъ всѣ они входятъ въ кругъ писателей, то имъ отведены на послѣдующихъ страницахъ отдѣльныя небольшія статьи, по включенію ихъ въ многосложный отдѣлъ литературныхъ связей Жуковскаго и его добрыхъ дѣлъ въ собственно литературной сферѣ.

---

[1]) *Жуковскій*, Сочиненія, VI 515.

4.

В. А. Жуковскій и К. Н. Батюшковъ.

Бартеневъ въ статьѣ о Батюшковѣ въ Рус. Архивѣ 1867 г. говоритъ, что Батюшковъ «останется навсегда писателемъ образцовымъ, вѣчнымъ учителемъ изящнаго для будущихъ поколѣній»... По мнѣнію Бартенева, «прочное преуспѣяніе нашего отечества на пути просвѣщенія» зависитъ отчасти отъ того, какъ скоро сочиненія Батюшкова «сдѣлаются общимъ образовательнымъ чтеніемъ русскаго народа».

Мнѣніе Бартенева о важности Батюшкова для общаго образованія, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ весьма крупныя преувеличенія. Для широкихъ слоевъ общества Батюшковъ крайне устарѣлъ. Можно сказать, что Батюшковъ въ значеніи «общеобразовательнаго чтенія» представляется совсѣмъ невозможнымъ. Въ народъ самое имя Батюшкова можетъ проникнуть только черезъ учебники. А въ учебникахъ исторіи русской словесности и въ школьныхъ христоматіяхъ Батюшковъ еще надолго удержится—не въ силу стиховъ, которые даже для средней школы теперь устарѣли, а главнымъ образомъ, въ силу его прозы, которая до нынѣ не потеряла высокаго художественнаго значенія, и въ силу его вліянія на Пушкина въ лицейскій періодъ вліянія, признаннаго самимъ Пушкинымъ.

Батюшковъ, какъ писатель, во всемъ объемѣ его трудовъ и отношеній, нынѣ можетъ быть предметомъ лишь университетскаго изученія, т. е. такого изученія, которое трактуетъ о жизни и дѣятельности писателя на широкомъ историческомъ и сравнительно-литературномъ фонѣ.

Въ жизни и творчествѣ Батюшкова есть одна сторона, которая можетъ быть предметомъ широкаго общаго интереса—это его отношеніе къ В. А. Жуковскому. Въ отношеніяхъ Жуковскаго къ Батюшкову обнаруживается столько гуманизма и нравственной деликатности, что обзоръ ихъ всегда можетъ дать читателю чувство нравственнаго удовлетворенія. Жуковскій въ стихотворномъ посланіи къ Батюшкову говоритъ:

О другъ! служенье музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ добрымъ ихъ союзъ...

*

Когда любовью страстной
Лишь то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно...
Когда отъ нашихъ лиръ
Льются жизни звуки,
Чарующіе муки
Сердцамъ дающи миръ...

Въ отношеніяхъ своихъ къ Батюшкову Жуковскій сумѣлъ реализировать эти поэтическія, идеальныя стремленія. Съ его лиры лились звуки, чарующіе муки, и онъ сумѣлъ смягчить своимъ личнымъ вмѣшательствомъ великія личныя горести и несчастія Батюшкова.

К. Н. Батюшковъ очень близко стоялъ къ Жуковскому и во многихъ случаяхъ пользовался его поддержкой [1]). Въ письмахъ къ Жуковскому Батюшковъ выражаетъ свои задушевныя мысли и стремленія, въ письмахъ къ Гнѣдичу свою привязанность къ Жуковскому и глубокое къ нему уваженіе. По словамъ Майкова, Батюшковъ «сошелся съ Жуковскимъ отчасти въ силу того, что ихъ натуры и сами по себѣ и въ творчествѣ были совершенно различны, и эти разницы придавали особенную прелесть ихъ дружбѣ къ глазахъ Батюшкова» [2]). Въ 1810 г. произошло уже прочное сближеніе Батюшкова съ Жуковскимъ во время жизни ихъ въ Москвѣ и одновременнаго пребыванія обоихъ поэтовъ въ подмосковномъ имѣніи кн. Вяземскаго Остафьевѣ. Вскорѣ по отъѣздѣ изъ Остафьева въ свое имѣніе Хантеново Батюшковъ писалъ Жуковскому: «дружество твое мнѣ будетъ всегда драгоцѣнно» [3]). Въ возгорѣвшейся борьбѣ литературныхъ партій—сторонниковъ стараго и защитниковъ новаго слога—Батюшковъ пишетъ всецѣло во слѣдъ за своими московскими друзьями карамзинистами, что, однако, не мѣшало ему поддерживать дружбу съ человѣкомъ противнаго лагеря Гнѣдичемъ.

Въ февралѣ 1810 г. Батюшковъ писалъ Н. И. Гнѣдичу. «Съ Жуковскимъ я на хорошей ногѣ; онъ меня любитъ и стоитъ того, чтобы я его любилъ» [4]), а въ мартѣ того же 1810 г. въ другомъ письмѣ къ Гнѣдичу Батюшковъ добавляетъ, что онъ часто видится съ Жуковскимъ и всегда съ новымъ удовольствіемъ, что «у него сердце на ладони», что онъ «съ дарованіемъ, милъ, любезенъ и добръ» [5]). Черезъ годъ въ апрѣлѣ 1811 г. Батюшковъ писалъ Гнѣдичу, относившемуся недруже-

---

[1]) Отношенія между этими поэтами подробно освѣщены въ изслѣдованіи Л. Н. Майкова о Батюшковѣ въ 1 т. Собр. соч. Батюшкова 1887 г.

[2]) *Батюшковъ*, Собр. соч. I 114.

[3]) Тоже I. 123.

[4]) *Батюшковъ*, Сочиненія, 1886, III. 76.

[5]) ib. 81.

любию къ Жуковскому: «Я его люблю, какъ и прежде, потому что онъ имѣетъ большія дарованія, умъ и самую добрую, благородную душу» [1]).

Въ 1815 г. Батюшковъ писалъ Гнѣдичу о Жуковскомъ: «Его дарованія и его характеръ не ходячая монета въ обществѣ... Познакомся съ нимъ потѣснѣе; вѣрь, что его умъ и душа—сокровище въ нашемъ вѣкѣ. Я повторяю не то, что слышалъ, а то, что испыталъ» [2]). «Дружба твоя для меня сокровище» замѣчаетъ Батюшковъ въ письмѣ къ Жуковскому 1815 г. [3]).

Въ нравственномъ характерѣ и въ умонастроеніи Батюшкова въ 1815 г. происходилъ такой поворотъ, который обратилъ его къ Жуковскому, какъ человѣку вѣры и нравственности, и Жуковскій явился другомъ и руководителемъ его нравственной жизни. Въ горестныя минуты жизни Батюшкова, вызванныя его болѣзнями и нравственными его недочетами, Жуковскій его ободрялъ, настойчиво побуждалъ къ труду, говорилъ о нравственномъ значеніи поэтическаго творчества, приглашалъ ѣхать вмѣстѣ въ Крымъ, однимъ словомъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы поднять упавшій духъ своего друга. И все это Жуковскій дѣлалъ въ то время, когда и у него было очень тяжело на сердцѣ: съ переселеніемъ Жуковскаго въ Петербургъ, ему предстояла полная перемѣна жизни, и приходилось разставаться съ дорогими связями молодыхъ лѣтъ. Дружескія увѣщанія Жуковскаго подняли падавшій духъ Батюшкова, и въ 1815 г. онъ писалъ Жуковскому о своихъ литературныхъ работахъ и планахъ. Изъ Каменца Подольскаго Батюшковъ послалъ Жуковскому тетрадь съ стихотвореніями «Таврида», «Разлука», «Пробужденіе», «Воспоминанія», «Мой Геній». Жуковскій съ большой похвалой въ письмѣ къ Батюшкову отозвался объ этихъ стихотвореніяхъ, и это письмо привело самолюбиваго Батюшкова въ восхищеніе. Ободренный Батюшковъ писалъ Жуковскому: «Я разгулялся и въ доказательство печатаю томъ прозы»... Видно, что Жуковскій вдохнулъ въ него чувства увѣренности въ своихъ силахъ [4]).

Въ 1818 г. Батюшковъ обратился съ просьбой на Высочайшее Имя о причисленіи его къ какой-либо находящейся въ Италіи русской дипломатической миссіи. Текстъ прошенія составленъ былъ Жуковскимъ. Посредникомъ въ хлопотахъ по этому дѣлу былъ А. Н. Тургеневъ. Батюшковъ получилъ мѣсто въ Неаполѣ и въ 1818 г. уѣхалъ за границу, напутствуемый добрыми пожеланіями Жуковскаго и всего Арзамаса, чтобы

[1]) ib. 120.
[2]) ib. 319.
[3]) ib. 344.
[4]) *Батюшковъ*, I, 207, 217.

«голубое италіанское небо, классическая земля и доброе его сердце доставили ему утѣшеніе и счастье» [1]). Этимъ добрымъ пожеланіямъ не суждено было осуществиться. Здоровье Батюшкова быстро шло на убыль; его все чаще стало посѣщать жуткое чувство тоски—симптомъ приближавшагося психическаго растройства, и въ 1821 г. Батюшковъ окончательно впалъ въ ипохондрію и потерялъ разсудокъ.

Батюшковъ чрезвычайно дорожилъ отзывами Жуковскаго. Еще въ 1812 г. онъ называлъ его литературныя замѣчанія «отеческими наставленіями». Пославъ ему въ 1817 г. «Тасса», Батюшковъ писалъ: «Поправился ли мой «Тассъ»? Я желалъ бы этого. Я писалъ его сгоряча, исполненный всѣмъ, что прочиталъ объ этомъ великомъ человѣкѣ... Воскреси или убей меня. Неизвѣстность хуже всего. Скажи мнѣ, чистосердечно скажи: доволенъ ли ты мной?» [2]). При болѣзненномъ самолюбіи и крайней мнительности Батюшкова, требовалась очень осторожное отношеніе, и Жуковскій нашелъ его въ своемъ добромъ сердцѣ и былъ ангеломъ-хранителемъ больного поэта до послѣднихъ дней его жизни. Психически больной Батюшковъ былъ привезенъ въ Петербургъ и сданъ на руки Е. Ѳ. Муравьевой, вдовы извѣстнаго писателя М. Н. Муравьева. Изрѣдка друзья—Жуковскій, Блудовъ, Гнѣдичъ—пытались навѣщать больного. Больной выражалъ желаніе видѣть Жуковскаго. Въ 1824 г. Батюшковъ, по совѣту врачей, былъ отправленъ въ заведеніе для душевнобольныхъ въ г. Зонненштейнѣ въ Саксоніи, съ рекомендательнымъ письмомъ Жуковскаго къ извѣстному въ то время врачу Эрдману. Съ теплымъ участіемъ Жуковскій поручилъ своего бѣднаго друга заботливости своей хорошей знакомой Ел. Григ. Пушкиной, жившей въ Дрезденѣ. Цѣлый рядъ писемъ Жуковскаго къ Пушкиной свидѣтельствуетъ о томъ, какъ онъ былъ озабоченъ печальной судьбой бѣднаго поэта. Съ больнымъ поѣхали его сестра Александра Николаевна, и Жуковскій въ письмѣ къ Пушкиной проситъ и къ ней прійти на помощь. Ваше дружеское участіе будетъ для нея облегченіемъ, писалъ онъ въ 1824 г., а вашъ твердый характеръ будетъ подпорою изнуренной горестями душѣ ея» [3]). Въ 1826 г. Жуковскій, благодаря Пушкину за ея заботливое отношеніе, говоритъ: «Вы точно ангелъ хранитель Батюшкова и его несчастной сестры». Батюшковъ и въ тяжкомъ положеніи умопомѣшаннаго писалъ къ Жуковскому изъ Зоненнштейна въ 1827 г.: «имѣлъ одно утѣшеніе въ Богѣ и въ дружбѣ такихъ людей какъ ты, Жуковскій... Утѣшь своимъ посѣ-

---

[1]) *Батюшковъ*, I. 269.
[2]) *Батюшковъ*, Сочин. III. 187, 425, 446.
[3]) *Девятнадцатый вѣкъ*, I. 406.

щеніемъ, ожидаю тебя съ нетерпѣніемъ на сей каторгѣ» [1]). И Жуковскій не остался глухъ къ этому воплю больной души. Онъ побывалъ въ Зонненштейнѣ и навѣстилъ тамъ Батюшкова. Въ 1828 г. Жуковскій въ письмѣ къ Пушкиной съ грустью замѣчаетъ, что теряетъ надежду на выздоровленіе Батюшкова [2]). Послѣ 4-лѣтняго безплоднаго пребыванія въ нѣмецкой лѣчебницѣ, Батюшковъ, въ 1828 г. былъ перевезенъ въ Москву, пробылъ здѣсь полтора года подъ надзоромъ опытнаго врача Дитриха, при чемъ друзья старались развлекать его музыкой, но безуспѣшно. Въ 1829 г. и ходившая за нимъ сестра Александра Николаевна впала въ умопомѣшательство. Несмотря на свою неизлѣчимую болѣзнь, Батюшковъ до 1833 г. считался на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ и получалъ свое прежнее жалованье. Въ 1833 г., по ходатайству Жуковскаго, Батюшковъ былъ уволенъ и волею Императора Николая Павловича ему была назначена пожизненная пенсія въ 2000 руб. въ годъ [3]). Въ томъ же году онъ былъ перевезенъ въ Вологду и помѣщенъ въ семьѣ своего племянника Гревенса. Больной пережилъ всѣхъ своихъ старыхъ друзей—Гнѣдича († 1833), Пушкину († 1833), Тургенева († 1845), Муравьеву († 1848), Жуковскаго († 1852). Батюшковъ скончался въ Вологдѣ въ 1855 г.

---

[1]) *Загаринъ*, Жуковскій, 332.

[2]) *Девятн. вѣкъ*, I, 422.

[3]) *Майковъ*, Соч. Батюшк. I. 304.

В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ.

Вся жизнь, вся литературная дѣятельность Пушкина прошли на глазахъ Жуковскаго. Жуковскій былъ старше Пушкина на 16 лѣтъ, хорошо былъ знакомъ съ его родителями и стоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ дядѣ его, В. Л. Пушкину. Онъ полюбилъ Александра Пушкина съ малыхъ его лѣтъ, былъ для него образцомъ на школьной скамьѣ, ввелъ его, по окончаніи лицея, въ кругъ друзей Общества «Арзамасъ», познакомилъ съ выдающимися литературными дѣятелями, выслушивалъ, исправлялъ нѣкоторые стихи и, вообще, въ первое время былъ его руководителемъ преимущественно на своихъ субботнихъ литературныхъ вечерахъ. Жуковскій выручалъ Пушкина изъ опасныхъ и затруднительныхъ положеній, отстаивалъ его передъ властями и литературными противниками, присутствовалъ при кончинѣ, написалъ прочувствованный некрологъ и редактировалъ нѣкоторыя его печатныя произведенія. Такая связь и долголѣтняя дружба заключаетъ въ себѣ много литературныхъ и филантропическихъ элементовъ.

По разсказамъ младшаго брата Пушкина Льва Сергѣевича, дружба А. С. Пушкина съ Жуковскимъ началась по выходѣ Пушкина изъ лицея и продолжалась до послѣдней его минуты.[1]) Въ 17 лѣтъ Пушкинъ ужъ бойкій «Сверчокъ» Арзамса. На «бесѣдистовъ» градомъ сыпались остроты и эпиграммы. Въ посланіи къ Жуковскому 1817 г. Пушкинъ говоритъ:

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни.

Юный поэтъ обѣщаетъ идти прямой дорогой, при дружеской поддержкѣ Жуковскаго. Юноша поэтъ говоритъ что онъ пустится въ путь

.... Смѣло вдаль дорогою прямою....
. . . . поддержанный тобою,

Каразминъ и Жуковскій—вотъ образцы Пушкина на зарѣ его поэтической дѣятельности. «Мнѣ ты примѣръ!» говоритъ Пушкинъ обращаясь къ Жуковскому. Въ томъ же стихотвореніи отражается при-

[1]) Майковъ, Пушкинъ, 5.

знательность Пушкина за оказанное на него доброе вліяніе. Къ Жуковскому обращены стихи:

Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой,
Безмолвный я стоялъ и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.

«Воспоминанія о Царскомъ Селѣ» Пушкина (1814 г.) было тѣмъ стихотвореніемъ, которое закрѣпило симпатіи Жуковскаго. Въ началѣ 1815 г. Жуковскій съ восхищеніемъ говорилъ объ этихъ стихахъ: «Вотъ у насъ настоящій поэтъ»! [1])

Вскорѣ Жуковскій посѣтилъ молодого поэта въ лицеѣ и подарилъ ему экземпляръ только что вышедшаго въ свѣтъ изданія своихъ стихотвореній. Этотъ подарокъ былъ для юноши столь важнымъ событіемъ, что онъ тогда же записалъ о немъ въ своемъ лицейскомъ дневникѣ.

Поэзія Жуковскаго, его личность были примѣромъ для Пушкина; такъ смотрѣлъ самъ Пушкинъ. Нравственно чистая, мягкая, мечтательная муза Жуковскаго вносила кротость и примиреніе въ бурную, страстную душу Пушкина, что прекрасно выражено въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина «Къ портрету Жуковскаго» 1818 г.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Подраженіе Пушкина Жуковскому обнаруживается во многихъ его раннихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ. Еще Бѣлинскій [2]) отмѣтилъ рядъ раннихъ стихотвореній Пушкина («Къ принцу Оранскому», «Сраженный рыцарь», и др.), въ которыхъ «преобладаетъ элегическій тонъ въ духѣ музы Жуковскаго... въ самомъ взглядѣ на предметъ видна зависимость ученаго отъ учителя». Проф. Незеленовъ признавалъ, что вліяніе Жуковскаго на Пушкина «было могущественно». [3])

Здѣсь не мѣсто долго останавливаться на достаточно уже выясненномъ литературномъ вліяніи Жуковскаго на Пушкина. Съ наибольшей полнотой и основательностью вліяніе Жуковскаго въ періодъ времени съ

---

[1]) *Майковъ*, въ 1 т. Акад. изд. соч. Пушкина 91.
[2]) Бѣлинскій. Сочиненія, VIII, 317 и др.
[3]) *Незеленовъ* А. С. Пушкинъ, 13.

1812 по 1817 г. включительно въ примѣчаніяхъ покойнаго акад. Л. Н. Майкова въ I т. академическаго изданія сочиненій Пушкина. Почти одновременно и проф. Владиміровъ въ статьѣ о Пушкинѣ и его предшественникахъ отвелъ нѣсколько страницъ параллельному изложенію жизни и дѣятельности Жуковскаго и Пушкина.

Одно изъ раннихъ большихъ произведеній Пушкина «Русланъ и Людмила» было по частямъ прочитано авторомъ на литературныхъ вечерахъ Жуковскаго.

Жуковскій здѣсь оцѣненъ такъ:

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,

а относительно самой музы Пушкина по его словомъ, Жуковскій

И музы вѣтренной моей
Наперсникъ, пестунъ и хранитель.

Какъ извѣстно, тогда же Жуковскій подарилъ Пушкину свой портретъ съ надписью: «ученику отъ побѣжденнаго учителя». Но тутъ скромный Жуковскій нѣсколько поспѣшилъ. Пушкинъ всю жизнь свою открыто признавалъ въ немъ своего учителя. Профессоръ Владиміровъ говоритъ, что «Татьяна и Ленскій впервые познали міръ, жизнь сердца, свободную мечтательную даль изъ поэзіи Жуковскаго» [1]).

Въ началѣ 20-хъ годовъ творчество Пушкина иногда такъ было близко къ переводамъ и подражаніямъ Жуковскаго, что Пушкинъ долженъ былъ оправдываться въ независимости, какъ это было, напримѣръ, во время появленія «Шильонскаго узника» и «Братьевъ-Разбойниковъ». И въ годы полнаго расцвѣта духовныхъ силъ Пушкинъ всегда подчеркивалъ свою литературную связь съ Жуковскимъ. Окончивши драму «Борисъ Годуновъ», Пушкинъ хотѣлъ сначала посвятить ее Жуковскому и писалъ ему по этому поводу:

«Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой!.. Трагедія моя идетъ и думаю къ зимѣ (письмо отъ 17 авг. 1825 г.) ее кончить». Но въ томъ же году скончался Карамзинъ, и Пушкинъ посвятилъ драму его памяти «съ благоговѣніемъ и благодарностью».

Выдѣляя отдѣльно характиристику личныхъ отношеній Жуковскаго и Пушкина, независимо отъ ихъ тѣсной литературной связи, нужно принять къ свѣдѣнію переписку поэтовъ и многочисленныя указанія въ запискахъ и мемуарахъ современниковъ.

---

[1]) *Кіевскій Университетъ Сборн.* Памяти Пушкина, 33.

Есть предположеніе, что Карамзинъ и Жуковскій, жившіе въ Москвѣ въ первые пятнадцать лѣтъ XIX ст., видали Пушкина еще ребенкомъ въ домѣ его родителей, съ которыми были знакомы [1]).

Профессоръ Владиміровъ высказалъ предположеніе, что Пушкинъ съ Жуковскимъ и Батюшковымъ впервые, можетъ быть, познакомился въ семействѣ Карамзина [2]). Какъ бы то ни было, Пушкинъ-лицеистъ былъ уже знакомъ съ Жуковскимъ и его поэзіей, подражалъ ему, бесѣдовалъ съ нимъ получалъ отъ него въ даръ его произведенія, чѣмъ гордился и заносилъ въ свой дневникъ. Стихотворное посланіе къ Жуковскому 1817 г. представляетъ много цѣнныхъ автобіографическихъ признаній. «Русланъ и Людмила» 1817—1820 г. даетъ дополнительныя къ нимъ черты; но при всемъ этомъ, при всемъ уваженіи Пушкина къ Жуковскому, онъ съ раннихъ лѣтъ обнаружилъ самостоятельное и критическое отношеніе къ его поэзіи. По разсказамъ брата, Льва Сергѣевича, Пушкинъ въ юности иногда посмѣивался надъ нѣкоторыми стихами Жуковскаго; такъ онъ пародировалъ «Тлѣнность» слѣдующимъ образомъ:

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль; что, если это проза,
Да и дурная? [3]).

Лѣтомъ 1819 г. Царскомъ Селѣ проживали Н. М. Карамзинъ съ семействомъ, В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ. Памятникомъ дружескаго отношенія Пушкина къ Жуковскому можетъ служить его пріятельская записка. Здѣсь Пушкинъ говоритъ, что заѣзжалъ къ нему съ Н. Н. Раевскимъ:

Къ тебѣ, Жуковскій, заѣзжали,
Но, къ неописанной печали,
Поэта дома не нашли,
И увѣнчавшись кипарисомъ,
Съ французской повѣстью «Борисомъ»,
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведетъ Жуковскаго со мной?
Скажи: не будешь ли сегодня
Съ Карамзинымъ съ Карамзиной?... [4]).

---

[1]) *Майковъ*, I т. акад. изд. соч. Пушкина 345, съ ссылкой на Бартенева.
[2]) *Кіевскій Сборникъ*, «Памяти Пушкина» 25,
[3]) *Майковъ*, Пушкинъ, 5,
[4]) *Майковъ*, Пушкинъ, 138,

Въ ссылкѣ въ Кишиневѣ Пушкинъ внимательно слѣдилъ за литературными работами Жуковскаго. Въ письмѣ къ Кн. Вяземскому 1822 г. онъ говоритъ: «Жуковскій меня бѣситъ. Что ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному воображенію?» Въ письмѣ къ брату того же года Пушкинъ говоритъ: «Что Жуковскій и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ?» Въ письмѣ къ Гнѣдичу онъ очень хвалитъ переводъ «Шильонскаго узника»: «слогъ Жуковскаго ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть». Въ кишиневскихъ письмахъ Пушкина 1822 г. и въ письмахъ его изъ Одессы 1823—1824 гг. часто высказываются жалобы, что Жуковскій лѣнивъ на переписку [1]).

Въ концѣ 1824 г. произошло одно событіе, важное въ жизни Пушкина, событіе, тѣсно связанное съ именемъ Жуковскаго. Вотъ что Пушкинъ писалъ Жуковскому изъ Михайловскаго 31 октября вскорѣ послѣ своей ссылки подъ родительскій кровъ: «Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моей ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать переписку, короче, быть моимъ шпіономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволили мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу, нахожу его въ спальнѣ и высказываю все что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ... Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ, потомъ, что хотѣлъ бить!... Передъ тобой не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ—спаси меня. Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors de loi».

[1]) *Пушкинъ*, Письма, изд. 1888, стр. 28, 37, 42, 64.

Сгоряча Пушкинъ написалъ къ псковскому губернатору прошеніе о переводѣ его въ крѣпость. Жуковскій не медлилъ. Онъ поспѣшилъ успокоить обѣ стороны, прочелъ нотацію легкомысленному родителю. Вскорѣ семья поэта уѣхала изъ Михайловскаго; остался здѣсь поневолѣ только А. С. Пушкинъ съ старухой няней.

Уже въ началѣ ноября успокоившійся Пушкинъ писалъ брату: «скажи отъ меня Жуковскому, чтобы онъ молчалъ о происшествіяхъ ему извѣстныхъ; я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы—и ты, душа, держи языкъ на привязи».

Въ половинѣ ноября Пушкинъ уже начинаетъ свое письмо брату такими словами: «Скажи моему генію хранителю, моему Жуковскому, что, слава Богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу (губернатору) у меня; наши уѣхали, а я живъ и здоровъ».

24 ноября Пушкинъ писалъ Жуковскому: «Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что я надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что было бы, если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: «Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я бы связать его велѣлъ!» Зачѣмъ же обвинять было сына? Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками!» Это дѣло десятое. «Да онъ убилъ отца словами»... Каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ?» [1]).

Послѣдняя фраза представляетъ краткій отвѣтъ на успокоительное письмо Жуковскаго [2]), въ которомъ Жуковскій говорилъ: «На все, что съ тобой случилось и что ты самъ на себя навлекъ, у меня одинъ отвѣтъ—поэзія. Ты имѣешь не дарованіе, а геній. Ты богачъ; у тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженнаго несчастья и обратить въ добро заслуженное, ты болѣе, нежели кто-нибудь, можешь и обязанъ имѣть нравственное достоинство. Ты рожденъ быть великимъ поэтомъ; будь же этого достоинъ... Обстоятельства жизни счастливой или несчастной—шелуха. Ты скажешь, что я проповѣдую съ спокойнаго берега утопающему. Нѣтъ, я стою на пустомъ берегу, вижу въ волнахъ силача, и знаю, что онъ неустанетъ, если употребитъ силу... Плыви, силачъ!» Этотъ отрывокъ письма ясно показываетъ, какъ высоко Жуковскій цѣнилъ Пушкина, но Жуковскій въ то же время отлично понималъ, что однихъ словесныхъ утѣшеній мало; онъ снабжалъ ссыльнаго силача-поэта книгами, исполнялъ въ Петербургѣ его порученія, ходатайствовалъ за него передъ властными людьми. Онъ какъ бы принимаетъ на себя обязанности отца. Когда Пушкинъ вообразилъ, что заболѣлъ аневризмомъ, и увѣрилъ въ томъ

1) Письма Пушкина, 97.

2) Письма Жук. къ П. въ собр. соч. т. VI и въ Русск. Арх. 1889 г,

своихъ друзей, Жуковскій принялъ близко къ сердцу его здоровье и настойчиво совѣтывалъ обратится къ дерптскому профессору Мойеру: «Прошу не упрямиться, не играть безразсудно жизнью и не сердить дружбы, которой твоя жизнь дорога». Пушкинъ не хотѣлъ ѣхать въ Псковъ на операцію. 17 августа 1825 г. онъ писалъ Жуковскому: «Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой! Мнѣ право совѣстно, что жилы мои всѣхъ такъ безпокоятъ. Въ Псковъ поѣду не прежде, какъ въ глубокую осень: оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа». Но Жуковскій настаивалъ и писалъ Пушкину: «Ты, какъ вижу передалъ въ руцѣ мои только духъ свой, любезный сынъ. А мнѣ до духа твоего нѣтъ дѣла; онъ живъ и будетъ живъ, ибо весьма живучъ. Подавай ка мнѣ свое грѣшное тѣло, т. е. свой аневризмъ, при которомъ не уцѣлѣетъ и духъ твой, нужный для твоего Годунова, для твоихъ десяти будущихъ поэмъ для твоей славы и для исправленія свѣтлымъ будущимъ своего темнаго прошедшаго... Слава побѣдитъ обстоятельства, въ этомъ я увѣренъ. Твое дѣло теперь одно: не думать нѣсколько времени ни о чемъ, кромѣ поэзіи. Создай, что нибудь безсмертное, и тогда бѣды твои (которыя самъ же состряпалъ) разлетятся въ прахъ Дай способъ друзьямъ твоимъ указать на что-нибудь твое превосходное, великое: тогда имъ будетъ легко поправить судьбу твою; тогда они будутъ имѣть на это неотъемлемое право»...

Нельзя не удивляться той заботливости, какую проявляетъ Жуковскій къ Пушкину со времени его Михайловскаго заточенія. Пушкинъ захворалъ или ему показалось что онъ боленъ, и Жуковскій стремится ему помочь, выписываетъ опытнаго врача, добивается разрѣшенія выѣхать для лѣченія. По временамъ Пушкинъ, тяготясь ссылкой, высказываетъ неудовольствіе по адресу Жуковскаго; когда Жуковскій долго не писалъ, тогда Пушкинъ называлъ его «покойникъ Жуковскій, царство ему небесное», «господинъ Жуковскій», но Жуковскій обращается съ Пушкинымъ, какъ съ несчастнымъ, больнымъ ребенкомъ, успокаиваетъ, утѣшаетъ. «Отче, пишетъ къ нему Пушкинъ, не брани и не сердись, когда я бѣшусь. Подумай о моемъ положеніи: вовсе не завидное, что ни толкуютъ. Хоть кого съ ума сведетъ»...

Тяготило Пушкина сельское одиночество, тяготило сознаніе лишенія свободы, тягостно было отсутствіе друзей, отсутствіе столичнаго шума, отсутствіе культурной среды, и потому онъ съ 1825 г. начинаетъ настойчиво просить Жуковскаго похлопотать о немъ передъ Государемъ. Въ письмѣ къ Плетневу отъ 26-го мая 1826 г. Пушкинъ говоритъ: «Не смѣю надѣяться, но мнѣ было бы сладко получить свободу отъ Жуковскаго, а не отъ кого другого», Въ одномъ письмѣ къ Жуковскому Пуш-

кинъ высказываетъ ту же мысль. «отъ тебя благодѣяніе мнѣ не тяжело, а отъ другого не хочу, будь онъ тебѣ распріятель, будь онъ сынъ Карамзина». Умоляя Жуковскаго похлопотать объ освобожденіи, Пушкинъ въ то же время вовсе не хотѣлъ связывать его какими-либо обѣщаніями или обязательствами. Онъ даже просилъ «не отвѣчать и не ручаться за него». Онъ не сознавалъ за собой какой-либо вины, кромѣ неосторожнаго выраженія объ атеизмѣ. «Нельзя ли сказать Царю, писалъ онъ Жуковскому, что такъ какъ Пушкинъ не замѣшанъ въ заговорѣ 14 декабря, то нельзя ли, наконецъ, позволить ему возвратиться«. Жуковскій приложилъ всѣ старанія, но сначала его хлопоты были безуспѣшны. Въ апрѣлѣ 1826 г. онъ просилъ Пушкина повременить, нѣкоторое время не напоминать о себѣ. Обстоятельства были неблагопріятны. Хотя Пушкинъ и не былъ замѣшанъ въ заговорѣ, но по рукамъ ходило не мало его стихотвореній свободолюбиваго характера и прямо «возмутительныхъ для порядка и нравственности», какъ объяснилъ ему Жуковскій. «Не просись въ Петербургъ, такъ кончаетъ свое письмо Жуковскій, еще не время. Пиши Годунова и подобное; они отворятъ дверь свободы».

Въ томъ же 1826 г., въ августѣ мѣсяцѣ, хлопоты Жуковскаго и Карамзина увѣнчались успѣхомъ. Пушкинъ былъ вызванъ въ Москву, прдставился Императору Николаю Павловичу. Окончательно опала снята была лишь въ маѣ 1827 г. и Пушкинъ немедленно переѣхалъ въ Петербургъ. Жуковскій все это время находился за границей, и свиданіе друзей поэтовъ могло состояться лишь въ концѣ 1827 года. Съ этого времени и до конца жизни Пушкина между ними царствовала самая нѣжная дружба, поддерживаемая частыми свиданіями. Во время одного кратковременнаго выѣзда, въ августѣ 1830 г., Пушкинъ въ письмѣ къ Жуковскому, вспоминаетъ, что своей свободой обязанъ «Богу и тебѣ» (т. е. Жуковскому).

Въ 1831 г. Жуковскій и Пушкинъ въ то время уже женатый, проживали въ Царскомъ Селѣ. Они вмѣстѣ работали надъ сказками. Въ письмѣ къ Данилевскому отъ 2-го ноября 1831 г. Гоголь говоритъ: «Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ сколько прелести вышло изъ подъ пера сихъ мужей. У Пушкина сказки русскія, народныя, не то, что «Русланъ и Людмила», но совершенно русскія; одна писана безъ размѣра, только съ риомами и прелесть невообразимая! У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки, однѣ экзаметрами, другія просто четырехстопными стихами и—чудное дѣло—Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русскій, ничего германскаго и прежняго» [1]).

[1]) *Гоголь.* Письма, изъ Маркса, I, 196.

Отношенія Жуковскаго и Пушкина въ тридцатыхъ годахъ, т. е. въ послѣдніе годы Пушкина (1831—1837), ярко обрисованы въ запискахъ А. С. Россетъ-Смирновой. Правда, попадаются тутъ кое-какія фактическія неточности, что въ свое время и было ярко подчеркнуто въ періодической печати; но общія характеристики такъ жизненны, обставлены такими бытовыми подробностями, что записки Смирновой все-таки остаются драгоцѣннымъ пособіемъ для изученія литературныхъ нравовъ того времени, въ особенности для изученія личныхъ отношеній Жуковскаго къ Пушкину. Въ одномъ мѣстѣ Смирнова говоритъ (годовъ у нея нигдѣ нѣтъ), что Жуковскій такъ любитъ Пушкина, что «похожъ на курицу, высидѣвшую утенка». Сравненіе характерно. Извѣстно, какъ волнуются и любовно суетятся куры, высидѣвшія утятъ, когда утята, не ограничиваясь землей, спускаются на болѣе широкую міровую стихію—воду. Въ другомъ мѣстѣ «Записокъ» Смирнова отмѣчаетъ: «Пушкинъ разрѣшилъ мнѣ записать все, что онъ сообщилъ о своемъ разговорѣ съ Государемъ, прося никому объ этомъ не говорить, кромѣ Жуковскаго, которому онъ самъ все говоритъ». Однажды, въ гостиной Смирновой зашелъ споръ о литературномъ наслѣдствѣ:

— А кому достанутся твои стихотворенія?—спросилъ Вяземскій Пушкина.

— Жуковскому, отцу кормильцу моей юной музы, таковъ былъ отвѣтъ Пушкина.

Изъ тѣхъ же «Записокъ» Смирновой видно, что Жуковскій, совмѣстно съ Пушкинымъ, былъ руководителемъ Смирновой и Гоголя при выборѣ книгъ для чтенія, при чемъ Пушкинъ давалъ лучшихъ французскихъ, а Жуковскій—лучшихъ нѣмецкихъ авторовъ.

Въ гостяхъ у Смирновой, въ присутствіи Александра Тургенева, Хомякова, Соболевскаго, Крылова, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, Полетики, Вяземскаго, самого Жуковскаго, Пушкинъ, говоря о русскихъ писателяхъ, упомянулъ и Жуковскаго, назвавъ его своимъ учителемъ. «Жуковскій что-то проворчалъ, а Тургеневъ сказалъ: Онъ такъ скроменъ, что покраснѣлъ... Пушкинъ! пощади его скромность. Всѣ засмѣялись».

Въ одномъ мѣстѣ «Записокъ» находится такая замѣтка: «Вчера вечеромъ у Карамзиныхъ Орестъ и Пиладъ (Ж. и П.) болтали въ углу, а я училась у нихъ, записывала то, что они говорили. Они говорили о Лессингѣ, о Гете, о Шиллерѣ»...

Въ другомъ мѣстѣ «Записокъ» находится сообщеніе о томъ, какъ Софи Карамзина, найдя Смирнову въ бесѣдѣ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, въ шутку спросила «что это: заговоръ или вы втроемъ исповѣдуетесь». Пушкинъ отвѣтилъ: «Да. Я признаюсь въ моихъ большихъ грѣ-

хахъ, а Донна Соль (т. е. Смирнова)—въ своихъ маленькихъ. У нея ихъ больше; но мои грѣхи тяжелѣе, и это возстановляетъ равновѣсіе. Мы позвали Жуковскаго, у котораго нѣтъ никакихъ грѣховъ, ни большихъ, ни малыхъ, затѣмъ, чтобы онъ отпустилъ намъ наши грѣхи».

Тутъ же Смирнова сообщаетъ одну черту, мелкую, но весьма характерную для заботливости Жуковскаго о Пушкинѣ: Жуковскаго тревожили споры Пушкина съ цензоромъ, такъ какъ онъ любилъ своего феникса, какъ сына». Послѣдняя мысль была высказана Смирновой Пушкину, и онъ добавилъ: «какъ блуднаго сына».

«Онъ вамъ совершенно преданъ, у него небесная душа, у этого Жуковскаго» сказалъ однажды А. О. Россетъ Пушкинъ, а Россетъ добавила: «Да, хрустальная душа; онъ гораздо лучше меня». Пушкинъ воскликнулъ: «А я-то, вы обо мнѣ забыли! Всякій разъ, какъ мнѣ придетъ дурная мысль, я вспоминаю о немъ и спрашиваю себя: что сказалъ бы Жуковскій? И это возвращаетъ меня на прямой путь». Замѣчательно, что подобное замѣчаніе встрѣчается и въ письмѣ Гоголя о Жуковскомъ, какъ нравственномъ коррективѣ.

Любопытно, что, по словамъ Смирновой, Пушкинъ составилъ планъ воспитанія своихъ дѣтей, «одобренный Жуковскимъ», и въ этомъ семейномъ дѣлѣ онъ положился на педагогическій авторитетъ своего стараго друга.

«Жуковскій смотритъ на Пушкина съ нѣжностью; онъ наслаждается всѣмъ что говоритъ его фениксъ; есть что-то трогательное, отеческое, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, братское въ его привязанности къ Пушкину, а въ чувствѣ Пушкина къ Жуковскому—оттѣнокъ уваженія даже въ тонѣ его голоса, когда онъ ему отвѣчаетъ. У него совсѣмъ другой тонъ съ Тургеневымъ и Вяземскимъ, хотя онъ ихъ очень любитъ»...

При такой дружбѣ, Жуковскій дорожилъ хорошими отзывами о Пушкинѣ. Когда Смирновъ сказалъ, однажды, что у Пушкина, несмотря на увлеченія въ молодости, душа осталась чистой и совѣсть чуткой, «безупречный Жуковскій, по свидѣтельству Смирновой, всталъ и поцѣловалъ моего мужа, сказавъ: вы хорошо его понимаете; я васъ за это благодарю». «Онъ былъ растроганъ, этотъ добрый Жуковскій», добавляетъ Смирнова.

Когда Пушкинъ прочелъ переложеніе молитвы Ефрема Сирина, которымъ, впрочемъ, самъ былъ недоволенъ, Жуковскій пришелъ въ восторгъ до такой степени, что поцѣловалъ Пушкина и сказалъ ему: «Ты, ты мое неоцѣненное сокровище!».

Но вотъ подходили послѣдніе дни жизни Пушкина, и Жуковскій съ тревогой слѣдилъ за его семейными неурядицами. По свидѣтельству

Смирновой, «Жуковскій былъ недоволенъ всѣми окружающими Пушкина, его семьей, отцомъ поэта, который гордился, но не понималъ сына, и братомъ его Львомъ, котораго считалъ недалекимъ мальчишкой, и сестрой Ольгой, и мужемъ ея Павлищевымъ, который «не могъ быть полезнымъ» поэту и въ особенности женой и ея родней, которые третировали Пушкина, какъ работника и чиновника, и требовали одного денежнаго прибытка и придворнаго карьеризма. Пушкина постоянно критиковали и осуждали съ узкой, базарной точки зрѣнія. Жуковскій все это видѣлъ, и все это его сильно огорчало и озабочивало [1]).

Но вотъ произошла катастрофа. Умирая, Пушкинъ просилъ повидаться съ Жуковскимъ, и послѣдній не замедлилъ прибыть. Пушкинъ скончался на его рукахъ въ январѣ 1837 г. Жуковскій распорядился снять съ умершаго маску, своими руками положилъ его въ гробъ, принялъ на себя хлопоты о похоронахъ и написалъ прекрасную статью о послѣднихъ его минутахъ.

Въ 1839 г. Гоголь, послѣ встрѣчи съ Жуковскимъ въ Римѣ, писалъ, что первымъ словомъ ихъ при встрѣчѣ былъ Пушкинъ, и что Жуковскій еще весь полонъ Пушкинымъ [2]).

Въ 1845 г. Жуковскій, въ письмѣ къ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, мимоходомъ замѣтилъ: «Я отъ Государя принесъ умирающему Пушкину вѣсть о царской милости его семейству» [3]).

Такъ закончилась многолѣтняя свѣтлая дружба двухъ великихъ дѣятелей русской литературы. Какъ въ Германіи глубоко изучается дружба Гете и Шиллера, какъ здѣсь высоко цѣнится ихъ дружба, такъ среди русскаго образованнаго общества должна изучаться и цѣниться дружба Жуковскаго и Пушкина.

---

1) *Смирнова*, Записки, 57, 129, 138, 140, 154, 179, 219, 232, 245, 279, 307, 321, 339

2) *Гоголь*, Письма, изд. Маркса, I, 555.

3) *Жуковскій*, Сочин. VI, 486.

6.

В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь.

Передъ нами два великихъ имени, два крупныхъ дѣятеля русской литературы и отечественнаго просвѣщенія—Н. В. Гоголь и В. А. Жуковскій. Жили они одновременно, сошли въ могилу въ одномъ и томъ же году, и, такъ сказать, первымъ вопросомъ должно стоять опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній; въ данномъ случаѣ такое опредѣленіе тѣмъ болѣе умѣстно, тѣмъ болѣе важно, что между ними царила самая тѣсная дружба и взаимное вліяніе ихъ имѣетъ огромное значеніе.

Жуковскій былъ по лѣтамъ старше Гоголя, обладалъ гораздо большими матеріальными средствами, былъ лучше образованъ, вращался въ кругу очень большихъ и сильныхъ людей, и въ добавокъ ко всему этому былъ чрезвычайно добръ и доступенъ. Все это въ совокупности дало большой перевѣсъ его личному вліянію и, главное, дало ему возможность оказать Гоголю неоцѣненныя услуги личнаго и литературнаго характера. Въ общемъ дружба Жуковскаго и Гоголя представляетъ довольно любопытную страницу въ исторіи русской литературы.

Въ концѣ 1828 г. 19-ти лѣтній юноша Гоголь оставилъ Малороссію и переселился въ Петербургъ, съ розовыми надеждами, съ кучей рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, но съ весьма малыми деньгами, малымъ запасомъ знаній и малой личной настойчивостью. Петербургъ сразу обдалъ его холодомъ. Съ первыхъ же шаговъ Гоголь терпитъ жестокія неудачи и испытываетъ сильное разочарованіе. Бросается онъ то на службу, то въ заграничное путешествіе; но вездѣ передъ нимъ стѣной становится матеріальная необезпеченность и разныя неудачи.

Сѣверная природа Петербурга была въ тягость Гоголю, привыкшему къ солнцу Малороссіи. Въ началѣ іюня 1830 г. онъ писалъ матери: «Воздуху здѣсь нѣтъ настоящаго деревенскаго; весны совсѣмъ нельзя замѣтить; самыя растенія утратили здѣсь свой запахъ, какъ пересаженныя насильственной рукой на неродную имъ почву. Все лѣто и весна продолжаются здѣсь только три мѣсяца; остальными девятью мѣсяцами управляютъ деспотически зима и осень».

Приходила Гоголю мысль о возвращеніи въ Малороссію, но планы и надежды на лучшее будущее удерживали его въ Петербургѣ. «Несмотря на мою охоту и желаніе ѣхать въ Малороссію, писалъ онъ матери въ томъ же 1830 г., я совершенно потеряю все, если удалюсь изъ Петербурга. Здѣсь только человѣку можно чего-нибудь достигнуть; тутъ тысяча путей для него; нужно только употребить терпѣніе, съ которымъ можно дождаться своего».

А тутъ подоспѣли счастливыя новыя знакомства съ выдающимися людьми литературы и искусства. «Что это за люди! восклицаетъ Гоголь въ письмѣ къ матери 1830 г., не называя ихъ по именамъ. Не говоря объ ихъ талантѣ, я не могу не восхищаться ихъ характеромъ и обращеніемъ. Узнавши ихъ, нельзя отвязаться отъ нихъ на вѣки. Какая скромность при величайшемъ талантѣ! Объ чинахъ и въ поминѣ нѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ статскіе и даже дѣйствительные статскіе совѣтники» [1]).

Въ это время Гоголь завязываетъ знакомства съ Дельвигомъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, и, по словамъ его біографа Шенрока, «изъ душнаго департамента переносится въ свѣтлый міръ мысли и чувства» [2]).

Настоящими духовными отцами Гоголя становятся Жуковскій и Пушкинъ, подъ защитой которыхъ геній Гоголя прокладываетъ путь къ славѣ и развертывается въ красотѣ и силѣ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ».

Въ 1830 и 1831 годы, т. е. первые годы знакомства Гоголя съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, и Жуковскій и Пушкинъ находились въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ. Литературный ихъ характеръ вполнѣ выяснился. Слава была уже прочно завоевана. Современники, за исключеніемъ темной булгаринской клики, признали уже въ Жуковскомъ и Пушкинѣ выдающихся литературныхъ корнееевъ. У Жуковскаго къ литературной славѣ присоединялось еще крупное его придворное положеніе, какъ воспитателя Наслѣдника Цесаревича, какъ, человѣка, къ которому Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна относились съ большимъ личнымъ расположеніемъ. Поддержка со стороны Жуковскаго и Пушкина, по условіямъ того времени, имѣла огромное значеніе, нравственное и матеріальное.

Для оцѣнки отношеній Гоголя къ Жуковскому и Пушкину важное значеніе имѣютъ Записки Алекс. Осип. Россетъ-Смирновой, умной и образованной фрейлины Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Какъ бы ни было велико недовѣріе къ отдѣльнымъ фактамъ въ Запискахъ А. О. Смирновой, нельзя не признать, что въ нихъ много схвачено и передано вѣрно,

---

1) *Письма* Гоголя, изд. Маркса I, 152, 158, 159.

2) Т. же, 114.

съ тонкой женской наблюдательностью, въ частности очень жизненно обрисовано положеніе Гоголя въ кружкѣ Жуковскаго и Пушкина. «Я непремѣнно хочу видѣть этого упрямаго хохла, поговорить съ нимъ объ Украинѣ, обо всемъ, что мнѣ такъ дорого»—говоритъ Смирнова въ своемъ дневникѣ, и вскорѣ ея желаніе было исполнено ея литературными друзьями: Пушкинымъ, котораго она запросто величала Сверчкомъ и Искрой, и Жуковскимъ, для котораго у Смирновой было нѣсколько ласкательныхъ прозвищъ: Бычокъ, Sweet William. Вскорѣ Смирнова вноситъ въ свой дневникъ такую замѣтку: «Наконецъ-то, Сверчокъ и Бычокъ, мои два арзамасскіе звѣря, привели ко мнѣ Гоголя-Яновскаго. Я была въ восторгѣ отъ того, что могла говорить о Малороссіи, и, онъ также оживился... Я замѣтила, что достаточно Пушкину обратиться къ Гоголю, чтобы тотъ просіялъ... Сверчокъ очень добръ; онъ быстро приручилъ бѣднаго хохла—грустнаго, робкаго и упрямаго; онъ такъ же добръ, какъ Sweet William, милый мычащій Бычокъ... Жуковскій въ высшей степени добръ... Онъ въ восторгѣ отъ того, что ему удалось притащить упиравшагося хохла... Мы говорили о гнѣздахъ аистовъ на крышахъ Малороссіи, о чумакахъ, кобзаряхъ... Я обѣщала Пушкину бранить бѣднаго хохла, если онъ будетъ слишкомъ грустить въ сѣверной Пальмирѣ... Они (т. е. Жуковскій и Пушкинъ) такъ дразнили Гоголя за его дикость и застѣнчивость, что онъ, наконецъ, пересталъ стѣсняться и самъ очень доволенъ тѣмъ, что пришелъ ко мнѣ съ конвоемъ».

Въ другомъ мѣстѣ Смирнова говоритъ, что Сверчокъ приходилъ къ ней поговорить о Гоголѣ. Онъ провелъ у Гоголя нѣсколько часовъ, просматривалъ его тетради, его замѣтки и пораженъ его наблюдательностью [1]).

Въ одномъ мѣстѣ Записокъ Смирновой ярко выражено покровительственное и учительное отношеніе Жуковскаго и Пушкина къ Гоголю. На обычномъ у Смирновой литературномъ собраніи «Гоголь слушалъ молча, время отъ времени занося слышанное въ карманную книжку. Жуковскій сказалъ ему: «Ты записываешь, что говоритъ Пушкинъ, и прекрасно дѣлаешь..., потому что каждое слово Пушкина драгоцѣнно... Онъ думалъ о столькихъ предметахъ и такъ свѣдущъ въ иностранной словесности». Далѣе Жуковскій спросилъ Гоголя, прочелъ ли онъ то, что ему совѣтовалъ Пушкинъ. Гоголь отвѣтилъ, что онъ, по указанію Пушкина, прочиталъ «Essais» Монтеня, «Мысли» Паскаля. «Персидскія письма» Монтескье, «Les Caractères» Ла-Брюйера, «Мысли» Вовенарга, басни Лафонтена. Кромѣ того, Пушкинъ еще рекомендовалъ Корнеля, Расина, Мольера, Сервантеса. «Затѣмъ, добавилъ Гоголь, я прочелъ нѣмецкія книги, что вы мнѣ дали, и переводы Шекспира». «Это похвально, право-

[1]) *Смирнова*, Записки I, 41-43.

учительно сказалъ ему Жуковскій, читай только то, что есть лучшаго въ нѣмецкой и англійской литературѣ. Что ты думаешь о Фаустѣ, о Вильгельмѣ Мейстерѣ»?

Гоголь. Я совершенно пораженъ геніемъ Гете. Шиллеръ, съ которымъ я довольно хорошо знакомъ, кажется мнѣ теперь совсѣмъ другимъ. Я началъ читать Гамбургскую Драматургію и прочелъ Натана Мудраго. Я сдѣлаю извлеченія изъ этихъ книгъ.

Жуковскій. Можешь оставить ихъ себѣ... Не благодари, потому что у меня ихъ нѣсколько изданій. Шиллеръ—великій поэтъ; но Гете и великій мыслитель...» [1]).

Можетъ быть, діалоги эти переданы не совсѣмъ точно. Важно основное указаніе, что Жуковскій совмѣстно съ Пушкинымъ руководилъ самообразованіемъ Гоголя, что они рекомендовали ему, что читать, снабжали его книгами. Одновременно Жуковскій руководилъ чтеніемъ талантливой А. О. Смирновой.

Гоголь довѣрялся вполнѣ Жуковскому, а послѣдній платилъ ему живымъ сочувствіемъ, покровительствомъ и ходатайствами въ его пользу передъ высшей властью, вообще, самой широкой нравственной и матеріальной поддержкой.

Пушкинъ, Гоголь и Жуковскій тѣсно сошлись въ 1831 году. Гоголь, уже авторъ своего «поросенка», какъ онъ называлъ «Вечера на хуторѣ», жилъ лѣтомъ 1831 г. въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. «Почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я», писалъ впослѣдствіи Гоголь. Онъ былъ въ восторгѣ отъ этой высокой дружбы, въ восторгѣ отъ поворота Жуковскаго и Пушкина къ народной поэзіи. «Жуковскаго узнать нельзя, писалъ Гоголь. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русскій» [2]).

Въ письмѣ къ Жуковскому 22 декабря 1847 г. Гоголь оставилъ такое воспоминаніе объ ихъ первой встрѣчѣ: «Вотъ ужъ скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступившій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полдороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ. Но я ее вижу, какъ теперь, всю до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно-любовенъ твой взоръ!... Что насъ свело неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство. Отъ чего? Отъ того, что оба чувствовали святыню искусства».

---

1) *Смирнова,* I, 137-139.
2) *Загаринъ.* В. А. Жуковскій, 477.

Гоголь придавалъ огромное значеніе первой встрѣчѣ съ Жуковскимъ. Онъ пріурочивалъ къ этому времени коренное измѣненіе въ направленіи своей творческой дѣятельности. «И едва ли не со времени этого перваго свиданія нашего, писалъ Гоголь Жуковскому въ 1847 г., искусство стало главнымъ и первымъ въ моей жизни, а все прочее вторымъ. Мнѣ казалось, что уже не долженъ я связываться никакими другими узами на землѣ, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина и что словесное поприще есть тоже служба» [1]).

Такъ Гоголю казалось, и, говоря это, онъ былъ искрененъ для извѣстнаго момента, но были отступленія, были неудачныя попытки служебной дѣятельности, напр., его кратковременная профессура. Жуковскій былъ въ числѣ тѣхъ оптимистовъ, которые вѣрили въ научную пригодность Гоголя, которые хлопотали о прикрѣпленіи его къ университету. Извѣстно, что Жуковскій и Пушкинъ посѣтили, однажды, лекцію Гоголя, которую онъ приготовилъ старательно для этого частнаго посѣщенія, какъ поэтическое угощеніе знаменитымъ гостямъ, его доброжелателямъ.

Гоголь дѣлился съ Жуковскимъ литературными новостями, напр., русскимъ переводомъ малорусскихъ пѣсенъ, пушкинскими сказками. Въ 1831 г. онъ писалъ Жуковскому: «Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто русской поэзіи. Страшные граниты положены въ фундаментъ» [2]).

Жуковскій просилъ своего пріятеля Плетнева оказать Гоголю поддержку, и Плетневъ въ 1831 г. пристроилъ Гоголя учителемъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ Плетневъ былъ инспекторомъ, и, кромѣ того, доставилъ ему частныя занятія у Лонгиновыхъ, Балабановыхъ, Васильчиковыхъ. Но Гоголь неохотно исполнялъ служебныя обязанности, часто бралъ отпуски, и учебное начальство нашло нужнымъ, въ интересахъ учрежденія, пригласить другого преподавателя. 15-го іюля 1835 г. Гоголь писалъ Жуковскому изъ Полтавы: «Вчера я получилъ извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ происшествіи, что мѣсто мое въ Патріотическомъ институтѣ долженствуетъ замѣститься другимъ господиномъ. Это для меня крайне прискорбно, потому что, какъ бы то ни было, это мѣсто доставляло мнѣ хлѣбъ, и притомъ мнѣ было очень пріятно заниматься; я привыкъ считать чѣмъ то роднымъ и близкимъ». Гоголь проситъ Жуковскаго устроить такъ, чтобы Императрица не утвердила новаго учителя, и мѣсто осталось за нимъ, Гоголемъ [3]).

---

[1]) *Н. Бычковъ*, «Неизд. письма Гоголя и Жук.» въ Русск. Вѣстн. 1838. XI 64.
[2]) *Русск. Арх.* 1871, 947.
[3]) *Пыпинъ*, въ Энц. Слов. Брокгауза и Ефрона 17, стр. 19; *Рус. Арх.* 1871, 949.

Жуковскій и Пушкинъ принимали близкое участіе во всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ Гоголя, то въ формѣ предложенія темы, то въ формѣ обсужденія деталей, то въ формѣ обузданія цензуры.

Въ 1831 и 1832 годахъ вышли знаменитые, положившіе прочное основаніе для славы Гоголя «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» подъ псевдонимомъ пасѣчника Рудого Панька. Въ запискахъ Смирновой сохранилось любопытное извѣстіе, что Жуковскій и его друзья принимали живое участіе въ обсужденіи самаго псевдонима. Плетневъ находилъ, что «Рудый Панько» звучитъ хорошо и что это вполнѣ «хохлацкое имя». А. О. Россетъ-Смирнова находила, что и Гоголь-Яновскій достаточно «хохлацкое имя» и въ псевдонимѣ нѣтъ надобности. Жуковскій держался того мнѣнія, что Гоголю удобнѣе выступить подъ псевдонимомъ, потому что, говорилъ онъ,—авторъ молодъ, а наша критика возмутительно относится къ начинающимъ, и булгаринская клика будетъ изверъгать свой ядъ. Лучше избѣжать того, что можетъ обезкуражить начинающаго автора [1]). Замѣчательная предупредительность и чисто отеческая, гуманная заботливость о поддержаніи молодого дарованія! Мнѣніе Жуковскаго взяло верхъ. Другой покровитель и другъ Гоголя—Пушкинъ, судя по словамъ Смирновой, заранѣе подготовилъ статью въ защиту Гоголя, на случай рѣзкой критики. «Если Булгаринъ позволитъ себѣ что нибудь, возраженія Пушкина будутъ полны не только соли, но и перцу»... Смирнова тутъ же замѣчаетъ, что она какъ то видѣла Булгарина, что, у него «препротивная физіономія» [2]).

Въ 1836 г. на сценѣ появился «Ревизоръ». Жуковскій и Пушкинъ были литературными воспріемниками этого славнаго въ лѣтописяхъ русскаго театра произведенія. Они привлекли къ нему вниманіе и сочувствіе Государя. Они поддерживали самолюбиваго автора въ горькія минуты сомнѣній и огорченій. На первомъ представленіи «Ревизора» Гоголь сидѣлъ въ ложѣ съ гр. Віельгорскимъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ. Благодаря ходатайству Жуковскаго и Віельгорскаго, рукопись «Ревизора» была прочитана Императору Николаю Павловичу и получено Высочайшее разрѣшеніе на изданіе и представленіе комедіи. По словамъ очевидца барона Розена, «на блистательныхъ литературныхъ вечерахъ Жуковскаго (по субботамъ) Гоголь частенько читалъ свою комедію «Ревизоръ» въ кругу именитѣйшихъ литераторовъ и почетнѣйшихъ, образованнѣйшихъ особъ... [3]) Гоголь, зная наизусть свою комедію, не всегда глядѣлъ въ

---

[1]) *Смирнова*, I, 177.

[2]) Ibid., 178.

[3]) Есть картина, изображающая Гоголя и др. извѣстныхъ литераторовъ на литературномъ вечерѣ Жуковскаго.

рукопись, и часто прогуливался геніальнымъ взглядомъ по рядамъ дышащихъ живѣйшимъ участіемъ слушателей... Весь блистательный соборъ слушателей расходился перекатнымъ смѣхомъ»... Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ «Ревизора». Молчалъ и хмурился лишь одинъ завистливый и недоброжелательный баронъ Розенъ. Жуковскій наблюдалъ за своими гостями. Онъ однажды наединѣ сказалъ барону Розену, что Гоголь замѣтилъ сдержанное его отношеніе, выразившееся въ отсутствіи одобреній или порицаній [1]).

«Ревизоръ» вызвалъ въ публикѣ чрезвычайно разнообразные сужденія. Небольшая группа передовой интеллигенціи, имѣя во главѣ Жуковскаго, Пушкина и Бѣлинскаго, была въ восторгѣ. Большинство, сѣрое большинство, было недовольно, что уже обнаружилось на первомъ представленіи знаменитой комедіи. Одинъ изъ современниковъ прямо говорилъ, что не могъ же въ самомъ дѣлѣ вызвать сочувствіе спектакль, осмѣивающій взяточничество, въ такомъ зрительномъ залѣ, гдѣ половина публики была дающей, а другая половина берущей. Въ одной газетѣ писали: «Имена дѣйствующихъ лицъ изъ «Ревизора» обратились на другой день въ собственныя названія: Хлестаковы, городничіе, Земляники, Тяпкины-Ляпкины пошли подъ руку съ Фамусовымъ, Молчалинымъ, Чацкимъ. Посмотрите: они, эти господа и госпожи гуляютъ по Тверскому бульвару, въ паркѣ, по городу. Вездѣ, вездѣ, гдѣ есть десятокъ народу, навѣрно одинъ выходитъ изъ комедіи Гоголя» [2]).

«Мочи нѣтъ, писалъ Гоголь Щепкину 29 апр. 1836 г. Дѣлайте, что хотите съ моею пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она надоѣла такъ же, какъ и хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня, купцы противъ меня, литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу. На четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя ни за что не была бы на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій признакъ истины, и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія» [3]).

Г. Шенрокъ отъѣздъ Гоголя за границу въ половинѣ 1836 г. ставитъ въ самую тѣсную связь и прямую зависимость отъ служебныхъ

---

[1]) *Алферовъ*, Особенности творч. Гоголя, 27.
[2]) *Смирнова*, Записки 1, 313—316.
[3]) *Письма Гоголя* въ изд. Маркса 1, 368.

неудачъ и литературныхъ огорченій. «Лишившись каѳедры въ университетѣ и учительскаго мѣста въ Патріотическомъ институтѣ и измученный неистовыми воплями негодованія, возбужденнаго въ нѣкоторыхъ слояхъ общества появленіемъ на сценѣ «Ревизора», Гоголь двинулся въ сообществѣ своего неразлучнаго друга Данилевскаго заграницу. Оба свободные, оба молодые и жадно стремящіеся окунуться въ столь заманчивый и еще незнакомый имъ западно-европейскій міръ, они весело бросились навстрѣчу привѣтливой будущности [1]).

Можно думать, что поѣздка Гоголя за границу обусловлена была многими причинами. При всемъ своемъ недовольствѣ обществомъ, Гоголь мотивировалъ иначе свой отъѣздъ. Въ письмѣ къ Погодину въ маѣ 1836 г. онъ говоритъ: «Ѣду за границу; тамъ размыкаю ту тоску, которую нагоняютъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ быть подальше отъ родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ... Я не смущаюсь, но какъ то тягостно, грустно... Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ, тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: «Мы не плуты»! Но Богъ съ ними! Я не оттого ѣду заграницу, чтобы не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ обдумать хорошенько труды будущіе [2]).

Къ неудовольствіямъ на общество и къ заботамъ о здоровьѣ нужно присоединить еще прямые совѣты и указанія Жуковскаго, Пушкина и ихъ друзей. Заграничная поѣздка Гоголя входила въ ихъ цѣли для расширенія его образованія. Пушкину самому очень хотѣлось побывать за границей, но его не пускали. Жуковскій уже бывалъ въ западныхъ странахъ и сильно тяготѣлъ къ западной культурѣ. И Гоголю хотѣлось отвѣдать этого міра; друзья его поддержали, направили, указали маршруты, снабдили рекомендательными письмами, обѣщали матеріальную поддержку. Гоголь какъ-то читалъ у Россетъ-Смирновой Тараса Бульбу. По окончаніи чтенія, Пушкинъ поцѣловалъ его и сказалъ: «Пиши, пиши, думай, работай... Ты будешь путешествовать, ты увидишь, что Западъ создалъ въ мірѣ искусства»... Въ другомъ мѣстѣ Смирнова говоритъ прямо: «обсуждали планы хохла» и далѣе подробно излагается тотъ маршрутъ, который мужъ ея, Смирновъ, въ присутствіи Пушкина начерталъ относительно Италіи, которую Смирновъ зналъ хорошо. Смирновъ обѣщалъ рекомендательныя письма къ Бутурлинымъ, Воронцовымъ, Орловымъ, Пушкинъ къ Зинаидѣ Волконской и т. д. Предполагалось, что

---

1) *Шенрокъ*, Матеріалы Ш, 114.

2) *Гоголь*, Письма изд. Маркса, 1, 370.

Гоголь основательно ознакомится со страной и художниками, съ профессорами академій Флоренціи и Рима [1]).

Г. Шенрокъ осторожно говоритъ, что во время своего перваго заграничнаго путешествія, Гоголь, переносясь безпрестанно съ мѣста на мѣсто, слишкомъ мало заботился о подробностяхъ будущаго устройства своей жизни, хотя въ главныхъ своихъ потребностяхъ ему удалось, благодаря содѣйствію Жуковскаго, обезпечить себя еще до выѣзда изъ Петербурга. Въ письмѣ къ Жуковскому, написанному вскорѣ послѣ отъѣзда за границу, Гоголь говоритъ: «не знаю, какъ благодарить васъ за хлопоты ваши доставить мнѣ отъ Императрицы на дорогу» [2]). Гоголь просилъ Прокоповича передать Плетневу, что «деньги получены съ невѣроятной исправностью». Должно быть, и тутъ дѣйствовало бдительное око Жуковскаго.

Гоголь выѣхалъ за границу въ іюнѣ моремъ на Гамбургъ. Пробывъ немного времени въ Баденъ-Баденѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ, онъ поселился въ Швейцаріи въ Веве, гдѣ ранѣе уже бывалъ Жуковскій. «Сначала было мнѣ нѣсколько скучно, писалъ Гоголь къ Жуковскому 12 ноября 1836 г., потомъ я привыкъ и сдѣлался совершенно вашимъ наслѣдникомъ: завладѣлъ мѣстами вашихъ прогулокъ, мѣрилъ разстояніе по назначеннымъ вами верстамъ, нацарапалъ даже свое имя русскими буквами въ Шильонскомъ подземельѣ... Внизу послѣдней колонны когда-нибудь русскій путешественникъ разберетъ мое птичье имя»... Въ это время Гоголь усердно работалъ надъ «Мертвыми душами», начатыми въ Петербургѣ. Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ: «все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись. Швейцарія сдѣлалась мнѣ съ тѣхъ поръ лучше; сѣро-лилово-голубо-сине-розовыя ея горы легче и воздушнѣе. Если совершу это твореніе такъ какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ. Это будетъ первая моя порядочная вещь, вещь, которая вынесетъ мое имя. Каждое утро въ прибавленіе къ завтраку вписывалъ я по три страницы въ мою поэму, и смѣху отъ этихъ страницъ для меня было достаточно, чтобы усладить мой одинокій день». Вскорѣ въ Веве наступили холода. Гоголь захандрилъ и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ, по его словамъ, «Богъ простеръ надъ нимъ свое покровительство и сдѣлалъ чудо: указалъ ему теплую квартиру, на солнцѣ, съ печкой». «Снова веселъ писалъ согрѣвшійся Гоголь Жуковскому. «Мертвыя» текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется, какъ будто

---

[1]) *Смирнова*, I, 237, 318—319.

[2]) *Шенрокъ*, III, 126.

я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы — словомъ, вся православная Русь... Огромно велико мое твореніе, и не скоро конецъ его... Кто то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки... съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни»... Въ концѣ письма Гоголь проситъ Жуковскаго и Пушкина сообщать ему какіе-нибудь казусы, могущіе случиться при покупкѣ мертвыхъ душъ. «Хотѣлось бы мнѣ страшно, добавляетъ онъ, вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ» [1]).

Въ 1837 г. Гоголь писалъ Жуковскому: «Я получилъ данное мнѣ великодушнымъ нашимъ Государемъ вспоможеніе. Благодарность сильна въ груди моей; но изліяніе ея не достигнетъ къ Его Престолу... Но до васъ можетъ достигнуть моя благодарность. Вы, все вы, Вашъ исполненный любви взоръ бодрствуетъ надо мною!».

Въ это время Гоголь усиленно работалъ надъ «Мертвыми душами»: въ Швейцаріи, въ Парижѣ, въ Италіи вездѣ настойчиво обдумывалъ и обрабатывалъ это капитальное произведеніе. «Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой, писалъ онъ Жуковскому изъ Рима въ 1837 г. Жизни, жизни, еще бы жизни! Я ничего еще не сдѣлалъ, чтобы было достойно вашего трогательнаго расположенія. Но можетъ быть это, которое пишу нынѣ, будетъ достойно его. По крайней мѣрѣ, мысль о томъ, что вы будете читать его нѣкогда, была одна изъ первыхъ, оживлявшихъ меня во время бдѣнія надъ нимъ. Храни Богъ долго, долго прекрасную жизнь вашу» [2]).

Накануне новаго 1839 года Гоголь писалъ изъ Рима Данилевскому, что туда пріѣхалъ Жуковскій: «Онъ все также бодръ, также любитъ меня». Между двумя поэтами еще стояла дружественная тѣнь Пушкина. «Онъ весь полонъ Пушкинымъ», добавляетъ Гоголь о Жуковскомъ.

Въ письмѣ къ кн. Репниной, написанномъ вскорѣ по пріѣздѣ Жуковскаго въ Римъ, Гоголь говоритъ: «Я теперь такъ счастливъ пріѣздомъ Жуковскаго, что это одно наполняетъ меня всего. Свиданіе наше было очень трогательно. Первое имя, произнесенное нами, былъ Пушкинъ. Понынѣ чело его облекается грустью при мысли объ этой утратѣ. Мы почти весь день осматривали Римъ съ утра до ночи». Г. Шенрокъ отмѣтилъ, что «письма Гоголя къ Жуковскому послѣ ихъ встрѣчи въ Римѣ носятъ явные слѣды происшедшаго болѣе тѣснаго сближенія между ни-

---

1) *Гоголь*. Письма, изд. Маркса I, 413—417.
2) *Русск. Арх.* 1871, 957, 959.

ми... Жуковскій съ Гоголемъ дѣлилъ отъ души самыя высокія наслажденія прекраснымъ въ продолженіе всего его пребыванія въ Римѣ [1]).

Гоголь и Жуковскій осматривали вмѣстѣ вѣчный городъ, вмѣстѣ рисовали лучшіе его виды. Мѣсяцъ съ небольшимъ пролетѣлъ незамѣтно. Жуковскій уѣхалъ въ Германію; Гоголь остался въ Римѣ. «Это былъ какой-то небесный посланникъ ко мнѣ, вспоминалъ онъ о Жуковскомъ какъ тотъ мотылекъ, имъ описанный, влетѣвшій къ узнику» [2]).

Въ февралѣ 1839 г. Гоголь былъ еще полонъ воспоминаніями о пребываніи Жуковскаго въ Римѣ. Въ веселомъ весеннемъ настроеніи Гоголь писалъ Жуковскому: «Чудное время! Слышите ли и видите ли эти божественные дни, которые теперь настали, передовые гонцы несущейся уже недалеко весны. Какъ я ихъ люблю! Боже, если бы вы встрѣтили ихъ еще здѣсь; но кто знаетъ, можетъ быть, вы тогда не захотѣли бы выѣхать изъ Рима... Теперь жаль на минуту оставить Римъ: такъ онъ хорошъ и такая бездна предметовъ для рисованія. Доживу ли я до того времени, когда мы вновь сядемъ вмѣстѣ, оба съ кистями? Вѣрите ли, что иногда, рисуя, я, позабывшись, вдругъ оборачиваюсь, чтобы сказать слово вамъ и, оборотившись, вижу и какъ будто слышу пустоту, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько минутъ... [3]).

При нѣкоторыхъ преувеличеніяхъ, обычныхъ у Гоголя, какъ человѣка гиперболическаго настроенія, въ словахъ его нельзя не признать искренняго выраженія его привязанности къ Жуковскому.

Въ апрѣлѣ 1839 г. Гоголь обратился изъ Рима къ Жуковскому съ просьбой выхлопотать для него пенсіонъ. «Меня страшитъ мое будущее. Здоровье мое, кажется, съ каждымъ днемъ становится плоше и плоше. Я былъ недавно очень боленъ... Я послалъ въ Петербургъ за послѣдними моими деньгами и больше ни копѣйки; впереди не вижу никакихъ средствъ добыть ихъ. Заниматься какимъ нибудь журнальнымъ мелочнымъ вздоромъ не могу, хотя бы умиралъ съ голоду. Я долженъ продолжать мною начатый большой трудъ (Мертвыя души), который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе...» «Вы одни въ мірѣ, котораго интересуетъ моя участь. Вы сдѣлаете все то, что только въ предѣлахъ возможности... Не въ первый разъ я обязанъ многимъ, многимъ вамъ, чего сердце не умѣетъ высказать... Если бы мнѣ такой пенсіонъ, какой дается воспитанникамъ академіи художествъ, живущимъ въ Италіи, или хоть такой, какой дается дьячкамъ, находящимся здѣсь при нашей церкви»...

---

[1]) *Шенрокъ*, III, 268.

[2]) *Загаринъ*, 478.

[3]) *Русск. Арх.* 1871, 0931.

Жуковскій не рѣшился хлопотать, въ виду того, что Императрица была больна. Вскорѣ въ концѣ 1839 г. Гоголь пріѣхалъ въ Россію и изъ Москвы послалъ Жуковскому въ Петербургъ просьбу такого рода: «Я придумалъ вотъ что: сдѣлайте складку, сложитесь всѣ тѣ, которые питаютъ ко мнѣ истинное участіе, составьте сумму въ 4000 руб. и дайте мнѣ взаймы на годъ» [1]). Просьба эта была удовлетворена. Гоголь получилъ отъ Жуковскаго 4000 р. «Что я могу написать вамъ, говоритъ Гоголь въ письмѣ къ Жуковскому по этому поводу, только благодарить васъ за ваши заботы, за ваше рѣдкое участіе». Далѣе онъ высказываетъ надежду снова уѣхать въ излюбленный Римъ.

Въ 1839 г. идутъ просьбы Гоголя о томъ, чтобы сестры его были обезпечены, въ 1840 и 1841 г. просьбы объ опредѣленіи его на службу въ Римъ [2]).

Въ письмѣ къ художнику А. Иванову 16 мая 1842 г. Гоголь, совѣтуя написать вторично просьбу къ Жуковскому, для возбужденія ходатайства о продленіи пенсіи, говоритъ, что «Жуковскому никогда нельзя наскучить въ справедливомъ дѣлѣ» [3]). И нужно сознаться, что самъ Гоголь часто обращался съ личными просьбами къ Жуковскому и др. лицамъ, напримѣръ, въ письмахъ къ Плетневу 1842 г., гдѣ онъ настойчиво напоминаетъ, чтобы его «не исключили изъ круга писателей, которымъ изъявляется царская милость за поднесенные экземпляры». Любопытно при этомъ замѣчаніе: «когда былъ въ Петербургѣ Жуковскій мнѣ обыкновенно что-нибудь слѣдовало» [4]). Въ письмѣ къ Шевыреву 1843 г. Гоголь, по поводу выхода «Мертвыхъ Душъ», между прочимъ, писалъ: «Изъ Петербурга я не получалъ ни одного изъ тѣхъ подарковъ, которые я получалъ прежде, когда былъ тамъ Жуковскій». Въ томъ же письмѣ Гоголь разъясняетъ, что ему для проживанія за границей, по самой, какъ онъ выражается, «строгой смѣтѣ», нужно «по 6 тысячъ рублей въ продолженіе трехъ лѣтъ на всякій годъ», и что тогда «благодарность его будетъ такъ безконечна, какъ безконечна къ намъ любовь Христа Спасителя нашего» [5]). Къ Жуковскому, проживавшему за границей, также шли просьбы Гоголя, то за себя, то за Иванова, просьбы столь частыя и настойчивыя, что Жуковскій, при всемъ его благодушіи, обнаружилъ недовольство и долгое время не отвѣчалъ Гоголю, такъ что послѣдній въ письмѣ 1842 г. даже спрашивалъ его:

---

1) *Русск. Арх.* 1871, 0941.
2) *Шенрокъ*, III, 300—310.
3) *Письма Гоголя.* Изд. 1902, II, 172.
4) Ibid. II, 231.
5) *Гоголь*, Письма, изд. Маркса II. 268, 267.

«Или вы разлюбили меня?», а въ письмѣ того же 1842 г. у Жуковскаго, вмѣсто обычнаго дружескаго обращенія: «Гоголекъ», находится церемонное и оффиціальное обращеніе «Николай Васильевичъ». Гоголь почувствовалъ холодъ и укоръ и въ письмѣ 1843 г. заявилъ, что пріѣдетъ къ Жуковскому для личнаго свиданія, не спрашивая, желательно или нежелательно Жуковскому «видѣть его физіономію».

Но добродушный Жуковскій не могъ долго сердиться. Онъ принялъ Гоголя съ искреннимъ радушіемъ и неизмѣнно поддерживалъ ласковыя отношенія. Гоголь въ 1843 гостилъ у Жуковскаго въ Дюссельдорфѣ. Здѣсь онъ, какъ писалъ Плетневу, «воспринималъ отъ купели «Матео Фильконе» и торопилъ къ появленію въ свѣтъ». Въ 1844 г. Гоголь переѣхалъ съ Жуковскимъ во Франкфуртъ. Въ письмѣ къ Языкову изъ Франкфурта 1844 г. Гоголь говоритъ, что онъ «подзадорилъ Жуковскаго, и онъ въ три дня съ небольшимъ хвостикомъ четвертаго отмахнулъ славную вещь» («Двѣ повѣсти» изъ Шамиссо и Рюккерта написаны для «Москвитянина») [1]).

Въ 1841 г. Гоголь, привлекая Жуковскаго къ ходатайству въ пользу извѣстнаго художника А. Иванова, писалъ, что «помочь таланту значитъ помочь не одному ближнему, но двадцати ближнимъ вдругъ». Слова эти примѣнимы къ самому Гоголю. Ему нужно было помочь, и учетъ помощи тутъ нельзя произвести съ математической аккуратностью. Лично Гоголь тяготился своими долгами. «Если бъ вы знали, писалъ онъ Жуковскому 3 мая 1840 г., какъ мучается моя бѣдная совѣсть, что существованіе мое повисло на плечи великодушныхъ друзей моихъ» [2]). Онъ уплачивалъ долги по частямъ; но, важнѣе, что онъ съ лихвой покрылъ свои долги своимъ геніемъ, оцѣнка котораго стоитъ и нынѣ выше матеріальныхъ соображеній.

Въ началѣ 40-хъ годовъ усиливается крайнее самомнѣніе Гоголя наряду съ частыми перемежающимися пароксизмами искусственнаго самоуниженія, покаянія и самобичеванія. Въ іюнѣ 1842 г. Гоголь писалъ Жуковскому изъ Берлина: «Съ каждымъ днемъ становится свѣтлѣй и торжественнѣй въ душѣ моей. Не безъ цѣли и значенія были мои поѣздки, удаленья и отлученья отъ міра; въ нихъ незримо совершалось воспитаніе души моей. Скажу только, что я сталъ далеко лучше того, какимъ запечатлѣлся въ священной для меня памяти друзей моихъ, что чаще и торжественнѣе льются душевныя слезы мои и что живетъ въ душѣ моей глубокая, неотразимая вѣра, что небесная сила поможетъ мнѣ взойти на ту лѣстницу, которая предстоитъ мнѣ, хотя я стою еще

---

1) *Гоголь*, Письма, изд. Маркса II 346, 585.

2) *Шенрокъ*, III, 309, Письма Гоголя, II, 119.

на нижайшихъ и первыхъ ея ступеняхъ. Много труда и пути, и душевнаго воспитанія впереди еще! Чище горнаго снѣга и свѣтлѣй небесъ должна быть душа моя, и тогда только я пріиду въ силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрѣшится задача моего существованія» [1]).

Болѣзни со всѣхъ сторонъ обступили бѣднаго Гоголя, вопреки тому, что онъ говорилъ о свѣтѣ и торжественности своей души. Въ 1845 г. Гоголь, замѣтивъ, что Жуковскій началъ за него безпокоиться и побаиваться, сталъ иногда скрывать отъ него состояніе своей болѣзни; но прозорливый въ этомъ отношеніи Жуковскій видѣлъ хорошо плохое состояніе его здоровья. «Здоровье Гоголя требуетъ рѣшительныхъ мѣръ, писалъ Жуковскій къ Смирновой въ 1845 г. Ему надо имъ заняться исключительно, бросивъ на время перо» [2]).

Въ концѣ 1846 г. скончался другъ Гоголя и Жуковскаго поэтъ Языковъ, и больной уже въ то время Гоголь писалъ Жуковскому, что «небесная родина наполняется близкими сердцу». «Братъ мой прекрасный, отнынѣ мы должны быть еще ближе другъ къ другу» [3]).

Гоголь и Жуковскій нѣсколько разъ съѣзжались вмѣстѣ и проводили время въ дружеской бесѣдѣ. Такъ было во Франкфуртѣ, въ Римѣ, въ Эмсѣ. Лѣтомъ 1847 г. Жуковскій жилъ въ Эмсѣ въ одномъ домѣ съ Хомяковымъ, котораго называлъ «поэтической библіотекой, добродушнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ». Когда къ нимъ на короткое время присоединился еще Гоголь, Жуковскій писалъ: «мы на досугѣ тріумвиратствуемъ».

На почвѣ физическаго и нравственнаго упадка выросла въ 1847 г. «Переписка» Гоголя. Книга это произвела тяжелое впечатлѣніе даже на близкихъ друзей Жуковскаго. Крайне непріятное впечатлѣніе произвелъ общій учительскій тонъ, искусственное смиреніе, скрытое самомнѣніе. Бѣлинскій написалъ громкое письмо. Аксаковы (С. Т. и Конст. Серг.), Погодинъ, архіеп. Харьковскій Иннокентій были недовольны и осуждали книгу съ разныхъ точекъ зрѣнія. Даже Жуковскій отнесся съ порицаніемъ къ нѣкоторымъ статьямъ въ «Перепискѣ» [4]).

Суровые и, главное, справедливые и основательные отзывы о «Перепискѣ» людей, которыхъ Гоголь не могъ не уважать, какъ, напримѣръ С. Т. Аксакова, глубоко задѣли самолюбіе Гоголя. Онъ пробовалъ оправдываться, какъ показываетъ его письмо къ Аксакову отъ 28 августа

---

1) *Письма* Гоголя, изд. Маркса, 1902, II, 184.
2) *Гоголь*, Письма, изд. Маркса, III, 35, 37, 96.
3) Ibid, 335.
4) Литература очень обширна. См. *Гоголь*, Письма, изд. Маркса IV, *Бычковъ*, «Русск. Вѣстн.», 1888, XI, *Матвѣевъ*, Гоголь; *Пыпинъ*, Ист. рус. лит., IV.

1847 г.[1]), гдѣ онъ признаетъ, однако, свое сочиненіе «недодѣланнымъ», но передъ Жуковскимъ Гоголь не могъ лицемѣрить; въ трехъ замѣчательныхъ письмахъ къ нему отъ 4 марта, 6 марта и 22 декабря Гоголь окончательно сознается въ недостаткахъ «Переписки».

4 марта Гоголь писалъ: «Мнѣ случилось получить много пораженій... и какъ все это нужно было. Я и подумать еще не могъ, какъ много во мнѣ еще осталось гордости, самонадѣянности, самолюбія, самонадменности (sic) и высокомѣрія... Мнѣ кажется, какъ будто послѣ всего этого я сталъ теперь проще и какъ будто ровнѣе; сужу потому, что мнѣ теперь тяжело взглянуть на мою книгу; мнѣ кажется въ ней все такъ напыщенно, неумѣренно, невоздержно, что отъ стыда закрываю лицо. О какъ мнѣ трудно управляться въ моемъ душевномъ хозяйствѣ. Имѣнье дано въ управленіе большое, а самъ управитель слишкомъ плохъ и слишкомъ ненаученъ, какъ привести имѣніе въ стройность. Какъ мнѣ трудно достигнуть той простоты, которая уже при самомъ рожденіи влагается другому въ душу[2]).

Въ письмѣ, написанномъ черезъ два дня, Гоголь еще съ большей откровенностью сообщаетъ Жуковскому, что онъ точно «проснулся» и чувствуетъ себя «какъ провинившійся школьникъ». «Я размахнулся въ моей книгѣ, говоритъ Гоголь, такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее... Стыдно, что возмнилъ о себѣ, будто мое школьное воспитаніе уже кончилось и могу я стать наравнѣ съ тобою. Право, есть во мнѣ что то хлестаковское. А ты кротко, безъ негодованія, подаешь мнѣ братскую руку свою»...[3]).

Въ письмѣ 22 декабря находится замѣчательное по основательности замѣчаніе Гоголя: «Несмотря на пристрастіе сужденій объ этой книгѣ и разномысліе ихъ, въ итогѣ послышался общій голосъ, указавшій мнѣ мѣсто мое и границы, которыя я, какъ писатель, не долженъ переступать. Въ самомъ дѣлѣ, не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того ужъ поученье. Мое дѣло говорить *живыми образами*, а не разсужденіями. Я долженъ выставить жизнь лицомъ, а не трактовать о жизни»[4]).

С. Т. Аксаковъ обвинялъ Жуковскаго, что онъ допустилъ изданіе «Переписки» Гоголя,—такъ въ обществѣ сильна была вѣра въ всемогущее вліяніе Жуковскаго на Гоголя. Когда Аксаковъ предложилъ Плетневу, завѣдывавшему изданіемъ книги, прекратить ея печатаніе,

---

1) Соч. и письма Гоголя, въ изд. Кулиша, VI, 418.
2) *Шляпкинъ*, въ Рус. Стар. 1896, IX, 213.
3) *Кулишъ*, Сочин. и письма Гоголя, XI, 350.
4) *Бычковъ*, въ «Русск. Вѣстн.» 1888 XI, 66. Письма Гоголя въ изд. Маркса IV, 139.

Плетневъ не согласился, сославшись на то, что «Жуковскій одобрилъ всѣ намѣренія Гоголя». Въ своемъ суровомъ письмѣ къ Гоголю, Аксаковъ, намекая, очевидно, на Жуковскаго, писалъ: «Дадутъ Богу отвѣтъ эти друзья ваши, слѣпые фанатики и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогали вамъ запутаться въ сѣти собственнаго ума вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христіанское смиреніе» [1]).

Жуковскій не былъ повиненъ въ появленіи «Переписки» Гоголя, и указаніе Плетнева, что «всѣ намѣренія Гоголя были одобрены Жуковскимъ», не вполнѣ основательно. Хотя Гоголь и прочелъ часть своей книги Жуковскому до изданія ея въ печати, между прочимъ, завѣщаніе и предисловіе къ перепискѣ, но Жуковскій, повидимому, не предполагалъ, что все прочитанное ему появится въ печати и вызоветъ почти всеобщее осужденіе. Въ письмѣ къ Гоголю отъ 12 марта 1847 г. Жуковскій говоритъ: «тебѣ крѣпко досталось отъ нашихъ строгихъ критиковъ, и я, признаться, попенялъ самому себѣ за то, что въ одномъ случаѣ не предохранилъ тебя отъ ихъ ударовъ, тѣмъ болѣе чувствительныхъ, что они подѣломъ тебѣ достались; виню себя въ томъ, что не присовѣтовалъ тебѣ уничтожить твое завѣщаніе и многое переправить въ твоемъ предисловіи» [2]).

Чтобы поддержать пріунывшаго друга и внести нѣкоторыя поправки въ его неудачную «Переписку», Жуковскій въ «Москвитянинѣ» 1848 г. помѣстилъ большую статью «О поэтѣ и современномъ его значеніи». Статья появилась въ то время, когда Гоголь былъ въ Палестинѣ. Ознакомившись съ нею, по возвращеніи въ Россію, Гоголь въ іюнѣ 1848 г. писалъ Жуковскому, что статья написана «очень дѣльно, многимъ понравилась и его освѣжила».

Кромѣ того, Жуковскій предполагалъ еще издать свои замѣчанія по поводу «Переписки» особой статьей подъ заглавіемъ «Отрывки изъ писемъ къ Гоголю, писанныхъ къ нему о его книгѣ» [3]).

Въ 1849 г. Жуковскій просилъ Гоголя, предпринявшаго путешествіе въ Палестину, дать ему описаніе страны, со всѣми ея мѣстными красками, въ такомъ видѣ, чтобы оно могло послужить для «Агасфера». Гоголь отчасти выполнилъ эту просьбу въ письмѣ отъ 28-го февраля 1850 г., гдѣ набросана яркая картина «безглагольной, недвижимой, Богомъ проклятой мертвой страны».

Наступилъ послѣдній годъ въ жизни Гоголя и Жуковскаго. Гоголь въ краткомъ письмѣ поздравилъ Жуковскаго съ наступающимъ 1852 г.

---

[1]) *Шляпкинъ*, въ «Рус. Стар.» 1895, IX, 215.

[2]) *И. Бычковъ*, въ «Русск. Вѣст.» 1888, XI, 62.

[3]) Ibid., 70.

Послѣднее письмо Гоголя къ Жуковскому 2-го февраля 1852 года; написано оно недѣли за двѣ съ небольшимъ до кончины, и это письмо благодарственное: «Много благодарю за книги и за доброе письмо». Далѣе Гоголь говоритъ, что молится за Жуковскаго, и добавляетъ: «горячѣй бы гораздо мнѣ слѣдовало о тебѣ молиться, какъ о человѣкѣ, которому я много, много долженъ».

Далѣе Гоголь сердечно соболѣзнуетъ о слѣпотѣ Жуковскаго и препровождаетъ ему медицинскій рецептъ одного народнаго средства. Письмо кончается словами: «Будь здоровъ и Богъ тебѣ въ помощь, милый близкій душѣ братъ!».

Черезъ 19 дней 21-го февраля 1852 г. Гоголь скончался, къ великому огорченію его стараго друга. Въ письмѣ къ Плетневу отъ 5-го марта 1852 года Жуковскій говоритъ: «Недавно я получилъ письмо отъ Гоголя и хотѣлъ дать ему отчетъ въ моей теперешней стихотворной работѣ (Агасферъ), занимаясь которой, я особенно думалъ о Гоголѣ... Я жалѣю его несказанно... Я потерялъ въ немъ одного изъ самыхъ симпатичныхъ участниковъ моей поэтической жизни, и чувствую свое сиротство въ этомъ отношеніи. Теперь мой литературный міръ состоитъ изъ 4 лицъ, изъ 2 мужскаго пола и изъ 2 женскаго; къ первой половинѣ принадлежите вы и Вяземскій къ послѣдней двѣ старушки—Елагина и Зонтагъ. Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ маленькомъ мірѣ мой добрый Гоголь» [1]).

Такъ горевалъ Жуковскій о своемъ другѣ, а смерть незамѣтно подступала къ нему самому. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, 12-го апрѣля 1852 г. Жуковскій скончался на 69 г. жизни.

Гоголь похороненъ въ Москвѣ, Жуковскій—въ Петербургѣ. Смерть и пространство раздѣлили друзей навсегда; но исторія навсегда соединила ихъ неразрывными узами литературной дружбы и высокихъ національныхъ заслугъ.

---

[1]) *Загаринъ*, 580.

7.

В. А. Жуковскій и Г. Ѳ. Квитка.

Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного писателя съ столь широкими и разнообразными связями и отношеніями, какъ В. А. Жуковскій. Кругъ его знакомствъ былъ чрезвычайно великъ, и вездѣ Жуковскій выступаетъ другомъ, наставникомъ, съ добрымъ совѣтомъ, всегда готовымъ къ матеріальной поддержкѣ и къ покровительству. Добрыя дѣла Жуковскаго, можно сказать, безчисленны. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Жуковскій представлялъ въ своемъ лицѣ цѣлое общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ, при чемъ помощь эта выражалась въ дѣятельности Жуковскаго такъ полно, такъ разносторонне и такъ деликатно, какъ она никогда не выражалась и не можетъ выразиться ни въ одномъ обществѣ, потому что для такой полноты и деликатности необходимо одно большое любящее сердце, только одна, но очень большая и въ высшей степени благородная душа. Жуковскій былъ именно такимъ рѣдкимъ человѣкомъ очень большой души. Высокое служебное, общественное и литературное положеніе облегчало ему дѣятельность въ пользу современныхъ ему писателей. Это былъ свѣтильникъ, горѣ стоящій, и лучи отъ него шли по всей Россіи и проникали въ Малороссію. Тепло отъ нихъ чувствовалось и въ Харьковѣ.

Сентиментально-романтическое направленіе Жуковскаго было сродни малорусскимъ писателямъ его времени. Квитка, Шевченко, Гребенка, Щоголевъ самостоятельно склонялись въ ту же сторону мечтательнаго романтизма, и народная малорусская поэзія несла нѣкоторыя сходныя настроенія. На почвѣ такого общаго романтическаго настроенія, малорусскіе литературные дѣятели охотно склоняли свой слухъ къ внушеніямъ мечтательной музы Жуковскаго. Въ повѣстяхъ Квитки и въ стихотвореніяхъ Шевченка и Щоголева кое-гдѣ проскальзываютъ романтическія ноты Жуковскаго; но не въ литературной области лежатъ главныя заслуги Жуковскаго. Гораздо важнѣе и плодотворнѣе были его личныя отношенія къ корифеямъ украинской литературы—Квиткѣ и Шевченку, отношенія въ высшей степени благожелательныя. Обоимъ малорусскимъ писателямъ Жуковскій оказалъ великія услуги; къ обоимъ онъ сумѣлъ во время прійти на помощь и поддержать ихъ въ трудные моменты ихъ жизни.

Проф. Н. И. Петровъ говоритъ, что «Жуковскій руководилъ Квитку своими совѣтами» [1]). Еще важнѣе, что Жуковскій ободрялъ скромнаго и робкаго провинціальнаго писателя, котораго съ одной стороны порицали за его русскія повѣсти, въ которыхъ усматривали только «дрянной губернскій ядъ», съ другой порицали за его малорусскія повѣсти, которыя высокомѣрно называли лакейскими.

Скромный Квитка, затронувъ въ своихъ русскихъ повѣстяхъ общественные недостатки, вызвалъ противъ себя неудовольствіе со стороны темныхъ силъ. «За повѣсть «Дворянскіе выборы», писалъ онъ Плетневу въ 1839 году, теперь каждый исправникъ съѣсть меня готовъ». Но тутъ подоспѣла поддержка Жуковскаго: «Въ ту пору проѣзжалъ Жуковскій, сообщалъ Квитка Плетневу. Наговорилъ много лестнаго... совѣтовалъ еще продолжать въ томъ же тонѣ... Василій Андреевичъ обнадежилъ меня», замѣчаетъ далѣе Квитка [2]). Результатомъ совѣтовъ Жуковскаго явились два правоописанныхъ романа Квитки — «Панъ Халявскій» и «Жизнь Столбикова (Пустолобова)».

Въ маѣ 1839 тода Квитка писалъ Плетневу «Въ Отечественныхъ Запискахъ явится скоро Панъ Халявскій... Онъ начатъ по препорученію Василія Андреевича, переданному мнѣ черезъ здѣшняго чиновника графа Паппна, чтобы описать старинный бытъ малороссіянъ, родъ ихъ жизни, воспитаніе, занятія и все, до послѣдняго»...

Въ іюнѣ того же 1839 г. Квитка спрашивалъ Плетнева, удобно ли будетъ посвятить Жуковскому «Жизнь Столбикова». «Не оскорблю ли его ничтожнымъ приношеніемъ? Узнавъ его, нѣтъ границъ моего къ нему почтенія, уваженія и утвердившагося удивленія. Онъ же и препоручилъ мнѣ написать подобное».

Квитка познакомился лично съ Жуковскимъ во время пребыванія въ Харьковѣ въ 1837 г. Жуковскій, проѣздомъ черезъ Харьковъ, разыскалъ украинскаго писателя, обласкалъ его, вошелъ въ его литературные интересы и вызвался быть его посредникомъ въ сношеніяхъ съ редакціей «Современника». Обласканный и ободренный Квитка тогда же передалъ ему переложенія на русскій языкъ «Маруси», «Мертвецького Вылыкодня» и «Добре роби». Жуковскій склонялъ его къ такимъ переводамъ, въ интересахъ болѣе широкаго распространенія его произведеній, хотя, какъ человѣкъ большого литературнаго образованія, онъ не могъ не видѣть, что украинская форма изложенія болѣе сродни Квиткѣ и лучше передавала его произведенія, чѣмъ переложеніе ихъ въ русскихъ литературныхъ формахъ.

---

[1]) *Петровъ*, Очерки исторіи укр. лит. 90.

[2]) *Данилевскій*, Украинская старина, 257.

Письменныя сношенія Квитки съ Жуковскимъ были довольно продолжительны и устойчивы. Незадолго до кончины († 1843 г.), въ декабрѣ 1841 г. Квитка писалъ Жуковскому: «Удостоенный лестнаго вниманія вашего превосходительства, въ проѣздъ вашъ черезъ Харьковъ, и принявъ совѣтъ вашъ писать сцены изъ губернскаго быта и дворянскихъ выборовъ, я свелъ все въ одной повѣсти»... Рѣчь идетъ о повѣсти «Жизнь Столбикова», которая, какъ видно изъ писемъ Квитки, написана была ранѣе «Халявскаго», а напечатана немного позднѣе, въ Современникѣ 1841 г. [1]).

---

[1]) *Данилевскій*, Укр. старина, 281.

8.

В. А. Жуковскій и Т. Г. Шевченко.

Т. Г. Шевченко нашелъ въ Жуковскомъ благодѣтеля и друга. Жуковскій совмѣстно съ Брюловымъ сыгралъ большую роль въ дѣлѣ освобожденія Шевченка изъ крѣпостной неволи. Въ 1838 г. Шевченко — тогда чернорабочій маляръ въ мастерской Шпряева—познакомился съ талантливымъ и добродушнымъ профессоромъ академіи художествъ Венеціановымъ, былъ представленъ послѣднимъ знаменитому Брюлову, также профессору академіи, а у Брюлова познакомился съ Жуковскимъ и графомъ Вьельгорскимъ. Эти люди вынесли на своихъ плечахъ его освобожденіе.

Желая ознакомиться съ уровнемъ образованія самоучки-маляра Шевченка, въ интересахъ его освобожденія, Жуковскій задалъ ему тему— описать жизнь художника. Насколько удачно выполнилъ Шевченко эту задачу неизвѣстно; но, повидимому, Жуковскій былъ доволенъ. Съ этого времени онъ началъ сильно хлопотать о выкупѣ крѣпостного художника и поэта. «Гуманистъ, говоритъ Чалый о Жуковскомъ, воспитатель Державнаго Освободителя крестьянъ въ этомъ случаѣ остался вѣренъ своему высокому призванію» [1]).

Первая попытка склонить владѣльца Энгельгардта къ освобожденію Шевченка во имя гуманности оказалась совершенно неудачной. Брюловъ отправился для переговоровъ къ Энгельгардту, но—увы!—вынесъ отъ него лишь то убѣжденіе, «что это самая крупная свинья въ торжковскихъ туфляхъ» и просилъ пріятеля Шевченка, художника Сошенка побывать у этой «амфибіи» и сговориться о цѣнѣ выкупа [2]). Сошенко поручилъ это щекотливое дѣло профессору Венеціанову, какъ человѣку болѣе авторитетному. Шевченка радовала и утѣшала забота о немъ высокопросвѣщенныхъ и гуманныхъ представителей русскаго искусства и литературы; но по временамъ на него находило уныніе, опасенія, минуты отчаянія. Узнавъ о томъ, что дѣло его освобожденія наткнулось на упорство помѣщика, Шевченко пришелъ однажды къ Сошенку въ страш-

---

[1]) *Чалый*, Жизнь и произ. Т. Шевченко, 25.

[2]) *Кониській*, Жизнь Т. Г. Шевченко, 105.

номъ волненіи. Проклиная свою горькую долю, онъ грозилъ отплатить Энгельгардту и въ такомъ настроеніи ушелъ домой на свой грязный чердакъ. Сошенко сильно перетревожился за своего земляка и ждалъ большой бѣды. По свидѣтельству княжны Репниной, Жуковскій, узнавъ объ ужасномъ состояніи духа молодого человѣка, близкомъ къ самоубійству, написалъ къ нему на лоскуткѣ бумажки успокоительную записку. Эту записку Шевченко хранилъ у себя въ карманѣ, какъ святыню, и показывалъ ее княжнѣ въ 1843 г. До полученія этой записки Шевченко, по его словамъ, не читалъ стихотвореній Жуковскаго; онъ узналъ его прежде, какъ человѣка, а потомъ уже познакомился съ его произведеніями [1]).

«Сторговавшись предварительно съ моимъ помѣщикомъ, говоритъ Шевченко въ своей автобіографіи, Жуковскій просилъ Брюлова написать съ него портретъ, съ цѣлью разыграть его въ частной лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился, и портретъ былъ готовъ. Жуковскій, съ помощью гр. Вьельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2500 руб., и этой цѣною была куплена моя свобода, 22 апрѣля 1838 г.». Въ знакъ особаго уваженія и глубокой признательности къ Жуковскому, Шевченко посвятилъ ему одно изъ наиболѣе крупныхъ своихъ произведеній «Катерину». О томъ, какъ прошла лотерея, кто въ ней участвовалъ, нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Мартосъ говоритъ, что портретъ Жуковскаго былъ разыгранъ между высокими лицами Императорской фамиліи. Но Шевченко въ своихъ запискахъ отрицалъ это участіе. Проф. Н. И. Петровъ и Чалый склонялися въ пользу показанія Мартоса, Конискій склонялся въ сторону отрицательнаго рѣшенія, изъ предполагаемой искренности Шевченка, но все таки считаетъ этотъ вопросъ открытымъ [2]). Въ пользу показанія Мартоса говорили другія аналогичныя явленія, когда Жуковскій привлекалъ къ участію лицъ Императорской фамиліи. Полное разрѣшеніе этого вопроса дала апрѣльск. кн. Русск. Стар. 1902 г., заключающая въ себѣ много новыхъ, весьма важныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ для біографіи В. А. Жуковскаго. Между прочимъ, здѣсь напечатано 12 писемъ и записокъ Жуковскаго къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой. Письма эти интересны во многихъ отношеніяхъ. Матеріалъ совсѣмъ новый. Изъ писемъ Жуковскаго къ Барановой ранѣе было извѣстно лишь одно, 1827 г., изданное въ Русскомъ Архивѣ 1885 II 322. Письма снабжены рисунками каррикатурами Жуковскаго очень добродушнаго свойства. Въ этихъ письмахъ разсыпано нѣсколько новыхъ и весьма важныхъ извѣстій о выкупѣ Шевченка, извѣстій вполнѣ рѣшающихъ въ положительномъ

[1]) *Чалый*, 28.
[2]) *Конискій*, 115.

смыслѣ вопросъ объ участіи Двора въ благотворительной лотореѣ въ пользу Шевченка.

Юлія Өедоровна Баранова, воспитательница дочери императора Николая I, статсъ-дама, съ 1846 г. графиня, принимала дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ благотворительныхъ хлопотахъ Жуковскаго въ концѣ 30 и въ 40-хъ годахъ.

Для исторіи освобожденія Шевченка имѣетъ значеніе юмористическое письмо Жуковскаго къ Барановой, написанное въ апрѣлѣ 1838 г., снабженное среди текста пятью юмористическими рисунками. Изъ этого и другихъ писемъ Жуковскаго видно, что Баранова называла его почему то Матвѣемъ, и Жуковскій иногда подписывался въ письмахъ къ ней просто Матвѣемъ. Письмо начинается съ такого заголовка: «Историческое обозрѣніе благодѣтельныхъ поступковъ Юліи Өедоровны и разныхъ другихъ обстоятельствъ, курьезныхъ происшествій и особенныхъ всякихъ шуточекъ. Сочиненіе Матвѣя».

Это г. Шевченко. Онъ говоритъ про себя: хотѣлось бы мнѣ написать картину, а хозяинъ велитъ мести горницу. У него въ одной рукѣ кисть, а въ другой помело, и онъ въ большомъ затрудненіи. Надъ нимъ въ облакахъ Юлія Өедоровна.

(Далѣе слѣдуетъ рисунокъ на этотъ сюжетъ, маленькій, въ вершокъ).

Это Брюловъ пишетъ портретъ съ Жуковскаго. На обоихъ лавровые вѣнки. Вдали Шевченко мететъ горницу. Въ облакахъ Юлія Өедоровна. Она думаетъ про себя, какой этотъ Матвѣй красавецъ. А Василій Андреевичъ, слыша это, благодаритъ внутренно Юлію Өедоровну и говоритъ про себя: я, пожалуй, готовъ быть и Максимомъ, и Демьяномъ, и Трофимомъ, только бы намъ выкупить Шевченка. Не безпокойся, Матюша, говоритъ изъ облаковъ Юлія Өедоровна—выкупишь Шевченка. А Шевченко знай себѣ мететъ горницу. Но это въ послѣдній разъ.

(Далѣе слѣдуетъ другой рисунокъ съ такимъ коментаріемъ).

Жуковскій въ видѣ Судьбы провозглашаетъ выигрышный билетъ. Въ одной рукѣ его карта, а въ другой отпускная Шевченка. Вдали портретъ Жуковскаго. Онъ пляшетъ отъ радости, потому что выигрышъ достался Государынѣ Императрицѣ. Шевченко выросъ отъ радости и играетъ на скрипкѣ качучу. А Юлія Өедоровна изъ облаковъ ихъ благославляетъ.

(Далѣе снова рисунокъ и подъ нимъ текстъ):

Юлія Өедоровна сошла съ облаковъ, въ которыхъ осталось одно только сіяніе. Въ ея рукѣ мѣшокъ съ деньгами (2,500 р.)... Примѣчаніе. Юлія Өедоровна отъ того такъ спѣшитъ собрать деньги, что Матвѣй скоро поѣдетъ заграницу и долженъ прежде отъѣзда своего кончить это дѣло. Удивительная женщина эта Юлія Өедоровна! Кто ее не любитъ?

Дай ей Господь всякаго благополучія, ей самой, ея дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ. Матвѣй обѣщалъ съ одною изъ ея правнучекъ проплясать за здоровье ея качучу.

(Наконецъ, слѣдуетъ послѣдній, пятый рисунокъ—двѣ фигурки ногами вверхъ и третья наверху въ облакахъ, съ такимъ краткимъ поясненіемъ):

Это Шевченко и Жуковскій, оба кувыркаются отъ радости. А Юлія Ѳедоровна благословляетъ ихъ изъ облаковъ [1]).

Въ письмѣ этомъ Жуковскій вылился, какъ филантропъ, писатель и художникъ; выше всего стоитъ онъ здѣсь, какъ филантропъ, и прочія достоинства представляются лишь отраженіемъ его кроткой, любящей натуры. Письмо цѣнно, такъ какъ оно окончательно выясняетъ дѣятельное участіе Двора, при розыгрышѣ портрета Жуковскаго, и прямо указываетъ, что портретъ былъ выигранъ императрицей, которая, по всей вѣроятности, и была крупной участницей въ этой благотворительной и освободительной лотереѣ. Шевченко умалчивалъ, болѣе того онъ прямо отрицалъ участіе Двора; онъ могъ не знать объ этомъ участіи, или, что вѣроятнѣе, онъ сознавалъ за своей музой нѣкоторыя прегрѣшенія, въ особенности одно непозволительное прегрѣшеніе относительно доброй императрицы Александры Ѳеодоровны. Наконецъ, письмо Жуковскаго еще тѣмъ важно, что къ именамъ извѣстныхъ благодѣтелей Шевченка въ дѣлѣ его выкупа, Жуковскаго, Брюллова, Венеціанова, гр. Вьельгорскаго, добавляетъ еще одно—имя Ю. Ѳ. Барановой, которая, очевидно, сыграла въ этомъ дѣлѣ очень большую и благотворную роль.

По освобожденіи, Шевченко, по его собственнымъ словамъ, «сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ-товарищей Брюлова. Онъ вскорѣ близко сошелся съ художникомъ Штернбергомъ—любимымъ ученикомъ Брюлова. Въ 1839 году Жуковскій привезъ изъ за границы полный портфель произведеній Корнеліуса, Гессе и др. свѣтилъ мюнхенской школы и пригласилъ Шевченка и Штернберга осмотрѣть эту коллекцію. Шевченку картины не понравились. Увидѣли мы, говоритъ Шевченко, Гольбейна, Дюрера, но никакъ не представителей XIX в. Когда художники высказали свое мнѣніе, «кроткій и деликатный Василій Андреевичъ назвалъ ихъ испорченными учениками» Брюлова, произведенія котораго Жуковскій находилъ «слишкомъ матеріальными, придавливающими къ землѣ божественное искусство» [2]).

Въ 1847 г. надъ Шевченкомъ стряслась бѣда. За нѣкоторыя стихотворенія рѣзкаго политическаго содержанія Шевченко былъ сосланъ

---

[1]) Руск. Стар. 1902. IV, 124—126.

[2]) *Конискій*, 131.

рядовымъ въ глухой Оренбургскій край, съ лишеніемъ права писать и рисовать. Это лишеніе для поэта и художника было тяжкой карой, и, понятно, что Шевченко страшно былъ удрученъ. Онъ искалъ выхода въ добротѣ Жуковскаго. Поздравляя кн. Репнину 1 января 1850 г. съ новымъ годомъ, Шевченко писалъ: «Я сегодня же пишу Василію Андреевичу Жуковскому и прошу его объ исходатайствованіи позволенія мнѣ только рисовать. Или напишите Гоголю, чтобы онъ ему написалъ обо мнѣ; онъ съ нимъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ. О большемъ не смѣю васъ безпокоить». Не зная лично Гоголя, Шевченко рѣшился написать ему «по праву малороссійскаго виршеплета» въ надеждѣ на украинскія симпатіи Гоголя. «Я теперь, какъ падающій въ бездну, готовъ за все ухватиться — ужасна безнадежность! такъ ужасна, что одна только христіанская философія можетъ бороться съ ней» [1]). Шевченко послалъ Жуковскому трогательное письмо съ просьбой объ исходатайствованіи только одной милости—права рисовать [2]).

Нужно думать, не безъ участія Жуковскаго [3]), въ пользу кисти Шевченка хлопотали графъ Гудовичъ и А. Толстой; но помочь Шевченку въ этомъ маленькомъ, но для него чрезвычайно важномъ дѣлѣ, оказалось невозможнымъ. Обращался Шевченко съ просьбой и къ начальнику III отдѣленія генералу Дуббельту, писалъ, что кисть его никогда не грѣшила и не будетъ грѣшить въ смыслѣ политическомъ, но ничего не помогало; и запрещеніе рисовать не было снято до самаго освобожденія Шевченка.

Какъ бы то ни было, Шевченко въ теченіе всей своей жизни хранилъ чувство глубокой признательности къ Жуковскому, какъ своему благодѣтелю, и въ письмахъ къ другимъ лицамъ, онъ, упоминая о Жуковскомъ, почтительно прописывалъ полностью его имя и отчество.

---

[1]) *Кіевск. Стар.* 1883, II, 268.

[2]) Оно издано Гернομъ въ *Русск. Арх.* III, 553.

[3]) *Конискій*, Т. Шевченко-Грушевскій, въ Сборникѣ филол. сек. Наук. Товар. им. Шевченка 1901 по IV, 46.

9.

В. А. Жуковскій и М. А. Максимовичъ.

«Щирый» малороссъ, большой почитатель и знатокъ малорусской народной словесности и исторіи Максимовичъ былъ сначала профессоромъ ботаники въ московскомъ университетѣ, но его тянуло въ родную Украину. Тоска по родинѣ, болѣзнь, упадокъ силъ побуждали его хлопотать о переводѣ въ Кіевъ. Изъ письма Гоголя къ Максимовичу отъ 7 апр. 1834 г. видно, что Жуковскій и кн. Вяземскій приняли въ немъ самое близкое участіе и настойчиво ходатайствовали о переводѣ его въ Кіевскій университетъ съ каѳедры ботаники на каѳедру исторіи русской словесности, по разстроенному здоровью [1]). Министръ неохотно далъ согласіе. Максимовичъ блестяще оправдалъ хлопоты Жуковскаго и Вяземскаго. Изъ него вышелъ весьма полезный изслѣдователь малорусской старины и народности. Профессоръ Н. И. Петровъ говоритъ о Максимовичѣ: «Это мѣстный ученый въ лучшемъ смыслѣ слова, притомъ дѣйствовавшій въ такое время, когда, при всей спеціальности его работъ, онѣ далеко не имѣли благопріятныхъ условій. Одинъ изъ біографовъ его нашелъ возможнымъ сказать, что какъ Ломоносовъ, по выраженію Пушкина, былъ первымъ русскимъ университетомъ, такъ Максимовичъ былъ для Кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ народнымъ человѣкомъ [2])».

Въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ главнымъ представителемъ и лучшимъ дѣятелемъ въ области изученія малорусской исторіи и этнографіи былъ Максимовичъ, лучшимъ малорусскимъ беллетристомъ и описателемъ мѣстнаго быта былъ Квитка и лучшимъ малорусскимъ поэтомъ несомнѣнно Шевченко. Они съ разныхъ сторонъ подходили къ изученію южнорусской старины и народности, и каждый въ своей области, въ исторіи, въ этнографіи, въ поэзіи, сдѣлалъ большой вкладъ и принесъ большую пользу, и каждому изъ этихъ дѣятелей помогалъ В. А. Жуковскій, который въ этомъ отношеніи сыгралъ роль высшаго общерусскаго нравственнаго объединителя, въ идеально чистомъ и благородномъ значеніи объединенія на почвѣ сердечныхъ и гуманныхъ отношеній и въ возвышенной сферѣ просвѣщенія, науки и искусства.

---

1) *Гоголь*, Письма, изд. Маркса 1902, I, 289,

2) *Петровъ*, Очерки ист. укр. литер. 180.

10.

В. А. Жуковскій и проф. Г. Парротъ.

Если отношеніе Жуковскаго къ проф. Максимовичу характерно для его отношеній къ людямъ науки, то еще болѣе характерно въ этомъ смыслѣ его отношеніе къ дерптскому профессору Парроту. На этихъ двухъ профессорахъ, съ прибавкой Я. К. Грота, можно выяснить и опредѣлить общее отношеніе Жуковскаго къ людямъ науки его времени, тѣмъ болѣе, что профессура Н. В. Гоголя, которую поддерживалъ Жуковскій, такое эфемерное явленіе, что и упоминать о ней не стоитъ, да и другой профессоръ и другъ Жуковскаго Плетневъ къ наукѣ имѣетъ отдаленное отношеніе и гораздо болѣе принадлежитъ исторіи русской литературы, какъ словесникъ и другъ словесниковъ.

Въ 1816 г. Жуковскій проживалъ въ Дерптѣ. Онъ близко сошелся со многими нѣмецкими профессорами и проникся мѣстными литературными интересами. Литературныя и общественныя симпатіи Жуковскаго въ то время близко сходились съ симпатіями дерптскаго студенчества. Русскій поэтъ принималъ участіе въ фуксъ-комершахъ и написалъ панегирикъ 80 лѣтнему профессору Эверсу.

Къ этому времени, т. е. къ 1816 г. относится характерное письмо Жуковскаго къ Тургеневу о Парротѣ.

Во время Жуковскаго въ Дерптѣ выдѣлялся ректоръ университета Георгъ Парротъ, профессоръ физики, и немного позднѣе сынъ его, профессоръ физіологіи, Іоганнъ Парротъ. Георгъ Парротъ (1767 — 1852) игралъ важную роль въ жизни дерптскаго университета въ первыя 25 лѣтъ его существованія, въ положеніи талантливаго профессора, ректора (съ 1802 г.), личнаго друга императоровъ Александра I и Николая I. Въ 1802 г., при посѣщеніи дерптскаго университета Александромъ I, Парротъ сказалъ рѣчь, которая такъ понравилась императору, что онъ вошелъ съ скромнымъ ученымъ въ постоянныя дружескія сношенія. Парротъ получилъ открытый доступъ въ дворецъ. Между Императоромъ Александромъ и Парротомъ возникла дружеская переписка о предметахъ правительственныхъ, домашнихъ, сердечныхъ. Цѣлые часы Парротъ проводилъ въ личной бесѣдѣ съ государемъ. Александръ довѣрялъ

---

[1]) *Загаринъ*, Жуковскій, 176.

ему тайны государственныя и частныя. Письма Паррота касались вопросовъ самодержавія, внутренняго строя государства, освобожденія крестьянъ, борьбы противъ лихоимства. Императоръ Николай продолжалъ переписку съ Парротомъ, и съ 1827 по 1849 г. явилось до 200 писемъ и записокъ, поданныхъ Парротомъ Императору Николаю. Баронъ Корфъ въ соч. «Жизнь Сперанскаго» говоритъ, что Парротъ былъ «ученый честный, умный, добросовѣстный, съ безкорыстіемъ и смѣлостью человѣка, ничего не искавшаго и даже отклонявшаго всякое внѣшнее изъявленіе милости...» [1]).

Въ 1816 г. Жуковскій писалъ А. Тургеневу изъ Дерпта: «Здѣсь есть прекрасные люди. И изъ первыхъ для меня, даже по убѣжденіямъ сердца, Парротъ, съ твердымъ умомъ, съ благороднымъ чувствомъ» [2]).

Человѣкъ этотъ, повидимому, производилъ очаровательное впечатлѣніе на всѣхъ русскихъ людей, попадавшихъ въ Дерптъ. Нѣсколько лѣтъ позднѣе Языковъ, при перечисленіи дерптскихъ профессоровъ, отмѣтилъ: «академикъ Парротъ, французъ, другъ Императора Александра I, человѣкъ славный своимъ умомъ, честностью и прямотой своего характера» [3]).

Въ сношеніяхъ Паррота съ Императоромъ Александромъ произошелъ временный перерывъ послѣ письма Паррота, гдѣ онъ сочувственно высказался объ опальномъ Сперанскомъ. Вѣроятно, въ связи съ этимъ обстоятельствомъ стоитъ одно мѣсто въ письмѣ Жуковскаго къ А. Тургеневу 1817 г. [4]).

«Парротъ, лучшій изъ профессоровъ дерптскаго университета, долженъ будетъ, чтобы избѣжать долговъ, продать свои домишки и искать учительскаго мѣста, т. е. послѣ ревностныхъ трудовъ и въ такую эпоху жизни, въ которою надобно было бы спокойно наслаждаться плодомъ этихъ трудовъ, онъ принужденъ будетъ начать съ начала; для куска хлѣба подчинить себя частному человѣку и за все, что имъ сдѣлано для университета, остаться съ бѣдностью, съ разрушенными надеждами. Это сжимаетъ мнѣ сердце и признаюсь заставляетъ коситься на мой пенсіонъ; я обезпеченъ на всю жизнь, въ молодости, безъ семьи! И что же я сдѣлалъ? Наслаждался, писалъ стихи! Вотъ отецъ семейства, котораго жизнь была обременена нуждами, котораго дѣятельность никакъ нельзя сравнить съ моею, что жъ ему наградою? та же бѣдность, съ какою онъ началъ! И бѣдность при старости, слѣдовательно безнадежная! Однимъ словомъ, заканчиваетъ Жуковскій свое письмо, какъ вы хотите, а профессорамъ суммы не давайте».

---

1) См. Энцикл. Словарь *Брокгауза, Ефрона* и *Корфа* «Жизнь Сперанскаго» II.
2) *Русск. Арх.* 1867, 810.
3) *Русск. Арх.* 1867, 726.
4) *Русск. Арх.* 1867, 814.

Заключительныя строки письма Жуковскаго прямо указываютъ на практическую цѣль вызвать къ Парроту сочувствіе и поддержку. И Жуковскій не напрасно хлопоталъ. Письмо его не осталось безъ пользы для Паррота. Въ какой формѣ была оказана Парроту поддержка, изъ писемъ Жуковскаго невидно, но что такая поддержка пришла при участіи Тургенева, видно изъ одной случайно оброненной фразы въ письмѣ Жуковскаго къ Тургеневу отъ 24 февр. 1817 года: «какъ бы хотѣлось обнять за Паррота, за Воейкова» [1]).

---

[1]) *Русск. Арх.* 1867, 814.

11.

В. А. Жуковскій и Я. К. Гротъ.

Жуковскій помогъ Я. К. Гроту сдѣлаться ученымъ и оказалъ такимъ образомъ услугу русской наукѣ. «Вскорѣ послѣ появленія въ «Современникѣ» 1838 г. моего перевода «Мазепы» Байрона, говоритъ Гротъ, В. А. черезъ Плетнева попросилъ меня къ себѣ. Онъ жилъ тогда въ такъ наз. Шепелевскомъ домѣ (часть Зимняго дворца, гдѣ нынѣ музей)... Я засталъ его работающимъ въ халатѣ передъ конторкой. Онъ принялъ меня очень привѣтливо, похвалилъ мой переводъ, расспрашивалъ о моихъ занятіяхъ и между прочимъ совѣтывалъ изучать исторію Карамзина, какъ лучшій источникъ истинной поэзіи. Потомъ онъ водилъ меня по своимъ комнатамъ и показывалъ на подоконникахъ множество картонокъ съ автографами его сочиненій. Собираясь ѣхать за границу въ свитѣ Наслѣдника, онъ намѣренъ былъ въ Швеціи познакомиться съ Тегнеромъ и взялъ у меня рукопись почти оконченнаго мной перевода «Фритіофъ—сага». Въ слѣдующемъ (т. е. 1839 г.) Жуковскій оказалъ мнѣ важную услугу. Въ то время я еще служилъ въ Государственной Канцеляріи, но страстно желалъ перейти на ученое поприще, именно въ Финляндію, гдѣ открывались виды на университетскую каѳедру по русской литературѣ. Узнавъ о томъ, Жуковскій вытребовалъ у меня записку о планѣ будущихъ моихъ занятій и самъ отвезъ ее къ тогдашнему министру статсъ-секретарю княжества Финляндскаго, барону Ребиндеру. Такимъ образомъ, Жуковскій помогъ мнѣ сдѣлаться изъ чиновника ученымъ» [1]).

Благодарный Гротъ собиралъ матеріалы для изученія поэзіи Жуковскаго, склонялъ Плетнева къ составленію его жизнеописанія и въ 1883 г. напечаталъ дѣльную о немъ статью.

Въ 1838 г. Я. К. Гротъ написалъ сонетъ Жуковскому, который опубликовалъ лишь въ 1883 г.

Благодарю тебя, возвышенный поэтъ!
Едва ступилъ я шагъ на поприщѣ мнѣ новомъ,
И вотъ ужъ слышу я твой ласковый привѣтъ
И силъ мнѣ придалъ ты своимъ волшебнымъ словомъ.

---

1) *Гротъ* въ 32 т. Сборн. Акад. Н. 1883, стр. 30.

Благодарю! священъ мнѣ будетъ твой совѣтъ.
Я душу закалить хочу въ трудѣ суровомъ;
Награды только въ немъ искать даю обѣтъ;
Отъ тщетности онъ пусть будетъ мнѣ покровомъ.
Хвала судьбѣ! сбылись давнишнія мечты;
Того, чье имя мнѣ такъ драгоцѣнно было,
Кто пѣлъ такъ сладостно, такъ нѣжно, такъ уныло,
Того узналъ и я: сей гласъ, сіи черты
Не въ силахъ я забыть, а съ памятью ихъ милой
Мнѣ будетъ спутникомъ и геній красоты [1]).

---

1) *Сборн.* Ак. Н. 1883, т. 32. Жуковскій не зналъ объ этомъ сонетѣ.

12.

В. А. Жуковскій и А. Мещевскій.

Мещевскій, питомецъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, стоялъ близко къ литературному кружку Александра Тургенева и Жуковскаго. Онъ помѣщалъ стихотворенія въ тогдашнихъ журналахъ. Историкъ Московскаго Благороднаго Пансіона Н. В. Сушковъ, перечисляя тѣхъ его питомцевъ, которые были рано забыты или не вполнѣ оцѣнены, упоминаетъ Мещевскаго. Другой современникъ Мещевскаго, Головинъ, называетъ его поэтомъ, «завиднымъ по таланту, несчастнымъ по судьбѣ». По его словамъ, «въ Мещевскомъ ума, силы, таланта много, вкусу меньше, разсудка также; чувство глубокое, то не изящное: онъ не умѣетъ растворяться душою»... Вслѣдствіе какой-то «исторіи», сущность которой остается неизвѣстной, Мещевскій въ 1816 г. попалъ въ солдаты и сосланъ былъ въ Оренбургъ, входившій тогда въ составъ Сибири. Съ этого времени начинаются горячія о немъ хлопоты его друзей, Жуковскаго, кн. Вяземскаго и А. Тургенева. Первымъ и сильнымъ горячимъ и настойчивымъ ходатаемъ за него является Жуковскій. «Любезный Александръ Ивановичъ, писалъ Жуковскій Тургеневу въ концѣ 1816 г.; вы хвастаете Арзамасомъ! Хвастайте, хвастайте, голубчики!... Но, милые друзья, надо помнить и о томъ, что ближе къ Арзамасу. Мещевскій въ Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете въ Петербургѣ. Если вы не собрались вспомнить о немъ по разсѣянности, то это срамъ и ребячество. Если жъ отъ холодности къ его судьбѣ, то это... что это? Я не знаю, какъ назвать это! На что же намъ толковать о добрѣ, объ общей пользѣ, о хорошихъ, возвышающихъ душу стихахъ... Ни на то, ни на другое мы не имѣемъ права, если способны быть столь безпечными, когда дѣло идетъ о судьбѣ, можетъ быть о жизни, а, можетъ быть, что еще важнѣе, о нравственномъ спасеніи человѣка, который себя намъ ввѣряетъ» [1]....

Г. Витбергъ предполагаетъ, что это письмо Жуковскаго вызвано тѣмъ, что «Мещевскій, вѣроятно, самъ обратился къ бывшимъ своимъ

[1] *Русск. Арх.* 1867 г.

товарищамъ по Благородному Пансіону съ просьбой о помощи [1]). На это указываетъ замѣчаніе Жуковскаго, что Мещевскій себя «ввѣряетъ». Сердобольный и отзывчивый Жуковскій ближе всѣхъ принялъ къ сердцу положеніе Мещевскаго. Одновременно съ письмомъ къ Тургеневу, онъ писалъ и К. Н. Батюшкову, и князю Вяземскому. Изъ одного письма кн. Вяземскаго 1816 г. видно, что Жуковскій собиралъ деньги въ пользу Мещевскаго. Любопытно, что вскорѣ Жуковскій дѣлаетъ своимъ арзамаскимъ друзьямъ укоръ за то, что принужденъ писать къ нимъ десять писемъ объ одномъ и томъ же дѣлѣ. «Въ началѣ 1817 г. Жуковскій снова пишетъ Тургеневу: «Смотрите, хлопотать о Мещевскомъ».

Побуждая друзей къ помощи несчастному товарищу, Жуковскій поддерживалъ съ нимъ сношенія, не давалъ ему падать духомъ и поддерживалъ его поэтическую дѣятельность. Благодаря этой сердечной дружеской поддержкѣ, Мещевскій въ ссылкѣ переложилъ въ стихи повѣсть Карамзина «Наталья, боярская дочь». Жуковскій по этому поводу написалъ цѣлый рядъ писемъ впользу Мещевскаго Кавелину, Блудову, Карамзину и др. А. И. Тургеневу онъ писалъ: «Придумай, что можешь придумать. Я наложилъ на тебя и на Николая (брата) подать, нужную для напечатанія Натальи; ты сдери ее и съ Уварова. Будь дѣятеленъ: дѣло идетъ о сотвореніи поэта и спасеніи человѣка» [2]).

Хлопоты Жуковскаго и другихъ арзамасцевъ о стихотворной повѣсти Мещевскаго привели къ тому, что въ 1817 г. она была издана въ Петербургѣ.

Въ дѣлѣ Мещевскаго ярко выступаетъ филантропическая дѣятельность Арзамаса подъ воздѣйствіемъ на него Жуковскаго. Изъ троихъ арзамасцевъ, переписывавшихся по дѣлу Мещевскаго, Жуковскій проявилъ наибольшее усердіе. Онъ лучше всѣхъ понималъ, что ограничиться одной денежной помощью невозможно. Его заботой было «нравственное спасеніе человѣка». И вотъ онъ расширяетъ кругъ своихъ заботъ о Мещевскомъ. Когда Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ назначенъ графъ Эссенъ, Жуковскій поспѣшилъ склонить арзамасцевъ къ просьбѣ объ облегченіи участи Мещевскаго. Хлопоты въ пользу Мещевскаго не остались безъ успѣха. Въ 1819 г. Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому изъ Петербурга: «О Мещевскимъ я хлопочу здѣсь, но не знаю, будетъ ли успѣхъ. Теперь онъ тамъ не безъ покровителей. Въ одномъ письмѣ Вяземскаго къ Тургеневу 1819 г. есть намекъ на попытку доставить Мещевскому свободу при посредствѣ Жуковскаго; имѣлось въ виду, повидимому, просить императрицу Марію Ѳеодоровну; но о даль-

[1]) *Литерат. Вѣст.* 1901, V, 8.
[2]) *Русскій Архивъ*, 1867 г.

нѣйшей судьбѣ Мещевскаго ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что опальный поэтъ и въ ссылкѣ могъ заниматься литературными работами. Въ 1818 г. онъ передѣлалъ въ стихи «Марьину Рощу» Жуковскаго и хотѣлъ посвятить эту передѣлку Жуковскому, Вяземскому и Тургеневу, въ знакъ признательности за ихъ доброжелательство и поддержку. Въ 1819 г. Мещевскій выслалъ Каченовскому переводъ 1 явленія трагедіи Вольтера «Смерть Цезаря». Годъ смерти Мещевскаго относится предположительно къ началу 20-хъ годовъ [1]); такое предположеніе достаточно оправдываетъ прекращеніе всѣхъ слѣдовъ его дальнѣйшаго существованія.

---

[1]) О Мещевскомъ у Витберга въ *Литерат. Вѣстн.* 1901 V, 5—12, у Саитова, въ примѣч. къ соч. Батюшкова 1887 г. и къ I т. *Остафьевскаго Архива*, 430; въ *Русск. Арх.* 1867, 811, 815, 816, 818, въ *Энцикл. Слов.* Брокгауза и Ефрана (Мещовскій); Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жук. 106.

13.

В. А. Жуковскій и Е. А. Баратынскій.

Баратынскій въ юности, во время обученія въ кадетскомъ корпусѣ, вошелъ въ дурную товарищескую компанію и, когда одинъ изъ его товарищей сильно провинился, то и Баратынскій былъ исключенъ изъ корпуса, съ запрещеніемъ поступленія на службу. Послѣ многихъ хлопотъ онъ получилъ разрѣшеніе поступить въ гвардію рядовымъ. Солдатскую службу Баратынскій несъ съ терпѣніемъ, дослужился до унтеръ-офицера, но никакъ не могъ получить офицерскаго чина, который давалъ бы ему выходъ въ люди. Съ просьбой о содѣйствіи Баратынскій обратился къ Жуковскому. Жуковскій, при содѣйствіи великой княгини Елены Павловны, выхлопаталъ производство. «Вы одни мнѣ благодѣтельствуете, писалъ ему по этому поводу Баратынскій 5 марта 1824 г., помня только, что я несчастливъ и имѣлъ нужду въ утѣшеніи. Я любилъ васъ, плакалъ надъ вашими стихами, прежде нежели узналъ васъ лично, прежде нежели могъ предвидѣть, что мнѣ могутъ быть полезны прекрасныя качества вашего сердца. До меня дошли такія хорошія вѣсти о моемъ дѣлѣ, что, право, я боюсь имъ вѣрить. Препоручаю судьбу мою вамъ, моему генію—покровителю. Вы начали, вы и довершите. Вы возвратите мнѣ общее человѣческое существованіе, котораго я лишенъ такъ давно, что даже отвыкъ считать себя такимъ же человѣкомъ, какъ и другіе, и тогда я скажу вмѣстѣ съ вами, что поэзія есть добродѣтель, поэзія есть сила; но въ одномъ только поэтѣ, въ васъ соединены всѣ ея великія свойства».

Въ Баратынскомъ приняли участіе также А. И. Тургеневъ, имѣвшій доступъ во дворецъ, и финляндскій генералъ-губернаторъ Закревскій. По производствѣ въ офицеры въ 1825 г., Баратынскій оставилъ военную службу [1]).

---

[1]) *Русск. Арх.* 1867.

14.

В. А. Жуковскій и А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггенъ.

Въ 1825 г. въ Измайловскомъ полку служилъ молодой, образованный офицеръ фонъ-деръ-Бриггенъ. За прикосновенность къ событію 14 декабря онъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Многіе годы онъ провелъ въ Курганѣ Тобольской губ. Здѣсь онъ выбился на службу (служилъ засѣдателемъ суда) и занимался литературой (переводилъ Юлія Цезаря). Въ 1845 г. Жуковскій съ береговъ Майна вошелъ съ Б. въ сношенія, при неизбѣжномъ посредствѣ III отдѣленія. Жуковскій любезно принялъ на себя хлопоты по изданію перевода Цезаря и въ письмахъ побуждалъ Бриггена къ дальнѣйшей переводческой дѣятельности, совѣтовалъ ему перевести Салюстія, составить христоматію изъ древнихъ историковъ, обѣщалъ ему выслать нужныя ему книги изъ за границы, пересылалъ ему свои сочиненія. «Трудъ—великій волшебникъ, пишетъ Ж. Бриггену; онъ всемогущій властитель настоящаго. Какими бы глазами ни смотрѣло на насъ это настоящее, дружелюбными или суровыми, трудъ заговариваетъ его печали, даетъ значительность и прочность его летучимъ радостямъ. И въ Курганѣ это волшебство равно дѣйствительно, какъ и на берегу Майна. А если при этомъ тайномъ дѣйствіи труда, ограниченнаго предѣлами житейскаго настоящаго, слышится голосъ, нѣкогда произнесшій: «Прійдите ко мнѣ всѣ труждающіеся, и Азъ успокою вы», и если сердце этому голосу вѣритъ и ему ввѣряется, то и будущее становится свѣтлымъ, не здѣшнее ненадежное будущее, а то вѣрное будущее, къ которому всѣмъ намъ со всѣхъ точекъ земли проложена прямая дорога».—«Трудъ, говоритъ Ж. въ другомъ письмѣ къ Бриггену отъ 1 іюня 1846 г.,—благотворитель души человѣческой, очарователь и животворитель настоящаго; не знаю, были ли ему воздвигнуты алтари у древнихъ, но онъ достоинъ алтарей во всякое время». Хорошо зная, какія непредвидѣнныя затрудненія могутъ встрѣтиться при изданіи сочиненій ссыльнаго писателя, Ж. дѣлаетъ въ одномъ письмѣ замѣчанія, которыя, повидимому, адресованы не Бриггену, а лицамъ, управлявшимъ III отдѣленіемъ, черезъ которое проходили письма и гдѣ они прочитывались. «Сердечно благодарю васъ, пишетъ Ж. въ письмѣ отъ

30 іюня 1845 г., за желаніе ваше посвятить мнѣ вашъ переводъ Цезаря, на что съ благодарностью соглашаюсь. Не предполагаю нимало, чтобы исполненію этого желанія и напечатанію вашего перевода было положено какое-нибудь препятствіе. Книга ваша доставитъ полезное чтеніе для людей военныхъ, и въ то же время будетъ замѣчательнымъ явленіемъ литературнымъ...» Въ одномъ письмѣ Ж. къ Бриггену отъ 15 іюня 1847 г. на адресѣ приписана другою рукою: «При семъ 141 р. 58 к. серебромъ». Эта приписка даетъ поводъ думать, что Ж., по своему обыкновенію, помогалъ Бриггену не только совѣтомъ и книгами, но и деньгами [1].

Одновременно въ письмахъ къ генералу Дуббельту Жуковскій просилъ его о милостивомъ и покровительственномъ отношеніи къ Бриггену. «Двадцать лѣтъ изгнанничества и смиренной покорности своему бѣдствію, писалъ Жуковскій, даютъ, кажется, право на облегченіе участи. Видите сами, какъ Бриггенъ сноситъ свой жребій и какой образъ мыслей выражается въ его письмахъ. Вашему сердцу будетъ усладительно дать этой бѣдной, одиноко страждущей душѣ столько простора, чтобы она могла освѣжиться еще и на здѣшнемъ свѣтѣ: благотворенія, оказываемыя нами, едва ли не полезнѣе намъ самимъ, нежели тѣмъ, на кого они проливаются, если только будемъ смотрѣть на нихъ тѣми глазами, какими смотрятъ на нихъ съ неба... Вы, можетъ быть, спросите, давно ли я знаю фонъ-деръ-Бриггена? Я его всего на все видѣлъ одинъ разъ въ Курганѣ, при моемъ проѣздѣ черезъ этотъ городъ съ государемъ наслѣдникомъ. Все наше знакомство ограничено однимъ часомъ, который я провелъ съ нимъ въ его курганскомъ домикѣ».

Относительно самого перевода Цезаря Жуковскій писалъ Дуббельту, что «книга общеполезная» и заявлялъ о своемъ желаніи принять на себя изданіе. «Я увѣренъ, писалъ Жуковскій, что переводъ хорошъ, ибо Бриггенъ умѣетъ владѣть русскимъ языкомъ и коротко знакомъ съ латинскимъ».

Императоръ разрѣшилъ печатаніе рукописи и посвященіе ея Жуковскому, но безъ обозначенія имени переводчика. Первая часть перевода была доставлена Жуковскому для изданія, и Жуковскій препроводилъ къ Дуббельту впередъ для Бриггена 714 р. 26 к. Вторая часть была доставлена съ значительнымъ замедленіемъ. Трудъ Бриггена не былъ напечатанъ, и въ настоящее время рукопись его хранится въ Императорской публичной библіотекѣ съ надписью Бриггена: «Посвящаю Василію Андреевичу Жуковскому, душою и стихомъ поэту и другу человѣчества, въ знакъ личнаго уваженія и преданности нелицемѣрной» [2].

---

[1] *Русск. Арх.* 1867.

[2] *Дубровинъ*, въ Русск. Стар. 1902, IV, 119.

15.

В. А. Жуковскій и В. К. Кюхельбекеръ.

Съ наибольшей яркостью гуманное отношеніе Жуковскаго къ декабристамъ обнаруживается въ его перепискѣ съ В. К. Кюхельбекеромъ.

О личности Кюхельбекера существуютъ различные отзывы. Дельвигъ и Гречъ называли его человѣкомъ крайне впечатлительнымъ и полусумасшедшимъ. Рылѣевъ считалъ его человѣкомъ добрымъ и весьма даровитымъ. Заслуживаетъ особеннаго вниманія отзывъ Баратынскаго, какъ человѣка, чуждаго декабристамъ, отзывъ безъ вражды Греча и любви Рылѣева. Баратынскій называетъ Кюхельбекера человѣкомъ занимательнымъ во многихъ отношеніяхъ: «Онъ съ большимъ дарованіемъ, и характеръ его сходенъ съ характеромъ женевскаго чудака Руссо, та же женственность и недовѣрчивость, то же безпокойное самолюбіе, ведущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ, дабы отличиться особеннымъ образомъ мыслей, и порою та же восторженная любовь къ правдѣ, къ добру и прекрасному, которой онъ все готовъ принести въ жертву, человѣкъ, вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія». Кюхельбекеръ стоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ своему лицейскому товарищу А. С. Пушкину, къ Жуковскому, кн. В. Ѳ. Одоевскому. Кюхельбекеръ познакомился съ Жуковскимъ въ 1817 г., въ годъ окончанія Царскосельскаго Лицея. Воейковъ писалъ ему по этому поводу 14 октября 1817 г.: «Поздравляю васъ съ такимъ другомъ братомъ. Проживя съ Жуковскимъ полвѣка, видя его въ разныхъ обстоятельствахъ, въ счастьѣ и въ несчастьѣ, въ горѣ и радости, въ болѣзни и въ цвѣтущемъ здоровьѣ, я не могу, клянусь вамъ, рѣшить, что больше, что превосходнѣе, что удивительнѣе въ немъ, — необыкновенное ли его дарованіе или необыкновенной его характеръ. Я видѣлъ, съ какой готовностью жертвуетъ онъ самыми драгоцѣнными для своего сердца благами счастью другихъ, съ какимъ христіанскимъ терпѣніемъ переноситъ несчастья, подъ которыми упалъ бы всякій человѣкъ, меньше его увѣренный въ безсмертіи души и въ томъ, что тайная рука Провидѣнія всегда ведетъ насъ къ счастью, часто по терніямъ и кремнямъ, но все къ счастью. Знаю

только что живучи съ Жуковскимъ, самъ непримѣтно становишься лучше, выше, добрѣе» [1]).

Кюхельбекеръ не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости восторженнаго отзыва Воейкова о Жуковскомъ. И до 1825, и по ссылкѣ въ Сибирь, Кюхельбекеръ находилъ въ Жуковскомъ искренняго друга и покровителя.

Въ 1822 г. Кюхельбекеръ подъ вліяніемъ стѣсненныхъ матеріальныхъ средствъ находился въ мрачномъ настроеніи духа. Ему стала приходить въ голову мысль о самоубійствѣ, и онъ проговорился о томъ Жуковскому. Со стороны Жуковскаго немедленно послѣдовалъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ:

«Ваше письмо очень грустно и мрачно и расположеніе ваше заставляетъ невольно о васъ безпокоиться. Тѣ мысли, которыми вы наполнены, весьма свойственны человѣку съ чувствомъ и воображеніемъ; но вы любите питать ихъ; я этого не оправдываю. Такого рода расположеніе недостойно человѣка. По какому праву браните вы жизнь и считаете позволительнымъ съ нею разстаться. Этому нѣтъ никакого другаго имени, кромѣ укорительнаго: сумашествіе. Вы можете быть дѣятельны съ пользою, а вы бросаетесь въ область тѣней и съ какою-то гордостью смотрите оттуда на существующее, могущее быть для васъ прекраснымъ. Составьте себѣ характеръ; составьте себѣ твердыя правила, ясныя понятія. Если вы несчастны, боритесь твердо съ несчастьемъ, не падайте—вотъ въ чемъ достоинство человѣка! Сдѣлать изъ себя кусокъ мертвечины, въ которомъ будутъ гнѣздиться черви, весьма легко; первый глупый слесарь дастъ вамъ на это средство, продавъ вамъ дурной пистолетъ. И никто этому не удивится; оригинальности же въ этомъ нѣтъ никакой; даже и между безумствами—это не оригинальное. Виноватъ, что пишу вамъ такъ рѣзко, но, признаюсь, досадно читать ваше письмо. Ваши мысли были бы смѣшны, если бы онѣ не возбуждали сожалѣнія и досады. Но я надѣюсь, что мрачное расположеніе, ихъ произведшее, миновалось, и какъ вашъ духовный отецъ требую, чтобы вы покаялись и перестали находить высокое въ унизительномъ. Вы созданы быть добрымъ; слѣдовательно должны любить и уважать жизнь, какъ бы она въ иныя минуты ни терзала. Жду отъ васъ письма болѣе утѣшительнаго и обнимаю васъ. Вашъ Жуковскій» [2]).

Изъ письма Энгельгардта къ Кюхельбекеру отъ 12 іюня 1823 г. узнаемъ, что Жуковскій изыскивалъ средства помочь Кюхельбекеру.

---

[1]) Рус, Стар, 1875, XIII, 359.
[2]) Рус, Стар, 1875, XIII, 364.

За дѣятельное участіе въ событіи 14 декабря Кюхельбекеръ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая, по заступничеству в. кн. Михаила Павловича, была замѣнена 15-ти лѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпости и послѣдующей ссылкою на поселеніе.

Прошло 12 тяжелыхъ лѣтъ. Кюхельбекеръ находился уже на поселеніи въ Баргузинѣ. 24-го мая 1838 г. онъ отправилъ Жуковскому письмо слѣдующаго содержанія [1]): «Милостивый Государь, Василій Андреевичъ! Дойдутъ ли эти строки? вотъ вопросъ, съ котораго начинаю всѣ мои письма, адресованныя самымъ ближнимъ моимъ родственникамъ; вопросъ мучительный, особенно въ теперешнемъ случаѣ, когда пишу къ вамъ, почтенный В. А., потому что изъ всѣхъ, кто знавалъ и любилъ меня—юношу, почти отрока, въ живыхъ очень, очень немногіе, а вы въ числѣ этихъ немногихъ изъ писателей для сердца моего занимаете первое мѣсто.... Горжусь воспоминаніемъ той дружбы, которой удостоивали вы меня съ 1847 г. Вы ободрили меня при первыхъ моихъ поэтическихъ опытахъ; въ началѣ моего поприща вы были мнѣ примѣромъ и образцомъ. И теперь отрадно мнѣ говорить самому себѣ (здѣсь другому этого не разскажешь): Жуковскій читывалъ мнѣ своего Вадима строфами, когда еще его дописывалъ;—Жуковскій пересылалъ мнѣ изъ Москвы свое: «Для немногихъ»; изъ 10 отпечатанныхъ экземпляровъ его грамматическихъ таблицъ одинъ достался на мою долю...... Потомъ обстоятельства, мнѣнія, люди отдалили меня отъ васъ; но и въ 25 году я нашелъ въ васъ тоже сердце, столь благородное, столь мнѣ знакомое. Затѣмъ случились мои огромныя заблужденія и мои несчастія, не менѣе огромныя. Искупилъ ли я въ вашихъ глазахъ первыя послѣдними? Пусть сблизятъ насъ, почтенный В. А., хоть общія утраты; тотъ, чью смерть изобразили вы съ такимъ глубокимъ чувствомъ (говорится о Пушкинѣ), кто былъ вашимъ другомъ, былъ другомъ и мнѣ и подъ конецъ жизни своей чуть ли не единственнымъ; кто нынѣ, особенно изъ пишущей братіи, приметъ во мнѣ такое живое, сердечное, дѣятельное участіе, какое Пушкинъ принималъ во мнѣ—узникѣ, а потомъ изгнанникѣ? Если не вы, такъ ужъ вѣрно никто.—А между тѣмъ невольно призадумаешься при мысли о будущемъ. Я женатъ: у меня дѣти; кромѣ того семейство брата; пріобрѣтать хлѣбъ трудами рукъ своихъ я совершенно не въ состояніи; 10 лѣтъ заточенія прошли мнѣ не даромъ; я тѣлесными силами слабѣе ребенка; кромѣ того не владѣю лѣвою рукою; въ добавокъ здѣсь и способы всѣ отняты, и отъ безпрерывной засухи 3 года сряду неурожаи. Петербургскія же пособія едва ли не вовсе истощились. Нужда, М. Г., заставляетъ меня повторить просьбу, съ которою я уже

[1]) *Русск. Арх.* 1871, 0174.

обращался къ кое-кому безъ успѣха; исходатайствуйте мнѣ позволеніе вырабатывать хлѣбъ насущный литературными безыменными трудами. Вы близки къ Его Высочеству Наслѣднику; не сомнѣваюсь, что удастся, если онъ замолвитъ за меня слово. Теперь рѣчь не о славѣ, а, повторяю, о хлѣбѣ насущномъ, и не для меня, а для безвиннаго моего семейства». Жуковскій изъ Дармштадта послалъ Кюхельбекеру письмо въ іюлѣ 1840 г. Письмо дошло къ К., по установленному для политическихъ ссыльныхъ, порядку чрезъ III отдѣленіе. Письмо Жуковскаго поддержало и ободрило Кюхельбекера. Въ 1840 г. 10 ноября онъ писалъ Жуковскому изъ Акшинской крѣпости: «М. Г. В. А.! Хотя я всегда ожидалъ отъ васъ всего прекраснаго и высокаго, однако, признаюсь, долго не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда подъ однимъ изъ писемъ, которыя получилъ вчера, увидѣлъ ваше драгоцѣнное мнѣ имя. И что это за письмо! Какая душа отсвѣчиваетъ тутъ на каждой строкѣ! Благородный, единственный В. А.! Я знавалъ людей съ талантомъ, людей съ геніемъ, но, Богъ свидѣтель! никто не убѣдилъ меня такъ живо въ истинѣ, высказанной вами же, что поэзія есть добродѣтель.—Ваше письмо стану хранить вмѣстѣ съ портретомъ матушки, съ единственной дожившею до меня рукописью покойнаго отца, съ послѣднимъ письмомъ и манишною застежкою,—наслѣдіемъ Пушкина: вотъ реликвіи, которыя, когда прилетитъ за мной мой ангелъ, передамъ своему Мишѣ: по нимъ узнаютъ мои друзья, что онъ сынъ мой.... Приношу вамъ сердечную благодарность и за вашъ дорогой подарокъ [1]). Ваши сочиненія воскресили для меня все мое былое. При Ахиллесѣ я вспомнилъ, что я первый еще въ Лицеѣ познакомилъ съ нимъ Пушкина, который, прочитавъ два раза, уже зналъ его наизусть; Вадима читалъ мнѣ въ вашемъ присутствіи Д. Н. Блудовъ»..... Далѣе Кюхельбекеръ сообщаетъ, что онъ написалъ много сочиненій; но не получилъ разрѣшенія печатать ихъ, и проситъ похлопотать о разрѣшеніи. Онъ кончаетъ письмо словами: «Ваше письмо пролило мнѣ въ грудь богатый источникъ утѣшенія. Вотъ что я во вчерашнюю безсонную, но не мучительную ночь отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ объ этомъ неоцѣненномъ мнѣ письмѣ»: «Кюхельбекеръ въ Акшѣ [2]) получилъ письмо отъ Жуковскаго изъ Дармштадта, письмо, которое показываетъ высокую, благородную душу писавшаго. Есть же, Боже мой, на твоемъ свѣтѣ люди» [3]).

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ 1840, 1841, 1842, и 1845 г. К. послалъ Жуковскому черезъ III Отдѣленіе четыре письма съ просьбой

---

[1]) Сочиненія Пушкина и Жуковскаго.

[2]) Акша—Нерчин. у. Иркутск. губ.

[3]) Русск. Арх. 1871. Въ Дневникѣ Кюхельбекера, изданномъ въ Русск. Стар. 1891 г., дѣйствительно, есть такое мѣсто (т. 72, стр. 83).

о пособіи, и ни одно изъ этихъ писемъ не дошло до Жуковскаго. Письма, очевидно, намѣренно были недоставлены по назначенію, чтобы лишить Жуковскаго возможности что нибудь сдѣлать для Кюхельбекера. Въ 1845 г. К. послалъ Жуковскому письмо черезъ одно частное лицо, и въ этомъ письмѣ писалъ слѣдующее: «Крайняя только нужда и необходимость горькая заставляютъ меня писать вамъ не совсѣмъ позволеннымъ путемъ.... Изъ сильнаго и бодраго мужчины я сталъ хилымъ, изнуреннымъ лихорадкою и чахоточнымъ кашлемъ старикомъ, слѣпцомъ, котораго насилу ноги носятъ. Мои дни сочтены. Неужели пущу по міру мою добрую жену и милыхъ дѣтей. Говорю съ поэтомъ, и сверхъ того полуумирающій пріобрѣтаетъ право говорить безъ большихъ церемоній. Спасите, мой другъ и старшій братъ по поэзіи, теперь покуда хоть 3-ю часть «Ижорскаго» (сочиненіе К.), откройте мнѣ средство доставить вамъ ее, вмѣстѣ съ выправленнымъ экземпляромъ первыхъ двухъ отдѣленій. Я на васъ вполнѣ полагаюсь, какъ на одного изъ благороднѣйшихъ и добродушныхъ людей, какихъ я знавалъ, какъ на поэта, какъ на Жуковскаго. Удастся, слава Богу, неудастся, не вы виноваты, воля Божія» [1]).

Прежде чѣмъ письмо это могло дойти до Жуковскаго, Кюхельбекеръ скончался отъ чахотки въ 1846 г.

---

[1]) Русск. Арх., 1872, стр. 1004.

16.

В. А. Жуковскій и Ѳ. Н. Глинка.

Талантливый поэтъ въ области духовныхъ настроеній Ѳ. Н. Глинка былъ замѣшанъ въ дѣло декабристовъ и сосланъ на жительство въ Петрозаводскъ подъ надзоръ полиціи. Хотя Глинка вскорѣ получилъ мѣсто старшаго совѣтника губернскаго правленія; но крайне тяготился пребываніемъ въ Петрозаводскѣ, который, по его словамъ, «по самозванству называется городомъ». Его смущала мысль о смерти «на чужбинѣ, въ странѣ, гдѣ и самая весна, пролетая быстро, какъ испуганная птица, не успѣваетъ нагрѣть могилу и вырастить на ней цвѣтокъ». Глинка просилъ Гнѣдича выхлопотать ему переводъ, а Гнѣдичъ передалъ эту просьбу Жуковскому. По ходатайству Жуковскаго, Глинка въ 1830 г. былъ переведенъ въ Тверь, съ оставленіемъ подъ надзоромъ полиціи.

Черезъ 9 лѣтъ Глинка, проживавшій уже въ Москвѣ, пожелалъ издать статью «Очерки Бородинскаго сраженія»; но московская цензура не разрѣшила на томъ основаніи, что считала недозволеннымъ печатаніе чего либо о Бородинской битвѣ и событіяхъ 1812 г. (!). Глинка просилъ о разрѣшеніи графа Бенкендорфа, просилъ Жуковскаго похлопотать у генерала Дуббельта. «Привыкнувъ полагаться во всѣхъ моихъ бѣдахъ на васъ, писалъ онъ Жуковскому, какъ на добраго моего генія, я ожидаю, что и въ этомъ разъ одолжите и утѣшите»... Жуковскій писалъ Дуббельту, съ которымъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ: «Вы будете не только моимъ дядюшкою, но и дѣдомъ, а если хотите, и отцомъ роднымъ, если поможете моему доброму Глинкѣ. Посылаю вамъ его письмо, адресованное ко мнѣ, изъ котораго увидите, чего онъ проситъ. Прошу васъ за него и никакъ не жду отказа. Только оберните все кругомъ пальца»... [1]).

Статья Глинки была просмотрѣна Михайловскимъ - Данилевскимъ и разрѣшена для печати, съ устраненіемъ мѣстъ, несогласныхъ съ оффиціальными свѣдѣніями.

---

1) *Дубровинъ*, въ Рус. Стар. 1902, IV, 114.

17.

В. А. Жуковскій и братья Тургеневы.

Одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей начала XIX ст. Ник. Ив. Тургеневъ, сынъ извѣстнаго члена Дружескаго Ученаго Общества Ив. Петр. Тургенева, принадлежалъ къ тайному Обществу Союзу Благоденствія, присутствовалъ на 6 засѣданіяхъ и задумывалъ изданіе журнала [1]). Въ 1821 г. Союзъ прекратился, а въ началѣ 1824 г. Тургеневъ, съ разрѣшенія властей, уѣхалъ заграницу. Послѣ событія 14 декабря, ему поставлены были въ вину его дружба съ декабристами, его горячее сочувствіе идеѣ освобожденія крестьянъ. Тургенева вызвали на судъ; онъ не явился и былъ приговоренъ заочно къ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжныя работы. Въ Россіи остались его братья, Сергѣй, вскорѣ умершій,—и Александръ, близкій другъ Жуковскаго и Пушкина. Н. Тургеневъ жилъ сначала во Франціи, потомъ въ Англіи, затѣмъ, снова во Франціи. Н. Тургеневъ былъ человѣкъ глубокаго ума и благороднаго характера. Друзья, въ особенности Жуковскій, дорожили его письмами. Его перу принадлежитъ вышедшее заграницей сочиненіе «La Russie et les Russes». Жизнь Тургенева заграницей была тяжелая. Русскіе его избѣгали. Даже входъ въ русскую церковь былъ закрытъ ему, человѣку религіозному. Онъ не могъ повѣнчаться у русскаго священника, и долженъ былъ прибѣгнуть къ услугамъ греческаго іеромонаха. Но Жуковскій не побоялся выступить въ его защиту. По возвращеніи изъ заграницы въ 1827 г. Жуковскій представилъ Императору Николаю Павловичу большую записку, написанную очень стройно и убѣдительно, въ которой доказывалъ, что Н. Тургеневъ не можетъ быть осужденъ, какъ государственный преступникъ и что онъ, по складу своихъ убѣжденій, не былъ и не могъ быть врагомъ самодержавія, не могъ желать введенія республики или конституціоннаго правленія въ Россіи, потому что это было въ противорѣчіи съ главнымъ его желаніемъ, чтобы въ Россіи было уничтожено рабство помѣщичьихъ крестьянъ. Онъ, напротивъ, утверждалъ, что свободу крестьянамъ въ Россіи можетъ приготовить и даровать одна только само-

1) Подробная біографія Н. Т. В. И. Семевскаго въ 67 т. Энцикл. Словаря Брокгауза и Ефрона и у Н. Ѳ. Дубровина въ IV кн. Рус. Стар. 1902 г.

державная власть. По характету своему Н. Тургеневъ ни на что преступное не былъ способенъ ни мыслью, ни дѣломъ. «Если по обстоятельствамъ нельзя уже снять изъ него приговора, говоритъ Жуковскій въ концѣ записки, то самая справедливость требуетъ облегчить его положеніе: онъ боленъ, пребываніе въ Англіи для него убійственно». Жуковскій просилъ Государя распорядиться, чтобы русскія миссіи не тревожили Н. Тургенева внѣ Россіи. Просьба эта была уважена, что было большимъ облегченіемъ участи Тургенева [1]). Полное оправданіе Н. Тургенева, съ возвращеніемъ чина дѣйствительн. статскаго совѣтника, послѣдовало лишь въ 1856 со стороны императора Александра II, по ходатайству графа Орлова [2]). Любопытно, что тотъ же эмигрантъ Н. Тургеневъ, по просьбѣ своего брата Александра и Жуковскаго, въ 1826 г. составлялъ реестръ классическихъ произведеній для библіотеки В. князя Александра Николаевича [3]). Жуковскій всячески одобрялъ и поддерживалъ Н. Тургенева. Александръ Тургеневъ писалъ брату въ 1827 г.: «Жуковскій увѣренъ, что ты переносишь свое положеніе твердо... У кого была сильная мысль, порожденная любовью къ человѣчеству, тотъ не можетъ быть несчастливъ и въ неудачѣ; ибо сильная мысль, какъ сильная любовь, наполняетъ всего человѣка... И по сію пору Россіи одно нужно прежде всего: уничтоженіе рабства. Послѣ всѣ прочія къ чему приложатся» [4]).

Трагательный литературный подарокъ Жуковскаго Н. Тургеневу — апологъ. Въ 1827 г. 21 марта Александръ Тургеневъ писалъ брату въ Лондонъ: «Сію минуту принесъ ко мнѣ для тебя Жуковскій сочиненную имъ басню въ прозѣ, тебѣ посвященную. Вотъ копія: «Кусокъ золотой руды лежалъ въ горнилѣ на сильномъ огнѣ. Галикъ смотрѣлъ на него изъ за угла и такъ расуждалъ: «Бѣдное золото! Жаль мнѣ тебя, какъ тебя жгутъ и мучатъ! Какому жестокому тирану досталось ты въ руки! Между тѣмъ огонь погасъ, и золото вышло чистымъ изъ горнила. Изъ него сдѣлали крестъ, и люди стали обожать въ немъ символъ спасенія. Глупый голикъ, тебѣ ли судить о золотѣ?.. Голикъ можетъ охать, смотря на огонь; но тотъ, кто самъ золото, скажетъ смиренно: огонь на минуту, а чистота навсегда»... [5]).

Все доброе, что сдѣталъ Жуковскій относительно Н. И. Тургенева, относится и къ брату его Александру Ивановичу, который принималъ горячее участіе въ судьбѣ младшаго брата. Жуковскій и А. Тургеневъ часто шли рука объ руку и помогали другъ другу въ дѣлахъ благотворительности.

[1]) Русск. Арх. 1895 III, 13—76.
[2]) Русск. Арх. 1871.
[3]) ibid, 1895 III, 35.
[4]) ibid. 36.
[5]) ibid 36 - 37.

18.

В. А. Жуковскій и А. М. Тургеневъ.

Высокія достоинства Жуковскаго, какъ вѣрнаго друга и прекраснаго семьянина, раскрываются въ его многочисленныхъ письмахъ къ Александру Мих. Тургеневу, обнимающихъ продолжительное время съ 1833 по 1851 г. включительно. Здѣсь ярко выступаетъ прекрасная личность Жуковскаго, какъ друга, мужа и отца [1]. В. А. Жуковскій въ самыхъ разнообразныхъ формахъ выражаетъ въ этихъ письмахъ свою дружбу, довѣріе и любовь къ А. М. Тургеневу. Онъ хлопочетъ за Тургенева во всѣхъ его житейскихъ нуждахъ, безъ всякой просьбы съ его стороны возсылаетъ ему деньги и проситъ не торопиться ихъ возвратить и возвратить «безъ малѣйшаго для себя обремененія». Когда Тургеневъ овдовѣлъ, Жуковскій хлопоталъ о пріемѣ его дочери въ институтъ, самъ назвался «быть ея опекуномъ дѣломъ, а не званіемъ», обѣщалъ похлопотать и о сынѣ Тургенева. Жуковскій далѣе рекомендуетъ Тургенева, какъ «честнѣйшаго человѣка» на высокіе посты государственной службы (Т. былъ губернаторомъ). Въ письмахъ онъ называетъ его пріятельски, «Мой милый Александрипусъ,» «душа моя Ермолафушка. Въ письмахъ 1841—1851, когда Жуковскій обзавелся собственной семьей, разсѣяно множество свидѣтельствъ о необыкновенно чуткой и предупредительной заботливости Жуковскаго о здоровьѣ жены, о воспитаніи своихъ дѣтей. Въ этихъ письмахъ семейная жизнь Жуковскаго подробно раскрывается съ наилучшей ея стороны [2].

---

[1]) Письма эти изд. въ *Русск. Стар.* 1892 г., т. 76, стар. 361—497.

[2]) Недавно К. Я. Гротомъ изданъ интересный дневникъ А. М. Тургенева (см. В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 г.)

19.

В. А. Жуковскій и И. В. Кирѣевскій.

Имя И. В. Кирѣевскаго давно уже завоевало почетное мѣсто на страницахъ исторіи русскаго просвѣщенія и исторіи развитія національнаго самосознанія, какъ имя одного изъ главныхъ родоначальниковъ славянофильства. И. В. Кирѣевскій родился въ Москвѣ въ 1806 г., росъ и развивался подъ руководствомъ матери Авдотьи Потровны, урожд. Юшковой, племянницы Жуковскаго, вотчима Елагина и дѣда-дяди Жуковскаго. Съ дѣтства связанный тѣсной дружбой съ Авд. Петр., Жуковскій намѣревался посвятить себя воспитанію ея дѣтей: онъ считалъ это «однимъ изъ главныхъ дѣлъ своей жизни». Пробывъ два года въ имѣніи Кирѣевскихъ Долбино, Жуковскій по своимъ дѣламъ уѣхалъ въ Дерптъ, затѣмъ въ Петербургъ; но вліяніе его оставило глубокій слѣдъ въ чуткой душѣ даровитаго юноши Кирѣевскаго. Высказывалось уже предположеніе, весьма правдоподобное, что литературная дѣятельность, которую впослѣдствіи избралъ И. В. Кирѣевскій, была внушена ему Жуковскимъ. Его же вліяніемъ можно объяснить и то идеально-поэтическое настроеніе мыслей, какимъ всегда отличался Кирѣевскій. Жуковскій, горячо полюбившій И. В. Кирѣевскаго за его способности и возвышенную чистоту души, былъ первымъ и неизмѣннымъ его другомъ и совѣтникомъ. Кирѣевскій въ свою очередь на всю жизнь († 1856 г.) сохранилъ горячую любовь къ своему воспитателю: «Удивительный человѣкъ этотъ Жуковскій, писалъ впослѣдствіи Кирѣевскій. Хотя, кажется, знаешь необыкновенную красоту и возвышенность его души, однако, при каждомъ новомъ случаѣ узнаешь, что сердце его еще выше и прекраснѣе чѣмъ предполагалъ». У Ив. В. Кирѣевскаго было 4 брата, Петръ Кирѣевскій, знаменитый собиратель народныхъ пѣсенъ, и 3 сводныхъ брата Елагины, съ которыми Кирѣевскіе жили очень дружно. Въ 1830 г. Жуковскій писалъ ихъ матери: «Въ вашей семьѣ заключается цѣлая династія хорошихъ писателей. Пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ. Дойдутъ къ добру». Пророчество Жуковскаго не оправдалось; изъ Елагиныхъ не вышли писатели; но сама Авдотья Петровна пережила своихъ сыновей († 1877) и скончалась глубокой старухой у младшаго сына

Василія Елагина, въ теченіе многихъ лѣтъ сохранивъ живыя литературныя связи съ выдающимися русскими писателями. Ея московскій литературный салонъ въ 30—40-хъ годахъ пользовался большой извѣстностью. Здѣсь, между прочимъ, возникла мысль объ изданіи журнала «Европеецъ» (1831 г.), цѣлью котораго было содѣйствіе «народному благосостоянію» и развитіе общественнаго мнѣнія. Изданію журнала предшествовало предпринятое въ 1830 г. И. В. Кирѣевскимъ путешествіе за границу. Сначала Кирѣевскій побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ десять дней, помѣстившись у Жуковскаго въ такъ наз. Шепелевскомъ домѣ Зимняго дворца. Жуковскій одобрилъ намѣреніе Кирѣевскаго поучиться въ Берлинѣ. Въ Петербургѣ Кирѣевскій, при содѣйствіи Жуковскаго, познакомился съ разными писателями и осмотрѣлъ достопримѣчательности города. За границу Кирѣевскій отправился съ рекомендательными письмами Жуковскаго въ Берлинъ и Парижъ. «Въ Берлинѣ, писалъ Жуковскій Авдотьѣ Петровнѣ, мое письмо познакомитъ его прозаически съ нашимъ посломъ, который дастъ ему рекомендательныя письма далѣе, и поэтически съ Гуфландомъ... Въ Парижѣ онъ найдетъ Тургенева, котораго я просилъ присосѣдить его къ себѣ и быть ему руководцемъ»... По возвращеніи въ Россію, Кирѣевскій сталъ издавать журналъ «Европеецъ», въ которомъ приняли участіе Жуковскій, Языковъ, Баратынскій, Хомяковъ, кн. Вяземскій, А. Тургеневъ, кн. Вл. Ѳ. Одоевскій. Радуясь появленію новаго журнала, Пушкинъ обѣщалъ свое сотрудничество. «Европейцу» предстояла блестящая будущность: къ нему примкнуло много талантливыхъ писателей. Но лишь только вышла вторая книжка, журналъ былъ запрещенъ, статьи подверглись крайне одностороннему осужденію и несправедливымъ заподозрѣваніямъ. Усмотрѣны были и неблагонамѣренность, и проповѣдь конституціи, и вражда къ иностранцамъ. Кирѣевскій оффиціально былъ признанъ человѣкомъ неблагонадежнымъ. Его даже хотѣли выслать изъ Москвы, но тутъ за него горой всталъ Жуковскій. Между Государемъ и Жуковскимъ произошла сцена, вслѣдствіе которой Жуковскій заявилъ, что коль скоро и ему не вѣрятъ, то онъ долженъ тоже удалиться; на двѣ недѣли онъ пріостановилъ занятія съ Наслѣдникомъ Престола. Любвеобильнымъ вмѣшательствамъ Императрицы Александры Ѳеодоровны были прекращены эти непріятности. Государь, встрѣтилъ Жуковскаго, обнялъ его и сказалъ: «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Такъ впослѣдствіи передавала объ этомъ замѣчательномъ инцидентѣ А. П. Елагина, для материнскаго сердца которой всѣ подробности этого героическаго заступничества Жуковскаго были дороги и памятны. Въ 1844 г. Кирѣевскій на короткое время принялъ отъ Погодина изданіе «Москвитянина», при чемъ отозва-

лись многіе прежніе сотрудники «Европейца», а Жуковскій, находившійся въ это время за границей, поспѣшилъ прислать Кирѣевскому все, что было имъ написано въ стихахъ и въ прозѣ. Къ концу жизни Кирѣевскій по религіозному настроенію подошелъ къ Жуковскому, но при этомъ, вмѣсто общаго религіознаго настроенія, какимъ отличались Жуковскій и въ особенности Гоголь, Кирѣевскій сталъ сторонникомъ ближайшихъ православно-церковныхъ формъ и настроеній [1]).

Кирѣевскій скончался въ 1856 г. Герценъ говоритъ, что результаты его дѣятельности были скромны сравнительно съ обширными планами юныхъ его годовъ. «Оба брата Кирѣевскіе», пишетъ Герценъ, «стоятъ печальными тѣнями... Преждевременно состарившееся лицо Ивана Кирѣевскаго носило рѣзкіе слѣды страданій и борьбы... Жизнь его не удалась... Возлѣ него стоялъ его братъ и другъ Петръ. Грустно, какъ будто слезы еще не обсохли, вчера посѣтило несчастіе, появлялись оба брата на бесѣды... Жизнь обманула ихъ»... [2]).

---

[1]) *Русск. Арх.* 1894, II, 325—343.
[2]) *Милюковъ* въ 29 т. Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона.

20.

В. А. Жуковскій и В. И. Даль.

Во время пребыванія В. И. Даля въ Дерптскомъ университетѣ студентомъ медицинскаго факультета, преподавателемъ русской словесности былъ Воейковъ, авторъ «Дома Сумашедшихъ», близкій знакомый Жуковскаго. При его посредствѣ Даль познакомился въ Дерптѣ съ проживавшимъ тамъ одно время Жуковскимъ. Въ Петербургѣ это знакомство перешло въ дружбу. Дружба съ Жуковскимъ сблизила Даля съ Пушкинымъ, Языковымъ, А. П. Зонтагъ, Дельвигомъ, Гоголемъ, бр. Перовскими, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ. Въ 1833 г. Даль подъ псевдонимомъ Казака Луганскаго издалъ «Русскія сказки. Первый пятокъ». Сказки эти представляютъ личный вымыселъ Даля со внесеніемъ кое-какихъ народныхъ мотивовъ и въ простонародномъ стилѣ. Булгаринъ нашелъ ихъ грязными, неприличными. Нѣкоторыя мѣста въ сказкахъ были перетолкованы въ неблагопріятномъ политическомъ смыслѣ. Автору поставлена была въ вину фигура губернатора Чихирь Пятошная Голова. Далѣе инкриминировано названіе другой сказки о Чортѣ-послушникѣ Сидорѣ Поликарповичѣ за то во 1) что чортъ здѣсь названъ именемъ православнаго христіанина и во 2) что военная и морская служба въ сказкѣ оказывается такой тяжелой, что самъ чортъ бѣжалъ отъ нея. Даль былъ арестованъ, обруганъ и посаженъ подъ арестъ. Даль и не зналъ, какъ объ этомъ провѣдалъ Жуковскій, бывшій уже тогда воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича, и находившійся тогда въ Петербургѣ дерптскій профессоръ Парротъ, человѣкъ прекраснаго сердца, хорошо извѣстный Императору Николаю Павловичу. Жуковскій и Парротъ ходатайствовали въ пользу Даля, который къ вечеру былъ освобожденъ, и сохранилъ навсегда благодарное воспоминаніе о своихъ покровителяхъ. До отъѣзда Даля на службу въ Оренбургскій край, Жуковскій, Пушкинъ и кн. Одоевскій были самыми близкими къ нему людьми. Они поддерживали и поощряли его усердіе по собиранію матеріала для Толковаго словаря живого великорусскаго языка, капитальнаго труда, надъ которымъ Даль работалъ 47 лѣтъ. Не безъ вліянія Жуковскаго, Даль

сблизился съ бр. Перовскими, которые вскорѣ заняли высокіе административные посты и обезпечили Далю служебное положеніе. Въ 1837 г. Даль присутствовалъ при кончинѣ Пушкина, который умеръ на его рукахъ [1]).

---

[1]) *Мельниковъ*, Воспом. о Далѣ въ «Русск. Вѣстн.» 1873, III, 295—301.

21.

В. А. Жуковскій и А. И. Герценъ.

Въ 1833 г. А. И. Герценъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ вокругъ него сформировался литературно-политическій кружокъ, въ которомъ, кромѣ Герцена, игравшаго роль предсѣдателя, были Огаревъ (поэтъ), Савичъ (математикъ), Сатинъ и др. Въ 1834 г. члены кружка были арестованы и разосланы по разнымъ городамъ. Герценъ попалъ сначала въ Пермь, а оттуда въ 1835 г., въ Вятку, гдѣ близко сошелся съ другимъ знаменитымъ ссыльнымъ, художникомъ Витбергомъ. Въ исходѣ 1837 г., за устройство выставки мѣстныхъ произведеній и объясненія, данныя при ея осмотрѣ Наслѣднику Цесаревичу, Герценъ, по ходатайству Жуковскаго, былъ переведенъ на службу во Владиміръ, въ канцелярію владимірскаго губернатора Куруты, прекраснаго человѣка, позволившаго Герцену отлучиться въ Москву, гдѣ онъ похитилъ свою дальнюю родственницу и женился на ней. Во Владимірѣ Герценъ провелъ самые счастливые годы своей жизни, усердно работая, много читая [1]). Любопытно, что этимъ счастьемъ онъ былъ обязанъ до нѣкоторой степени Жуковскому, его авторитетному покровительству у царственнаго своего питомца.

---

[1]) *Арабажинъ*, въ Русск. Стар. 1896, т. 85, стр. 418.

22.

В. А. Жуковскій и В. Г. Тепляковъ.

Викт. Григ. Тепляковъ (1804—1842), талантливый поэтъ и одинъ изъ первыхъ русскихъ оріенталистовъ, человѣкъ многосторонне образованный, имѣлъ косвенное отношеніе къ событію 14 декабря и попалъ подъ надзоръ полиціи. Онъ сначала служилъ на югѣ Россіи въ Херсонѣ, затѣмъ въ Аѳинахъ, много путешествовалъ по Египту, Сиріи и Палестинѣ, вслѣдствіе чего получилъ прозвище Мельмота Скитальца, и скончался въ молодыхъ лѣтахъ въ Парижѣ. Какъ поэтъ, Тепляковъ заслужилъ сочувственный отзывъ Пушкина, какъ оріенталистъ, обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго ученаго Клапрота. Жуковскій оказывалъ поддержку Теплякову. Такъ, онъ помогъ осуществленію желанія Теплякова о причисленіи къ русскому посольству въ Константинополѣ. Кромѣ стихотвореній, особой книгой вышли еще «Письма о Болгаріи» (1833 г.). Книга эта была поднесена авторомъ государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ; авторъ получилъ выраженіе благодарности и перстень въ награду, при чемъ перстень былъ препровожденъ Теплякову при письмѣ Жуковскаго, что указываетъ на его участіе въ этомъ дѣлѣ [1]).

---

[1]) Русск. Стар., 1896, т. 85, стр. 177, 674.

23.

В. А. Жуковскій и И. И. Козловъ.

Извѣстна печальная судьба И. И. Козлова. По рожденію, воспитанію и образованію онъ принадлежалъ высшему московскому обществу. Весельчакъ, балагуръ, онъ служилъ оживленіемъ и украшеніемъ свѣтскаго общества. Въ цвѣтѣ лѣтъ онъ былъ разбитъ параличемъ, пересталъ владѣть ногами и ослѣпъ. Недавній весельчакъ очутился въ безпомощномъ положеніи. Тогда яркимъ пламенемъ вспыхнулъ въ немъ дремавшій даръ поэзіи. Утѣшеніемъ для Козлова, какъ видно изъ его стихотвореній, были добрая его жена и никогда не забывавшій его другъ Жуковскій. Жуковскій сдѣлался неизмѣнной опорой слѣпого поэта и его семьи. Никто въ теченіе двадцати лѣтъ страдальческаго существованія Козлова такъ часто не являлся у его постели, какъ Жуковскій. Его веселыя и задушевныя бесѣды бывали лучшимъ утѣшеніемъ несчастнаго поэта. Сохранилось нѣсколько коротенькихъ писемъ Жуковскаго къ Козлову.

«Душа моя, Иванычъ! пишетъ Жуковскій въ одномъ письмѣ. Я тебя не забылъ; иначе себя бы забылъ. А была причина, и глупая причина, отъ которой я у тебя не былъ; не сердись, душа моя. Завтра это тебѣ растолкую и безъ твоей просьбы явлюсь къ тебѣ на чай ввечеру, чтобы тебѣ прочитать Камоэнса». «Посылаю тебѣ, пишетъ Жуковскій въ другомъ письмѣ, романъ Вальтеръ-Скота. Это будетъ начало твоей библіотеки романовъ»! Проживая въ началѣ 30 годовъ въ Швейцаріи и Италіи, Жуковскій писалъ Козлову длинныя, литературно весьма обработанныя письма, въ которыхъ описывалъ швейцарскую и италіанскую природу. Козловъ съ глубокой признательностью относился къ Жуковскому и посвящалъ ему лучшія свои стихотворенія. Въ особомъ пространномъ стихотворномъ посланіи къ Жуковскому онъ подробно говоритъ о своей печальной судьбѣ. Въ письмѣ Жуковскаго къ кн. Вяземскому 1837 г. находится такая приписка: «Навѣсти Козлова; онъ въ ужасномъ положеніи. Пальцы уже одеревенѣли, и языкъ начинаетъ нѣмѣть. Слухъ давно ослабѣлъ. А душа какъ будто живѣетъ» [1]. Козловъ протянулъ

---

[1]) К. Я. Гротъ, В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 г.

еще три года. Въ послѣднія минуты его жизни дружескій голосъ Жуковскаго утѣшалъ и напутствовалъ въ другой лучшій міръ. По смерти Козлова въ 1840 г. Жуковскій напечаталъ о немъ прекрасную статью въ Сѣверной Пчелѣ и устроилъ подписку на изданіе его сочиненій [2]). Какъ извѣстно, Жуковскій похороненъ рядомъ съ Козловымъ, такъ что онъ и по смерти легъ рядомъ съ несчастнымъ поэтомъ-слѣпцомъ, въ жизни котораго былъ главной опорой и утѣшеніемъ.

---

[2]) Къ сбору средствъ онъ привлекъ придворныя сферы. См. *Рус. Стар.* 1902 IV 128.

24.

В. А. Жуковскій и Н. Ф. Павловъ.

Талантливый беллетристъ Ник. Филип. Павловъ (1805—1864 г.), повѣсти котораго вызвали одобренія А. С. Пушкина и И. С. Тургенева и въ отрывкахъ попали въ Христоматію Галахова, въ 1835 издалъ отдѣльной книгой «Три повѣсти» (Именины, Аукціонъ и Ятаганъ). Императоръ Николай Павловичъ прочиталъ книгу «съ карандашомъ въ рукѣ» и нашелъ въ «Ятаганѣ» много «неприличныхъ мѣстъ». Содержаніе этой повѣсти не понравилось военнымъ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ находилъ, что эта повѣсть есть клевета на военную службу. Рѣчь въ ней идетъ о томъ, какъ полковой командиръ и прапорщикъ столкнулись въ любви къ одной дѣвицѣ, и какъ полковой командиръ притѣснялъ прапорщика за оказанное ему предпочтеніе до такой степени, что прапорщикъ его заколол. Командира хоронятъ съ военными почестями, а разжалованнаго въ солдаты прапорщика прогоняютъ сквозь строй. Книга была запрещена; цензору сдѣланъ строгій выговоръ, и автору грозило взысканіе; но за него вступились Жуковскій и графъ Вьельгорскій. Государь не соглашался на милость и, между прочимъ, спросилъ: что этотъ сочинитель? Жуковскій отвѣтилъ, что это московскій житель, талантливый писатель Николай Павловъ. Императоръ Николай Павловичъ, разсмѣявшись сказалъ: «Увѣряю васъ, господа, что это не я». Каламбуръ развеселилъ самого Государя, и о наказаніи Павлова послѣ того не было и помина [1]).

Павлову не пришлось избѣжать ссылки, но много лѣтъ спустя, когда Жуковскій, больной и слѣпой, доживалъ въ Германіи послѣдніе свои дни. Въ 1851 г., при описи его имущества за долги тестю, найдена была копія съ письма Бѣлинскаго къ Гоголю и нѣкоторыя другія, по тому времени, «вольнодумныя бумаги». Павловъ былъ сосланъ въ Вятку, гдѣ пробылъ до 1855 г. Съ 1860 по 1862 г. Павловъ издавалъ «Наше время», которое въ 1863 г. было переименовано въ «Русскія Вѣдомости» [2]).

---

[1]) Русск. Стар., 1896 г., т. 85, стр. 564.

[2]) Подроб. біогр. П. съ указ. библіографіи въ 44 т. Энц. Слов. Брокгауза и Ефрона.

25.

В. А. Жуковскій и А. В. Кольцовъ.

Жуковскій помогъ Кольцову въ одномъ, весьма важномъ для него судебномъ процессѣ. 1 декабря 1839 г. Кольцовъ по этому поводу писалъ Жуковскому: «Ваше Превосходительство! Милый и любезный нашъ поэтъ Василій Андреевичъ! Дѣло, въ которомъ вы по добротѣ души вашей приняли живое участіе, наконецъ, слава Богу, получило рѣшительный конецъ; искъ свалился съ плечъ моихъ долой; большая бѣда прошла, и моя свобода и свобода отца моего еще у насъ. Какъ тяготило, мучило меня и все семейство и старика отца это проклятое дѣло. Семь лѣтъ и день и ночь исторія одна, и если бы не вы, что съ нами было бы? Бывши мальчикомъ еще, уча наизусть ваши творенія, душой сживаясь съ ними, по нимъ любя васъ, думалъ ли я въ ту пору, что придетъ время, увижу васъ, обласканъ буду вами, и какъ обласканъ! и что милый поэтъ Россіи приметъ меня подъ свое покровительство, что въ мутную пору матеріальныхъ обстоятельствъ приметъ меня подъ свою защиту и отведетъ отъ беззащитной головы страшную тучу, укрѣпитъ мое доброе имя, дастъ другое мнѣніе, лицо и жизнь» [1]).

---

[1]) Русск. Арх. 1871. 0183.

26.

В. А. Жуковскій и супруги Смирновы.

Милая, добрая и высоко-образованная фрейлина императрицы Маріи Ѳедоровны, Александра Осиповна Россетъ состояла въ дружескихъ отношенія съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Жуковскимъ, Вяземскимъ, Лермонтовымъ. У нея бывали литературныя собранія, на которыхъ бывалъ В. кн. Михаилъ Павловичъ, Гоголь, Вяземскій; но главными дѣятелями были ея два арзамасскихъ звѣря—Сверчокъ и Бычокъ, какъ она дружески называла Пушкина и Жуковскаго. Она передавала имъ разговоры и замѣчанія Императора Николая Павловича; она подготовила разрѣшеніе на постановку на сценѣ Ревизора. По выходѣ замужъ за Н. М. Смирнова, человѣка весьма образованнаго, большаго любителя искусствъ, она уѣхала въ Калугу, куда мужъ ея назначенъ былъ губернаторомъ и вскорѣ переведенъ губернаторомъ въ Петербургъ. Болѣзни заставили Смирновыхъ уѣхать за границу для лѣченія, и вотъ тутъ Александрѣ Осиповнѣ пригодилась ея старая дружба съ Жуковскимъ. Онъ исходатайствовалъ у Государя разрѣшеніе Смирновымъ отправиться въ Парижъ и оставаться дольше срока въ чужихъ краяхъ, что тогда давалось немногимъ. Это было въ 1836 г. Смирновъ сердечно благодарилъ Жуковскаго за оказанную имъ услугу и за его «добрую дружбу», что онъ не только порадовалъ его жену, но и возвратилъ ей надежду на выздоровленіе [1]).

---

[1]) Русск. Арх. 1899 I. 625.

27.

В. А. Жуковскій и Карамзины.

Въ письмѣ Жуковскаго къ Наслѣднику Цесаревичу 1845 года находится указаніе, что, по его представленію, «государь успокоилъ послѣдніе дни Карамзина и тотъ заживо узналъ, что жена и дѣти его на всю жизнь обезпечены», а въ письмѣ къ Цесаревичу отъ 1840 г. находится просьба Жуковскаго пристроить къ Двору сына Карамзина Андрея, въ силу любезной Россіи памяти его знаменитаго отца [1]).

---

[1]) *Жуковскій*, Сочин. VI, 412, 486.

28.

В. А. Жуковскій какъ художникъ.

Сплошь и рядомъ любовь къ поэзіи идетъ рядомъ съ любовью къ живописи, музыкѣ и вообще съ любовью къ искусству. Извѣстно, что Пушкинъ, Лермонтовъ, А. Майковъ, Шевченко, Гоголь и мн. др. выдающіеся поэты были искусными рисовальщиками, и Жуковскій также примыкаетъ къ этой группѣ разносторонних художниковъ-поэтовъ. Онъ любилъ живопись, всегда покровительствовалъ художникамъ, принималъ личное участіе въ изобразительномъ искусствѣ и передалъ любовь къ нему своему сыну художнику.

Любовь къ живописи Жуковскій обнаруживалъ съ малыхъ лѣтъ. По словамъ А. П. Зонтагъ, Жуковскій 4 или 5 лѣтнимъ мальчикомъ забрался въ пустую комнату, и мѣломъ срисовалъ на полу стоявшій тамъ образъ Боголюбской Божіей Матери [1]). Обученіе въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ отведено было значительное мѣсто искусству, знакомство съ любителями искусства и музыки, какъ Плещеевъ, въ особенности знакомства со многими русскими и иностранными художниками и знакомство съ западными картинными галлереями—все это поддерживало и развивало въ Жуковскомъ любовь къ живописи.

Пробовалъ онъ силы въ рисованіи и живописи въ однихъ случаяхъ въ видѣ шутки, въ другихъ съ серьезными цѣлями. Когда Блудовъ завелъ злую комнатную собаку, Жуковскій боялся къ нему ходить. Въ письмѣ къ Блудову онъ говоритъ, что заказанное имъ платье для защиты отъ зубастаго врага еще не готово, для наглядности приложилъ рисунокъ, на которомъ изобразилъ себя рыцаремъ, въ латахъ и шлемѣ, съ забраломъ, съ огромнымъ копьемъ въ рукѣ [2]). Въ другомъ письмѣ онъ въ шутку также набрасываетъ въ карикатурѣ свой портретъ [3]). Особенно любопытны въ этомъ отношеніи письма Жуковскаго къ графинѣ Барановой. Они испещрены юмористическими рисунками. Любопытны письма о Торасѣ Шевченко съ 5 рисунками, письмо о Ефимовичъ съ 2 рисунками 1838 г. и письмо съ двумя просьбами 1840 г. съ рисун-

---

1) *Загаринъ*, Жук. и его произвед. 3.

2) *Авснаріусъ*, Жуковскій-Юмористъ, 53.

3) *Приложеніе* къ Отчету Имп. публ. библ. за 1884. С.-Пб. 1897 г.

комъ [1]. Тутъ представлены цѣлыя исторіи въ лицахъ, замѣчательный примѣръ филантропической утилизаціи искусства. Извѣстно, что во время путешествія по Европѣ въ 1821 г. Жуковскій рисовалъ съ натуры, особенно въ Швейцаріи, виды, которые самъ послѣ выгравировалъ на мѣди [2]. Въ неизданныхъ бумагахъ Жуковскаго, относящихся къ его путешествію съ Царемъ Освободителемъ въ бытность его наслѣдникомъ, находится множество рисунковъ Жуковскаго [3].

Недавно А. Ѳоминъ напечаталъ въ Русск. Стар. интересную статью объ альбомѣ, подаренномъ Жуковскимъ вел. кн. Александру Николаевичу, а въ московской газетѣ «Новости Дня»—о собраніи любопытныхъ рисунковъ Жуковскаго 1837 г., времени его путишествія съ наслѣдникомъ цесаревичемъ. Благодаря любезности г. Ѳомина, я бѣгло ознакомился въ Румянцевскомъ Музеѣ съ содержаніемъ рисунковъ Жуковскаго и могу сказать, что они представляютъ весьма богатый и цѣнный матеріалъ для оцѣнки Жуковскаго, какъ художника, и для исторіи того времени.

Рисунки Жуковскаго, подобно его дневникамъ, обнаруживаютъ большой интересъ Жуковскаго къ разнообразнымъ явленіямъ русской жизни. Г. Ѳоминъ по этому поводу говоритъ слѣдующее:

Жуковскій любилъ рисовать. Намъ извѣстно до 20 альбомовъ его собственноручныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ почти всѣ его путешествія и по Россіи, и за границей. Въ шкатулкѣ Императора Александра Николаевича хранятся два альбома; изъ которыхъ одинъ меньшаго формата заключаетъ въ себѣ 176 рисунковъ, а другой большого формата—93 рисунка. Въ первомъ альбомѣ помѣщены виды, нарисованные во время путешествія, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, отъ Петербурга до Вознесенска и отъ Кіева до возвращенія обратно, а во второмъ—главные виды, зарисованные Жуковскимъ въ продолженіе сентября того же 1837 года, когда онъ вмѣстѣ съ однимъ изъ членовъ свиты Наслѣдника Цесаревича—К. И. Арсеньевымъ, получивъ отпускъ и опережая Наслѣдника съ его свитой, отправился прокатиться въ Крымъ. Рисунки сдѣланы карандашомъ. Только немногіе потомъ обведены чернилами. Въ рисункахъ перваго альбома замѣтна спѣшная работа и не столь богатый подборъ, какъ въ рисункахъ второго альбома. Это объясняется тѣмъ, что путешествіе съ Наслѣдникомъ было точно разсчитано по опредѣленному утвержденному Государемъ маршруту и съ очень большой экономіей времени, а когда отправились вдвоемъ съ Арсенье-

[1]) *Русск. Стар.* 1902, IV, 121—133.
[2]) *Зейдлицъ*, Жизнь и поэз. Жуковскаго 119.
[3]) *Литерат.* Вѣстн. 1901, VI, 205.

вымъ, то могли руководствоваться своимъ собственнымъ маршрутомъ, или личнымъ желаніемъ, и потому Жуковскій могъ отнестись съ большимъ вниманіемъ къ красотамъ юга и занести въ свой художественный дневникъ гораздо больше данныхъ и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи.

Рисунки Жуковскаго (въ иллюстрированномъ листѣ «Нов. Дня», посвященномъ Жуковскому, помѣщены изъ числа московскихъ видовъ три рисунка: два вида села Коломенскаго съ его достопримѣчательностями и одинъ видъ—Карамзинскаго «Лизина пруда» близъ Симонова монастыря въ Москвѣ), — не похожи на произведенія зауряднаго русскаго любителя живописи, набрасывающаго свои эскизы безвкусно и кое-какъ съ развязною небрежностью «настоящаго» художника; не похожи они и на произведенія записныхъ художниковъ-пейзажистовъ, которые не любятъ «обстоятельности», отличающей художественное творчество нашего поэта не только въ произведеніяхъ слова, но и въ произведеніяхъ карандаша.

Его рисунки, хотя они и представляютъ изъ себя нечто иное, какъ эскизы, большею частью являются вполнѣ законченными, по своему содержанію и по характеру избранной темы, картинами.

Эти картины захватываютъ иногда очень широкій горизонтъ, иногда очень небольшой, но иногда достаточно законченный въ своихъ собственныхъ рамкахъ для того, чтобы зритель могъ вынести вполнѣ ясное и опредѣленное представленіе и о замыслѣ художника, и о самомъ содержаніи картины.

Кромѣ того, не говоря объ удивительномъ искусствѣ пониманія перспективы и плановъ, какія бы сложныя и трудныя комбинаціи они не представляли, нужно отмѣтить въ его рисункѣ интересную способность пользованія предметами, находящимися вблизи рисующаго художника (перилами, деревьями, колоннами и т. д.), которые и разнообразятъ, и оживляютъ картину.

И, наконецъ, нельзя отрицать въ немъ и той силы чисто-художественнаго творчества, которой обладаютъ истинные таланты и которая заставляютъ насъ любоваться даже такими, какъ у Жуковскаго набросанными въ пути эскизами карандашомъ, въ которыхъ живо чувствуется и воздухъ, и разстояніе, и жаръ, и вѣтеръ, и разныя «настроенія», которыхъ не въ силахъ дать никакая фотографія, хотя бы она и воспроизводила свой сюжетъ со всѣми его подробностями и съ педантическою вѣрностью дѣйствительности» [1]).

---

[1]) *А. Ѳоминъ*, «Новости Дня» 1902.

Изъ дневника А. М. Тургенева видно, что Жуковскій пользовался для рисованія всякимъ удобнымъ моментомъ. «Чистая душа Андреевичъ» — такъ звалъ Тургеневъ Жуковскаго — помѣщался или въ «тѣни столѣтняго дуба» или «на бугрѣ подъ сосною» [1]).

Во время многочисленныхъ поѣздокъ за границу и продолжительнаго пребыванія въ Германіи и Италіи Жуковскій изучалъ памятники искусства, собиралъ коллекціи, самъ работалъ, гравировалъ, рисовалъ.

Въ письмѣ къ А. П. Зонтагъ 1823 г., написанномъ по возвращеніи изъ заграницы, Жуковскій говоритъ: «Путешествіе сдѣлало меня и рисовщикомъ; я нарисовалъ au trait около 80 видовъ, которые самъ выгравировалъ также au trait. Чтобы дать вамъ понятіе о моемъ искусствѣ, посылаю мои гравюры павловскихъ видовъ; также будутъ сдѣланы и швейцарскіе; только при нихъ будетъ описаніе [2]).

Въ 1824 въ Петербургѣ вышелъ альбомъ изъ 6 видовъ Павловска, срисованныхъ съ натуры Жуковскимъ, имъ же и Кларою награвированныхъ въ Дерптѣ.

Милыми гравюрками Жуковскаго украшена рѣдкая брошюрка Шторха «Путеводитель по саду и городу Павловску» С.-Пб. 1843.

Жуковскому принадлежитъ еще 8 видовъ Царскаго Села и 23 вида Павловска. Эти гравюры были выставлены въ 1883 г. въ Академіи Наукъ во время празднованія столѣтія со дня рожденія Жуковскаго [3]). Во время поѣздокъ заграницу Жуковскій собиралъ коллекціи, которыя привозилъ затѣмъ въ Россію. Интересно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто въ автобіографическомъ «Дневникѣ» Т. Г. Шевченка: «Въ 1839 г. Жуковскій, возвратившись изъ Германіи съ огромной портфелью, начиненною произведеніями Корнеліуса, Гессе и другихъ свѣтилъ мюнхенской школы живописи, нашелъ произведенія Брюлова слишкомъ матеріальными, придавляющими къ грѣшной землѣ божественное высшее искусство и, обращаясь ко мнѣ, продолжаетъ Шевченко, и покойному Штейнбергу, учившемуся въ мастерской Брюлова, предложилъ зайти къ нему полюбоваться и поучиться отъ великихъ учителей Германіи. Мы не преминули воспользоваться симъ счастливымъ случаемъ и на другой же день явились въ кабинетъ германофила. Но, Боже! что мы увидѣли въ этомъ огромномъ, развернувшемся передъ нами портфелѣ: длинныхъ, безжизненныхъ Мадоннъ, окруженныхъ готическими, тощими херувимами и прочихъ настоящихъ мучениковъ живого улыбающагося искусства. Увидѣли Гольбейна, Дюрера, но никакъ ни представителей XIX в..... Разсматривая эту коллек-

---

[1]) *К. Я. Гротъ*, В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 г., 8, 19.

[2]) *Плетневъ*, О жизни и соч. Жуковскаго и въ *Русск. Стар.* 1883 II 485, 488.

[3]) *Русск. Стар.* 1883, XXXVII, 489.

цію идеальнаго безобразія (?!), мы высказывали въ слухъ свое мнѣніе и своимъ простодушіемъ довели такого кроткаго и деликатнаго Василія Андреевича до того, что онъ назвалъ насъ испорченными учениками Карла Павловича (Брюлова) и хотѣлъ закрыть портфель передъ нашими носами» [1])..... Эти строки чрезвычайно ярко обрисовываютъ художественные вкусы Жуковскаго. Хотя, по словамъ Шевченка, Жуковскій и называлъ Брюлова Карломъ Великимъ [2]), но считалъ его не достаточно духовнымъ и склонялся на сторону великихъ старыхъ мастеровъ и ихъ новыхъ германскихъ подражателей.

Любопытно одновременное свидѣтельство Гоголя, что Жуковскій во время совмѣстнаго пребыванія съ нимъ въ Римѣ въ 1839 г. рисовалъ налету лучшіе виды вѣчнаго города. Гоголь удивлялся проворству и искусству Жуковскаго: «Онъ въ одну минуту рисуетъ ихъ по десяткамъ и чрезвычайно вѣрно и хорошо» [3]).

Для обрисовки Жуковскаго, какъ художника, не лишены значенія письма къ нему Н. М. Смирнова, калужскаго, потомъ петербургскаго губернатора, мужа извѣстной пріятельницы Пушкина, Жуковскаго и Гоголя, Александры Осиповны, урожд. Россетъ. Смирновъ отлично зналъ Италію, любилъ искусство и составилъ картинную галлерею. Въ письмѣ 2 мая 1836 г. Смирновъ развиваетъ впервые мысль объ устройствѣ въ Россіи передвижныхъ художественныхъ выставокъ. «Почему, ставитъ онъ вопросы, наша Академія не пригласитъ иностранцевъ присылать свои картины на выставку? Почему наше Общество поощренія ходожествъ не установитъ свои выставки въ разныхъ городахъ»? Съ такими вопросами Смирновъ обращался къ Жуковскому, «какъ любителю картинъ». Онъ послалъ Жуковскому въ даръ двѣ гравюры германскихъ художниковъ, въ письмѣ 22 ноября 1836 г. съ большой похвалой отзывался о скульпторѣ Лауницѣ, которому позднѣе въ 1843 г. покровительствовалъ Жуковскій [4]).

Для характеристики Жуковскаго, какъ любителя искусства, значительный интересъ представляетъ недавно изданная переписка его съ старымъ пріятелемъ—арзамасскимъ Котомъ Д. П. Северинымъ, русскимъ посланникомъ при Швейцарскомъ союзѣ и позднѣе при Баварскомъ дворѣ. «Ты что дѣлаешь, Котъ? Если ничего не дѣлаешь, то сдѣлай вотъ что:— писалъ ему Жуковскій въ Мюнхенъ въ 1839 г.:—надобно тебѣ знать, что я сдѣлался собирателемъ рисунковъ, и у меня теперь есть обращики почти всѣхъ лучшихъ живописцевъ Германіи и Италіи, но недостаетъ

---

1) *Основа* 1861, авг. 5.
2) Тоже, 6.
3) *Загаринъ*, 478.
4) *Русск. Арх.*, 1899, 622—627.

нѣкоторыхъ столбовыхъ, именно Генриха Гессе, Петра Гессе, Корнеліуса, къ коимъ желалъ бы прибавить Байера и еще кто найдется изъ значительныхъ мюнхенскихъ живописцевъ (это оставлю на твой произволъ, и ты очень, очень обяжешь меня, если обогатишь меня рисунками сихъ матадоровъ искусства.... На Корнеліуса нападай со стороны совѣсти; онъ далъ мнѣ слово»... Въ письмѣ 1840 г. Жуковскій даетъ Северину совѣты, какъ укладывать рисунки, какимъ порядкомъ переслать ихъ [1]).

Въ письмѣ Жуковскаго къ Северину 1845 г. находится интересное указаніе на то участіе, какое Жуковскій принималъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія въ Нюренбергѣ и пересылки въ Россію готическаго алтаря съ живописными копіями апостоловъ А. Дюрера. Алтарь былъ купленъ Императрицей. Рѣзное изображеніе Мадонны было вынуто и отдано Жуковскому, который въ письмѣ къ Северину говоритъ о состоявшемся съ художникомъ Ротермундомъ соглашеніи о замѣнѣ деревяннаго изображенія Мадонны живописной копіей съ А. Дюрера [2]).

На торжественномъ актѣ И. Академіи наукъ въ 1882 г., по случаю столѣтія со дня рожденія Жуковскаго, отъ имени петербургскаго Общества художниковъ прочитанъ былъ слѣдующій адрессъ, выражающій заслуги Жуковскаго въ области искусства: «Празднованіе столѣтняго юбилея дня рожденія поэта В. А. Жуковскаго, имя котораго внесено въ славный списокъ лицъ, составляющихъ честь, гордость и славу Россіи, не могло остаться безъ отзыва со стороны русскихъ художниковъ по слѣдующимъ тремъ причинамъ: 1) Жуковскій съ ранняго возраста обнаружилъ свой талантъ способностью къ рисованію, которая не покидала его и послѣ; напротивъ, живя въ 1815 г. въ Дерптѣ, онъ занимался въ мастерской профессора живописи Зенфа искусствомъ гравированія на мѣди, а впослѣдствіи иллюстрировалъ свои стихотворенія; такъ, въ собраніи своихъ сочиненій 1849 г. передъ «Пѣснью въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскій представилъ въ маленькой виньеткѣ своего Пѣвца, т. е. самого себя, безъ бороды, въ казачьей курткѣ, съ лирой, стоящимъ передъ бородачами товарищами, расположившимися на землѣ около сторожеваго огня. 2) Сочувствуя художникамъ, Жуковскій, сдѣлавшись въ 1808 г. достойнымъ руководителемъ журнала «Вѣстникъ Европы», первый сталъ украшать свое изданіе статьями по исторіи изящныхъ искусствъ съ приложеніемъ гравюръ знаменитыхъ произведеній живописцевъ. Кромѣ того, Жуковскій былъ искреннимъ другомъ русскихъ художниковъ и въ минуты неудачъ и тяжкихъ невзгодъ послѣднихъ являлся безъ всякаго зова къ нимъ на помощь; достаточно вспомнить его участіе къ Витбергу и къ

---

[1]) *Русск. Стар.* 1902, IV, 154, 155.
[2]) Ibid. 162.

нашему извѣстному маринисту Айвазовскому. 3) Наконецъ, будучи наставникомъ Наслѣдника престола, въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, онъ старался руководить (?) въ немъ любовь къ изящнымъ искусствамъ, и, по всей вѣроятности, благодаря Жуковскому, въ альбомѣ, изданномъ Ваттемаромъ въ 1837 г., явились два рисунка черкесовъ, нарисованныхъ 15-ти лѣтнимъ Цесаревичемъ. Затѣмъ, по иниціативѣ наставника будущаго Царя-Освободителя, предоставлена была свобода поэту художнику Тарасу Шевченку». Въ концѣ адреса замѣчено, что «русскіе художники, среди которыхъ есть лично знавшіе Жуковскаго, сочли долгомъ принести подобающую дань своего сочувствія къ памяти поэта» [1]).

Обращаясь къ болѣе подробному обзору отношеній Жуковскаго къ художникамъ, нельзя не отмѣтить большого разнообразія художественныхъ интересовъ Жуковскаго, большаго такта въ сношеніяхъ съ художниками и постояннаго стремленія всѣми мѣрами, нравственно и матеріально, поддержать художниковъ, безъ различія національности. Главное вниманіе, главное сочувствіе и главныя заслуги Жуковскаго связаны съ главными современными ему русскими художниками.

---

[1]) *Сборн.* Имп. Акад. Н. 1883, т. 32, стр. 23.

29.

В. А. Жуковскій и К. П. Брюлловъ.

Знаменитѣйшій живописецъ первой половины прошлаго столѣтія Карлъ Павловичъ Брюлловъ (1799—1852 г.), по судьбѣ, представляетъ сходство съ своими знаменитыми современниками Гоголемъ и Ивановымъ. Всѣ они къ концу своей недолгой жизни ослабѣли, всѣ искали утѣшенія въ художественномъ Римѣ. Слава Брюллова основывается на картинѣ его «Послѣдній день Помпеи», которая была имъ создана въ два года (окончена въ 1833 г.), выставлена въ Римѣ, Парижѣ и въ Петербургѣ. Италіанцы и русскіе сошлись въ восторженныхъ похвалахъ. Французы отнеслись сдержанно и отчасти даже съ порицаніемъ. Одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ біографовъ Брюллова [1]) говоритъ: «Не было другого художника, имя котораго такъ прогремѣло бы при жизни, но не было и другого, столь страстно осуждаемаго, почти ненавидимаго, спустя всего десятилѣтіе послѣ его смерти» [2]). Истина, разумѣется, находится въ золотой серединѣ между этими двумя крайностями. Брюловъ не былъ геніемъ, но былъ человѣкъ очень талантливый, сослужившій русскому искусству большую службу. «Помпея» подняла въ обществѣ интересъ къ искусству; заграницей чуть-ли не впервые выдвинуто было русское имя, благодаря «Помпеѣ» Брюллова.

Брюлловъ былъ осыпанъ милостями и наградами. Въ Россіи и въ Италіи онъ пользовался огромной популярностью. Когда онъ въ 1836 г. вернулся въ Петербургъ, ему данъ былъ отъ имени Академіи художествъ торжественный обѣдъ, на которомъ, между прочимъ, присутствовалъ Жуковскій. Говорились рѣчи, читались стихи, пѣлись куплеты [3]).

Привыкнувъ къ италіанской природѣ и общей италіанской художественной обстановкѣ, Брюлловъ скучалъ въ Петербургѣ. «Въ Италіи я начну работать какъ должно», говорилъ онъ своимъ друзьямъ; но вторая поѣздка въ Италію въ 1849 совпала уже съ тяжкой болѣзнью и упадкомъ силъ.

---

1) *Половцевъ*, Прогулка по музею имп. Александра III 48.

2) Повидимому, здѣсь подразумѣвается очень бойкая, но пристрастная оцѣнка *В. В. Стасова*, съ наибольшей яркостью изложенная въ Собр. соч. II.

3) *Половцевъ*, 67.

Жуковскій прекрасно понималъ художественныя стремленія Брюллова и желалъ полнаго для него простора. Въ 1838 г. въ письмѣ къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы такимъ крупнымъ художникомъ, какъ Брюлловъ, Бруни и Уткинъ, предоставлена была полная свобода въ выборѣ мѣста и времени для работы. «Художнику, говоритъ Жуковскій, нужна полная свобода творить что, какъ, гдѣ и когда хочетъ. Покровителямъ художниковъ и друзьямъ искусства надобно только давать способъ воспользоваться этою свободою. Попутно Жуковскій высказалъ пожеланіе, чтобы Зимній Дворецъ сдѣлался для Россіи Ватиканомъ искусства и чтобы Брюлловъ сдѣлалъ для имп. Николая I столько, сколько Рафаэль и Микель Анджело для папъ Юлія II и Льва X; но при этомъ Жуковскій признаетъ, что въ Петербургѣ нѣтъ и десятой доли тѣхъ пособій, какія на каждомъ шагу встрѣчаются въ Италіи [1]).

Въ особенности Жуковскій распространяется въ пользу заграничнаго пребыванія Брюллова. «Большое будетъ горе для моего русскаго сердца, если этотъ геній погаснетъ, не оставивъ ничего такого, чтобы прославило его отечество»... «Я боюсь за его будущее, онъ въ Петербургѣ зачахнетъ; ему тамъ душно; ему необходима Италія». Любовь къ искусству и къ славѣ отечества у Жуковскаго въ данномъ случаѣ идутъ рядомъ съ филантропіей, этимъ основнымъ стимуломъ душевнаго настроенія Жуковскаго.

Большой почитатель Брюллова, Жуковскій, однако, не былъ слѣпымъ его поклонникомъ. Изъ письма Струговщикова къ г. Стасову, изданнаго въ Русск. Стар. 1880 I подъ заглавіемъ «Отзывъ Жуковскаго о Брюлловѣ», видно, что Жуковскій, признавая въ произведеніяхъ Брюллова большое «италіанское мастерство», находилъ въ нихъ недостатокъ идеальности. Относительно самой «Помпеи» Жуковскій находилъ, что въ ней нѣтъ «историческаго, стоющаго особеннаго вниманія момента, что, въ дѣйствительности, въ ней дѣйствуетъ природа, которой трагикомедіи необъяснимы». Конференцъ-секретарь академіи В. И. Григоровичъ, которому Жуковскій высказалъ такія скептическія сужденія, указывалъ на обиліе въ Помпеѣ отдѣльныхъ превосходно исполненныхъ группъ и фигуръ. Жуковскій соглашался, но не видѣлъ въ этомъ жанрѣ исторической картины. Если вполнѣ довѣрять показаніямъ Струговщикова, записаннымъ имъ по памяти много лѣтъ спустя послѣ бесѣды Жуковскаго съ Григоровичемъ, Жуковскій будто бы думалъ, что «Брюллову не дать ничего, подобнаго цвѣту канувшихъ въ вѣчность XV и XVI вѣковъ» [2]).

---

1) *Жуковскій*, Сочин. VI, 609, 608.

2) *Стасовъ*, Собр. соч. II, 859.

30.

В. А. Жуковскій и Н. И. Уткинъ.

Въ Русской Стар. 1883 г. т. XXXVII въ маленькой замѣткѣ «В. А. Жуковскій, какъ граверъ на мѣди» приведено 8 маленькихъ записокъ Жуковскаго къ граверу Уткину 1820—1836 годовъ. Записки очень краткія, дѣловыя; онѣ свидѣтельствуютъ о томъ живомъ интересѣ, съ какимъ Жуковскій относился къ гравированію на мѣди и какъ велико было его личное участіе въ этомъ трудномъ родѣ исскусства. Въ одной записочкѣ выразилось филантропическое отношеніе къ бѣдному ученику академіи художествъ (Проташинскому), котораго, оказывается, Жуковскій одѣвалъ на свой счетъ [1]).

Ник. Ив. Уткинъ (1780—1863), талантливый граверъ, былъ преподавателемъ въ академіи художествъ. Наиболѣе замѣчательны гравированные имъ портреты. Изъ писемъ Жуковскаго можно вывести заключеніе, что Уткинъ, какъ опытный граверъ, оказывалъ ему большое содѣйствіе. И Жуковскій относился къ нему съ большимъ расположеніемъ. Въ письмѣ къ в. кн. Маріи Николаевнѣ онъ упоминаетъ Уткина, какъ большого художника; его имя поставлено послѣ Брюллова и Бруни [2]).

---

[1]) Русск. Стар. 1888 II 485.
[2]) *Жуковскій*, Сочин. VI 609.

31.

В. А. Жуковскій и Ѳ. И. Іорданъ.

Ѳедоръ Ивановичъ Іорданъ (1800—1883), одинъ изъ лучшихъ русскихъ граверовъ, ученикъ Н. И. Уткина, получилъ образованіе въ Россіи въ академіи художествъ и за границей, былъ профессоромъ въ академіи. Съ Жуковскимъ Іорданъ познакомился еще въ Петербургѣ, до отъѣзда за границу, т. е. до 1829, когда онъ былъ отправленъ въ чужіе края. Спачала онъ учился въ Парижѣ, затѣмъ въ Лондонѣ и, наконецъ, въ Римѣ, гдѣ ему снова пришлось встрѣтиться съ Жуковскимъ и воспользоваться его добротой. Іорданъ въ Римѣ въ 1834 году занялся изготовленіемъ рисунка съ знаменитой картины Рафаэля «Преображеніе», которую, по совѣту К. П. Брюллова, задумалъ воспроизвести въ гравюрѣ огромнаго размѣра. Этому предпріятію Іорданъ посвятилъ 12 лѣтъ непрерывнаго настойчиваго труда. Лишь только появились первые оттиски Іордановской гравюры, римскіе знатоки искусства единогласно признали, что русскій мастеръ превзошелъ въ ней своихъ предшественниковъ по истолкованію красотъ творенія Рафаэля, выказалъ добросовѣстное изученіе оригинала, превосходный рисунокъ и ученый, классическій пріемъ рѣзца. Берлинская, флорентинская и урбинская академіи признали Іордана за эту работу своимъ членомъ, а Имп. академія художествъ, по возвращеніи его въ Россію въ 1850 г., присудила ему титулъ профессора [1]).

Гравюра эта была самымъ крупнымъ дѣломъ Іордана, и, любопытно, что Жуковскій немало помогъ его осуществленію. Вотъ что по этому поводу говоритъ самъ Іорданъ въ своихъ «Запискахъ» подъ 1839 г.: «Въ числѣ наставниковъ Александра Николаевича былъ и нашъ безсмертный поэтъ В. А. Жуковскій, человѣкъ добрѣйшаго сердца, котораго я зналъ еще въ Петербургѣ и травилъ крѣпкою водкою его контуры гравюръ на мѣди швейцарскихъ видовъ. Говорилъ съ нимъ о начатомъ мною большомъ трудѣ, гравюрѣ «Преображеніе», спрашивая его совѣта, какъ бы пріискать мнѣ средства къ продолженію этого труда. Было рѣшено сдѣлать подписку на пріобрѣтеніе оконченныхъ оттисковъ. Жуковскій пригласилъ меня къ себѣ и объяснилъ мнѣ свою мысль, которой

---

[1]) *А. С-въ*, въ Энцикл. Словарѣ Брокг. и Ефр., т. 26, 754.

я обрадовался; я получилъ на 5000 скудъ подписчиковъ, которые, при окончаніи мною доски въ 1850 г., получили оттиски въ полной исправности [1]).

Замѣчательно, что въ Римѣ почти въ одно время работали Гоголь надъ «Мертвыми Душами», Ивановъ надъ картиной «Явленіе Христа народу», Іорданъ надъ гравюрой «Преображенія» и Брюлловъ надъ «Помпеей», и почти всѣмъ имъ Жуковскій, такъ или иначе, помогъ. Одинъ Брюлловъ, кажется, не нуждался въ поддержкѣ Жуковскаго и обошелся безъ нея, а для остальныхъ трехъ русскихъ художниковъ Жуковскій оказался важной нравственной и матеріальной опорой.

---

[1]) *Русск. Стар.* 1891, т. 71, стр. 241.

32.

В. А. Жуковскій и А. А. Ивановъ.

Въ 1838 г. въ Римъ пріѣхалъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, въ сопровожденіи Жуковскаго. Въ это время здѣсь работало уже много русскихъ художниковъ, пансіонеровъ академіи художествъ, въ томъ числѣ знаменитый А. А. Ивановъ, приступившій уже къ исполненію главнаго своего труда—«Явленіе Христа народу». Двадцать лѣтъ (1836—1857 г.) работалъ Ивановъ надъ этой картиной. Еще до выставки ея въ Россіи, о ней шли слухи, о ней писали Гоголь, Жуковскій, Погодинъ, Чижовъ, Герценъ, Тургеневъ [1]). По словамъ И. С. Тургенева, очень мѣткимъ (хотя и оспариваемымъ г. Стасовымъ), «въ талантѣ Иванова все есть и трудолюбіе изумительное, и честное стремленіе къ идеалу, словомъ все кромѣ того, что только одно и нужно—творческой мощи, свободнаго вдохновенія» [2])...

Цесаревичъ посѣтилъ студію Иванова и поручилъ Жуковскому пріобрѣсти у русскихъ художниковъ нѣсколько картинъ. Жуковскій передалъ исполненіе Бруни, затѣмъ Габерцетелю, наконецъ, Иванову. Порученіе было хлопотливое; приходилось считаться съ личными страстями и пристрастіями. «Я бѣгалъ, какъ угорѣлый, говоритъ Ивановъ въ одномъ письмѣ, къ каждому изъ 30 человѣкъ, чтобы согласить на заказъ или покупку и назначить цѣну, не спалъ двѣ ночи, писалъ и переписывалъ бумаги, снося жестокія слова нѣкоторыхъ товарищей.... Любезные соотечественники вломились въ кабинетъ къ Жуковскому и откричали ему свои недовольства, заключивъ всѣ свои доказательства междоусобною ссорою въ его глазахъ».... Заказы были утверждены. Ивановъ подарилъ Жуковскому въ альбомъ три своихъ рисунка—Іисусъ въ виноградникѣ, первый эскизъ «Явленія» и женихъ, покупающій своей невѣстѣ кольцо, и ввѣрилъ себя заботамъ Жуковскаго въ обществѣ поощренія художниковъ [3]).

Жуковскій сталъ хлопотать въ пользу Иванова и за границей, и въ Россіи. Въ 1842 г. онъ писалъ изъ Дюссельдорфа къ Наслѣднику

---

[1]) «Опытъ полной біографіи» Иванова составленъ Новицкимъ въ 1895 г., блестящая категорическая статья Стасова въ Вѣст. Евр. 1880 I и Собр. Соч. II. Переписка Иванова въ изд. Боткина.

[2]) *Стасовъ*, Собр. соч. II 113.

[3]) *Новицкій*, Опытъ біографіи Иванова, 100.

Цесаревичу: «У меня давно лежитъ письмо, полученное мною на имя вашего Высочества изъ Рима отъ живописца Иванова, которому вы поручили написать для васъ большую картину, изображающую Спасителя, являющагося Іоанну Крестителю. Узнаете сами изъ письма его, чего онъ желаетъ. Отъ себя прошу васъ его не оставить, онъ замѣчательный художникъ, чрезвычайно прилеженъ и совершенно достоинъ покровительства. Начавъ ему благотворительствовать, довершите это благое дѣло и не дайте пасть этому таланту, который можетъ сдѣлать честь отечеству» [1]. По ходатайству Жуковскаго, изъ суммъ наслѣдника цесаревича дано было Иванову содержаніе на три года по 3000 руб.

Изъ письма Чижова, жившаго въ 1842 г. въ Дюссельдорфѣ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, видно, что Жуковскій считая болѣе свойственнымъ таланту Иванова жанръ, не одобрялъ слишкомъ большихъ размѣровъ картины. Г. Стасовъ обвиняетъ тутъ Жуковскаго въ «маломъ пониманіи» [2]. Но въ дѣйствительности Жуковскій былъ правъ. Какъ добрый человѣкъ, онъ видѣлъ, что Ивановъ беретъ темы не подъ силу и мучитъ себя безъ пользы для русскаго искусства. Правда, Ивановъ обидѣлся. «Какъ не стыдно такъ говорить Василію Андреевичу, писалъ онъ Чижову. При его умѣ и образованіи я думалъ, онъ войдетъ гораздо глубже въ мое положеніе, и тогда бы онъ увидѣлъ, что я только несчастливъ»..... И Жуковскій это видѣлъ, не умомъ, а сердцемъ, и, повидимому, какъ Ивановъ, такъ и Стасовъ не замѣтили гуманитарной точки зрѣнія Жуковскаго. «Не долженъ ли я пожертвовать совершенно всѣмъ, говоритъ Ивановъ въ томъ же письмѣ къ Чижову, для такого предпріятія, которое поставило бы меня современемъ на художественную каѳедру, съ которой я могъ бы умалить злоупотребленія (художественныя въ Россіи). «Много же зналъ и понималъ Иванова Жуковскій, говоритъ по этому поводу г. Стасовъ, когда ему надо было все это истолковывать, послѣ столькихъ лѣтъ интимности, все это, составлявшее краеугольный камень въ символѣ вѣры Иванова» [3]. Но интимности между Жуковскимъ и Ивановымъ не было; встрѣча и знакомство ихъ были случайны и кратковременны. Затѣмъ, въ письмѣ Иванова сквозитъ почти такой же пророкъ художникъ, какимъ вскорѣ выступилъ Гоголь въ «Перепискѣ съ друзьями». Это преувеличенная провиденціальная точка зрѣнія была чужда Жуковскому. Человѣкъ несомнѣнно большого художественнаго образованія, Жуковскій могъ сомнѣваться въ томъ, стоило ли «предпріятіе» Иванова приносимыхъ для него жертвъ и несчастія.

---

[1] *Жуковскій*, Сочиненія, VI, 428.
[2] *Стасовъ*, Соб. соч. II 97.
[3] *Стасовъ*, II 97.

33.

В. А. Жуковскій и К. И. Айвазовскій.

Талантъ Айвазовскаго былъ рано замѣченъ. Въ 1833 г. 16 лѣтнимъ юношей онъ попалъ пансіонеромъ въ академію художествъ. Айвазовскій воспользовался поддержкой Жуковскаго въ 1835 г. по слѣдующему поводу: Юноша Айвазовскій въ академіи былъ отданъ въ обученіе поверхностному и высокомѣрному заѣзжему французу Таннеру. Таннеръ поручалъ молодому художнику приготовленіе красокъ, копированіе видовъ Петербурга и т. п. мелкія ученическія работы. Айвазовскій, по совѣту А. Н. Оленина, написалъ морской видъ и, безъ вѣдома Таннера, представилъ въ академію художествъ, которая наградила его серебряной медалью и выставила картину въ академическомъ залѣ. Публика съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнеслась къ молодому художнику. Взбѣшенный Таннеръ отправился во дворецъ и доложилъ Императору Николаю Павловичу о своеволіи своего ученика, осмѣлившагося отдать свою картину на выставку безъ вѣдома учителя. По Высочайшему повелѣнію, картина была немедленно снята. Это печальное событіе дало пищу сплетникамъ и клеветникамъ, а невзгода, постигшая Айвазовскаго, при раболѣпномъ настроеніи общества, повела къ тому, что о немъ враждебно могли отзываться многіе изъ тѣхъ, которые наканунѣ восхищались его картиной. Айвазовскій былъ въ горѣ. Тутъ прежде всего къ нему съ утѣшеніемъ и нравственной поддержкой явился Жуковскій, потомъ Крыловъ и проф. Зауервейдъ. Жуковскій встрѣчалъ ранѣе Айвазовскаго у Оленина. Онъ убѣждалъ Айвазовскаго не унывать, не падать духомъ и по прежнему заниматься живописью [1]).

---

[1]) Русск. Стар. 1878, апр. 664.

34.

В. А. Жуковскій и Г. Р. Рейтернъ.

Гергардъ Романовичъ Рейтернъ (1794 † 1865),—художникъ-самоучка, другъ и родственникъ Жуковскаго. Нѣмецъ по происхожденію, русскій по симпатіямъ, Рейтернъ родился въ Лифляндіи, учился въ Дерптскомъ университетѣ, служилъ въ русской арміи. Въ Лейпцигской битвѣ 1813 г. онъ потерялъ правую руку. Онъ выучился писать и рисовать лѣвой рукой и посвятилъ себя изученію искусства. Въ 1820 безрукій красавецъ художникъ женился на Шарлотѣ Шмерцель и въ 1821 г. имѣлъ дочь Елизавету, впослѣдствіи вышедшую замужъ за его друга Жуковскаго. Съ Жуковскимъ Рейтернъ познакомился впервые въ 1826 г. въ Эмсѣ, и съ тѣхъ поръ между ними завязалась тѣсная дружба. Жуковскій выхлопоталъ Рейтерну пенсію отъ императрицы и ревностно распространялъ его картины и рисунки среди своихъ знакомыхъ и при Дворѣ. Онъ поддерживалъ съ художникомъ оживленную переписку, весьма цѣнную по выясненію взглядовъ Жуковскаго на задачи и цѣли искусства [1]). «Не надо подражать ни Рафаэлю, ни Ванъ-Дику, ни Мурильо; надо изучать природу... По моему всякая вычурность есть недостатокъ», такъ писалъ Жуковскій, и Рейтернъ вполнѣ оправдывалъ его пожеланія; по любви къ искусству, по реальному характеру дѣятельности. «У насъ съ тобой одна страсть—искусство, и одна любовь—Россія»! писалъ Рейтернъ Жуковскому. Въ 1832 и 1833 годахъ друзья вмѣстѣ путешествовали по Франціи и Италіи. Въ 1835 г. Рейтернъ поселился въ Дюссельдорфѣ, знаменитомъ тогда средоточіи живописцевъ, и посылалъ отсюда свои картины въ Петербургъ. Въ 1837 г., по представленію Жуковскаго, Рейтернъ назначенъ былъ «живописцемъ Императорской фамиліи», съ крупной прибавкой къ его пенсіи 8 т. р. асс. и съ правомъ воспитывать дѣтей за границей. «Я высоко цѣню счастье, писалъ Рейтернъ Жуковскому, потрудиться для моего Государя лѣвою рукою послѣ того, какъ правая сдѣлала свое дѣло», и съ тѣхъ поръ до конца жизни онъ никогда не принималъ частныхъ заказовъ и всѣ свои картины от-

---

[1]) Біографія Рейтерна съ приложеніемъ портрета его и писемъ Жуковскаго въ Русск. Арх. 1894 III 567—578.

сылалъ въ Петербургъ, гдѣ нынѣ украшены ими дворцы, Эрмитажъ, Музей Императора Александра III. Въ Москвѣ въ Третьяковской галлереѣ находится прекрасный портретъ Жуковскаго кисти Рейтерна, пожертвованный сыномъ поэта Павл. Вас. Жуковскимъ. Въ 1841 г. старая дружба была закрѣплена бракомъ Жуковскаго на дочери Рейтерна. Молодая дѣвушка пошла за старика поэта и сохранила къ нему любовь въ теченіе всей своей недолгой жизни; она скончалась вскорѣ послѣ мужа, въ 1856 г. Послѣднія 11 лѣтъ жизни Жуковскаго были освѣщены кроткимъ сіяніемъ ея любви. Жуковскій съ 1841 г. проживалъ за границей, большей частью вмѣстѣ съ Рейтерномъ, причемъ въ первые годы былъ очень доволенъ своей жизнью, пока не послѣдовало перваго разстройства его жены [1]).

Жуковскій, указывалъ на болѣзненное состояніе Рейтерна, просилъ оставить его за границей, причисливъ къ франкфуртской миссіи безъ жалованья и возложивъ на него званіе корреспондента Академіи художествъ. Жуковскій цѣнилъ въ Рейтернѣ «высокій и чистый характеръ». Онъ пересылалъ его картины въ Петербургъ, покровительствовалъ его сыну, своему шурину. Въ отзывахъ своихъ о Рейтернѣ Жуковскій считаетъ его однимъ изъ первоклассныхъ живописцевъ своего времени [2]). Въ 1849 г. онъ отправилъ въ Петербургъ его картину «Жертвоприношеніе Авраама», которая была на выставкѣ во Франкфуртѣ и обратила на себя вниманіе. Жуковскій препроводилъ къ Наслѣднику Цесаревичу похвальный отзывъ объ этой картинѣ историка живописи Вагнера въ «Preussische Staats—Anzeiger». Знатоки живописи считаютъ эту картину лучшимъ произведеніемъ Рейтерна [3]). Она нынѣ находится въ Музеѣ Императора Александра III въ Петербургѣ.

---

1) *Зейдлицъ*, 141, 175, 180—186.
2) *Жуковскій*, Сочин. VI, 490, 511—514, 596—598.
3) *А. С—въ*, въ Энцикл. Слов. Брокгауза, т. 52, 510.

35.

В. А. Жуковскій и А. Л. Витбергъ.

Несчастная судьба талантливаго художника А. Л. Витберга, автора первоначальнаго грандіознаго проекта Храма Спасителя, не прошла для Жуковскаго незамѣченной. Извѣстно, что Храмъ Спасителя сначала былъ заложенъ по проекту Витберга, но вскорѣ постройка была, по разнымъ причинамъ, прекращена, и Витбергъ сосланъ въ Вятку, гдѣ онъ сблизился съ другимъ знаменитымъ ссыльнымъ Герценомъ. Въ «Былое и Думы» Герцена Витбергу отведено нѣсколько прочувствованныхъ теплыхъ страницъ. Жуковскій познакомился съ Витбергомъ еще до ссылки и оказывалъ ему поддержку. И по ссылкѣ онъ высказывался въ его пользу и, между прочимъ, совѣтовалъ спросить у него мнѣнія относительно новаго проекта Храма Спасителя архитектора Тона [1]).

---

[1]) *Русск. Стар.* 1876, XVII, 282.

36.

В. А. Жуковскій и Фридрихъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ художниковъ современниковъ Жуковскій болѣе всего сочувствовалъ живописцу Фридриху, съ которымъ онъ познакомился въ 1821 г. въ Дрезденѣ. Между Жуковскимъ и Фридрихомъ было внутреннее духовное родство. Ихъ объединяли общія романтическія стремленія, общее тенденціозное меланхолическое отношеніе къ природѣ. Оттого Жуковскаго всегда влекло къ Фридриху; онъ склонялъ художника къ совмѣстному путешествію по Швейцаріи, украсилъ его картинами свой кабинетъ, тщательно пропагандировалъ въ Петербургѣ его произведенія. Послѣ перваго своего знакомства съ Фридрихомъ Жуковскій писалъ своимъ друзьямъ: «Фридриха я нашелъ точно такимъ, какимъ воображеніе мнѣ представляло его, и мы съ нимъ въ самую первую минуту весьма коротко познакомились. Въ немъ нѣтъ ничего идеальнаго. Лицо Фридриха не поразитъ никого, кто съ нимъ встрѣтится въ толпѣ. Это сухощавый средняго роста человѣкъ, бѣлокурый, съ бѣлыми бровями, нависшими на глаза. Отличительная черта его физіономіи есть простодушіе; таковъ онъ характеромъ... Онъ говоритъ безъ краснорѣчія, но съ живостью непритворнаго чувства, особливо, когда рѣчь коснется любимаго его предмета—природы, съ которой онъ какъ семьянинъ». Далѣе Жуковскій говоритъ, что хотя въ картинахъ Фридриха нѣтъ ничего мечтательнаго, но все-таки онъ трактуетъ сюжетъ не какъ артистъ, а какъ мыслитель, который видитъ въ природѣ символъ человѣческой жизни. Фридрихъ, по словамъ Жуковскаго, даже пренебрегаетъ правилами искусства; онъ пишетъ свои картины не для глазъ знатока живописи, а для души. И къ оцѣнкѣ другихъ произведеній Фридрихъ примѣнялъ такую душевную точку зрѣнія [1]).

Въ письмахъ Жуковскаго разбросано нѣсколько замѣчаній, цѣнныхъ для изученія художественнаго творчества Фридриха. Онъ ожидалъ минуты вдохновенія, которое приходило къ нему часто во снѣ: «вдругъ какъ-будто кто-то разбудитъ; онъ вскочетъ, откроетъ глаза и, что душѣ надобно, стоитъ передъ глазами, какъ привидѣніе; тогда скорѣе за каран-

[1]) *Зейдлицъ*, Жизнь и поэзія Жуковскаго, 120.

дашъ и рисуй! Отъ совмѣстнаго съ Жуковскимъ путешествія по Швейцаріи въ 1821 г. Фридрихъ отказался потому, что для творчества ему необходимо быть съ природой наединѣ. «Самый близкій другъ мой, говорилъ Фридрихъ, меня уничтожитъ, и бывши съ вами, я не буду годиться ни для себя, ни для васъ» [1].

Романтическая манера Фридриха ярко описана Жуковскимъ въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ 1826 г. по поводу одной его картины. У кладбищенскихъ воротъ ночью стоятъ двѣ горестныхъ тѣни—мужъ и жена; вдали виднѣется могила ихъ ребенка. Въ туманѣ виднѣются тѣни предковъ ребенка и ангелъ мира съ масличной вѣткой» [2]... Въ 1829 г. въ мастерской Фридриха было три картины, изъ коихъ Жуковскій готовъ былъ взять двѣ съ платой по пяти фридрихсдоровъ за каждую. Содержаніе картинъ видно изъ письма Фридриха къ Жуковскому—содержаніе романтическое: 1) Ein Judengrab, in flacher Gegend, beim letzen Strahl der Sonne, 2) Ein Christengrab: eine Mutter am Grabe ihres Kindes и 3) Ein auf felsen aufgerichtetes Kreuz [3]. Фридрихъ—художникъ, по мотивамъ, такъ сказать, кладбищенскій и могильный, въ духѣ романтизма Жуковскаго. Понятно, что Жуковскій поддерживалъ его. Изъ писемъ Жуковскаго къ Пушкиной 1827 и 1828 г. видно, что Жуковскій взялъ съ Фридриха обѣщаніе ежегодно весной присылать ему въ Петербургъ по двѣ картины [4].

Такимъ путемъ Жуковскій хотѣлъ поддержать художника, но, повидимому, это благотворительное дѣло не выгорало, по слабости художника. Въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ Дрездена отъ 2 октября 1828 г. Жуковскій, упоминаетъ мимоходомъ объ одной картинѣ Фридриха и замѣчаетъ: «Въ его мастерской не имѣется ничего особенно замѣчательнаго по части живописи». Но вотъ прошло 10 лѣтъ Фридрихъ впалъ въ болѣзнь и въ нужду, и Жуковскій въ 1838 г. изъ-за границы пишетъ Наслѣднику Цесаревичу: «Здѣсь есть живописецъ Фридрихъ, котораго картины вамъ извѣстны, между прочимъ двѣ большія (лунная ночь и туманъ въ горахъ) въ Александріи. Этотъ бѣднякъ уже года четыре какъ въ параличѣ, писать не можетъ и терпитъ бѣдность. Государь былъ у него въ 1820 г.; тогда онъ сказалъ ему: «Фридрихъ, если будешь въ нуждѣ, дай мнѣ знать; я тебѣ помогу». Фридрихъ хотѣлъ воспользоваться этимъ теперь, когда въ самомъ дѣлѣ нужда настала..... Фридрихъ самый добрый и достойный человѣкъ. Онъ по не-

---

[1]) *Зейдлицъ*, 121, *Загаринъ*, 243, 245.
[2]) *Загаринъ*, 329.
[3]) *Девятн. вѣкъ*, I 425.
[4]) Ib. 421, 422.

счастью пережилъ свое дарованіе; заступите теперь мѣсто государя и помогите ему. Позвольте мнѣ именемъ вашимъ, если сами не найдете времени, взять у него на одну или двѣ тысячи рублей рисунковъ и картинъ, чего найдется. Это будетъ доброе дѣло» [1]). Такъ Жуковскій пришелъ къ устарѣвшему художнику на помощь черезъ 18 лѣтъ послѣ перваго съ нимъ знакомства, когда и та небольшая извѣстность, которой нѣкогда пользовался Фридрихъ, померкла, и даже снисходительный Жуковскій призналъ, что Фридрихъ пережилъ свое дарованіе».

---

[1]) *Жуковскій*, Сочиненія, VI, 266, 400.

37.

В. А. Жуковскій и Лауницъ.

Въ 1843 г. Жуковскій писалъ изъ Дюссельдорфа къ Наслѣднику Цесаревичу о заказѣ гипсовъ художнику *Лауницу*, «доброму и почтенному». Онъ находилъ, что «гипсы выбраны съ умомъ, слѣплены съ оригиналовъ» и просилъ Цесаревича въ видѣ одолженія къ нему, Жуковскому, оказать особенное вниманіе Лауницу, который это заслуживаетъ и какъ артистъ, ученикъ Торвальдсена, теперь уже знаменитый въ Европѣ, и какъ человѣкъ, душею преданный Цесаревичу»[1]).

Жуковскій былъ правъ въ своихъ похвалахъ Лауницу. Скульпторъ Лауницъ (1797—1869), ученикъ Торвальдсена, оставилъ много превосходныхъ произведеній. Въ 40-е годы талантъ его былъ въ расцвѣтѣ. Главныя его произведенія находятся во Франкфуртѣ на Майнѣ, скульптурныя украшенія городского театра, колоссальныя аллегорическіе статуи въ старой биржѣ, превосходный памятникъ Гутенбергу[2]).

Изъ русскихъ людей, друзей Жуковскаго, Лауница хорошо зналъ и ему покровительствовалъ Н. М. Смирновъ. Онъ въ 1836 г. въ письмѣ къ Жуковскому называлъ Лауница «знаменитымъ» и совѣтовалъ сдѣлать маленькія статуи выдающихся русскихъ писателей и государственныхъ дѣятелей[3]).

---

[1]) *Жуковскій*, Сочиненія, изд. 1885, VI, 451.
[2]) *А. Сомовъ*, въ Энцикл. Слов. Брокгауза, XXXIII, 395.
[3]) *Русск. Арх.* 1899, стр. 626.

38.

В. А. Жуковскій и Клара.

Жуковскій въ своемъ покровительствѣ художникамъ наряду съ цѣлями собственно филантропическими преслѣдовалъ интересы развитія искусства, что выразилось въ его заботахъ о живописцѣ Кларѣ. Въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ Дрездена въ Октябрѣ 1826 г. Жуковскій настойчиво просилъ объ отпускѣ съ нимъ за границу Клары для художественнаго образованія». Клара одаренъ истиннымъ талантомъ къ живописи; онъ можетъ сдѣлаться отличнымъ художникомъ. До сихъ поръ онъ былъ лишенъ всѣхъ средствъ къ совершенствованію; онъ никогда не изучалъ природы, а только отгадывалъ ее. Императоръ Александръ возымѣлъ мысль опредѣлить его граверомъ въ Эрмитажъ. Оставаясь въ Петербургѣ, онъ никогда не увидитъ тѣхъ прелестныхъ видовъ, которые онъ встрѣчаетъ здѣсь на каждомъ шагу; онъ заглохнетъ въ своей рутинѣ, и его замѣчательный талантъ никогда не достигнетъ своего развитія. Моя просьба, продолжаетъ Жуковскій, заключается въ томъ, чтобы исходатайствовать ему соизволеніе Его Императорскаго Величества пробыть еще три года за границею съ сохраненіемъ содержанія (съ 1 янв. 1827 г.). Тогда онъ увидитъ Италію и вернется въ Россію, усовершенствовавъ свои дарованія, хорошимъ художникомъ и счастливымъ на всю жизнь. Присовокупляю здѣсь, что онъ совершенно бѣденъ и долженъ содержать престарѣлую мать, что было для него весьма трудно, потому что его талантъ доставляетъ ему до сихъ поръ очень скудныя средства [1]).

Черезъ три мѣсяца, въ январѣ 1827 г., Жуковскій въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ возобновляетъ свою просьбу и умоляетъ Императрицу передать ее Государю. Въ добрыхъ дѣлахъ Жуковскій былъ очень настойчивъ. Просьба Жуковскаго достигла цѣли, но, кажется, Клара не былъ ея достоинъ. Изъ писемъ Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной видно, что Клара въ концѣ 1827 г. былъ уже за границей и, пользуясь выхлопотанной для него Жуковскимъ матеріальной поддержкой, не давалъ ни отчета, не писалъ ничего самому Жуковскому.

---

[1]) *Жуковскій*, Сочиненія, изд. Ефремова, 1885, VI, 265, 273.

Въ ноябрѣ 1827 г. Жуковскій писалъ Пушкиной: «теперь просьба—дайте знать что-нибудь о Кларѣ. Въ Дрезденѣ ли онъ и что дѣлаетъ?», въ февралѣ 1828 г.: «Не знаете ли чего о Кларѣ? Прошу сказать ему, чтобы онъ меня увѣдомилъ. Послѣ перваго мая нужно свидѣтельство о жизни Клары; безъ этого ему не выдадутъ жалованья, а самъ онъ не подумаетъ». Въ 1829 г. Жуковскій выслалъ за границу на имя матери Клары 500 руб. и просилъ Пушкину передать ему, что «онъ весьма бы нехудо сдѣлалъ, когда бы хоть разъ въ жизни ко мнѣ написалъ и увѣдомилъ, что дѣлаетъ и что хочетъ дѣлать. Онъ удивительный чудакъ!». И далѣе слѣдуетъ новое напоминаніе о представленіи отчета для полученія жалованья. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на очевидную неблагодарность этого сомнительнаго художника, Жуковскій черезъ Пушкину совѣтуетъ ему поѣхать въ Римъ и въ Швейцарію, и въ случаѣ поѣздки въ Римъ предлагаетъ свои рекомендаціи. «Не хочетъ ли въ Римъ? Гагаринъ мнѣ знакомъ, да и вамъ онъ родня; можно будетъ дать ему туда рекомендательное письмо. Также и въ Швейцарію къ Сѣверину [1]).

---

[1]) *Девятнад. вѣкъ* I 421, 422, 425.

39.

В. А. Жуковскій и Боссе.

Жуковскій, по своему добродушію, повидимому иногда ходатайствовалъ за такихъ нѣмецкихъ художниковъ, которые не имѣли достаточно таланта пробить себѣ дорогу собственными силами. Повидимому, нѣмецкіе художники назнали путь къ русскому поэту-филантропу. Въ маѣ 1828 г. Жуковскій писалъ изъ Петербурга въ Дрезденъ Пушкиной: «Скажите отъ меня, прошу васъ, Боссе, живописцу, что я ничего для него не могъ сдѣлать: говорилъ о его картинахъ съ княземъ Волконскимъ; онъ отсылаетъ меня къ Оленину. Оленинъ отсылаетъ меня къ Волконскому. Нѣтъ никакого толку. Пускай Боссе напишетъ Оленину оффиціальное письмо и пускай означитъ въ этомъ письмѣ, что имъ по условію исполнено, т. е. сколько картинъ у него готово, и пускай пришлетъ это письмо мнѣ» [1]).

Перечисленными именами не ограничивается кругъ отношеній и связей Жуковскаго съ современными художниками. И въ Россіи, и за границей онъ искалъ сближенія съ ними, пользовался всякимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы съ одной стороны обогатить свои художественныя впечатлѣнія, и не упускалъ ни малѣйшей возможности поддержать художниковъ, въ видѣ рекомендаціи ихъ произведеній, посредничества, покупки, стипендіи для однихъ, пансіона для другихъ.

---

[1]) *Девятн. вѣкъ*, I 423.

40.

Пребываніе В. А. Жуковскаго въ Харьковѣ и въ Полтавѣ.

Въ 1837 г. Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, по достиженіи совершеннолѣтія, совершилъ путешествіе по Россіи въ сопровожденіи ген.-ад. Кавелина, флиг.-ад. Юрьевича и своего воспитателя поэта В. А. Жуковскаго. По образному выраженію Жуковскаго, Наслѣдникъ Цесаревичъ вступилъ во «всенародное обрученіе съ Россіей». Въ теченіе семи мѣсяцевъ онъ объѣхалъ тридцать губерній и первый изъ членовъ Царствующаго Дома посѣтилъ отдаленную Сибирь. Во время путешествія имъ было принято 16,000 прошеній большей частью о пособіи. По Высочайшему повелѣнію, всѣ вѣдомства должны были безотлагательно заниматься разсмотрѣніемъ и удовлетвореніемъ прошеній, поступившихъ на имя Наслѣдника Цесаревича. Путешественники ѣхали быстро, останавливались въ городахъ на день, на два. Жуковскій писалъ Императрицѣ, что путешествіе это—первое знакомство Наслѣдника съ Россіей—должно имѣть большую нравственную пользу по глубинѣ неизгладимыхъ впечатлѣній. «Прекрасное сердце нашего безцѣннаго Путешественника, замѣчаетъ Жуковскій, пьетъ полную чашу удовольствія, видя, какъ русскій народъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ принимаетъ его» [1]. Со 2 мая по 10 декабря были посѣщены и осмотрѣны многіе города Россіи, въ томъ числѣ Воронежъ, Харьковъ, Полтава.

Въ августѣ и октябрѣ въ предѣлахъ южной Россіи, направляясь въ Вознесенскъ на большой смотръ войскъ, проѣхали еще почти одновременно Императрица Александра Ѳеодоровна съ Великой Княжной Маріей Николаевной и Великая Княгиня Елена Павловна.

Императрица прибыла въ Харьковъ по пути въ Вознесенскъ 18 августа и выбыла 20 августа, послѣ подробнаго осмотра городскихъ учрежденій. Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ вечеромъ 22 августа и, переночевавъ въ Харьковѣ, утромъ 23 августа отправился въ дальнѣйшій путь къ Полтавѣ. На обратномъ пути Императрица пробыла въ Харьковѣ также

---

[1]) *Русск. біографич. словарь*, I, 423.

два дня 8 и 9 октября и Наслѣдникъ Цесаревичъ на этотъ разъ два дня, съ 11 по 13 октября [1]).

Высокія Особы останавливались въ старомъ университетскомъ корпусѣ, гдѣ помѣщается квартира попечителя учебнаго округа, въ томъ самомъ помѣщеніи, гдѣ лѣтъ 50 до того времени, до основанія университета, останавливалась Императрица Екатерина II.

Первое впечатлѣніе отъ Харькова, вынесенное въ августѣ, было, должно быть, не особенно благопріятное. Въ то время стояла дурная погода и была глубокая грязь. Экипажъ Великой Княгини Елены Павловны на Екатеринославской улицѣ такъ основательно увязъ въ грязи, что Великая Княгиня пересѣла въ коляску губернатора, князя Трубецкого [2]).

Жуковскій могъ пробыть въ Харьковѣ лишь во второй проѣздъ, когда онъ провелъ здѣсь съ наслѣдникомъ Цесаревичемъ два дня.

Передъ Харьковомъ лежала на пути Полтава, въ то время мало чѣмъ уступавшая Харькову. Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ въ Полтаву вечеромъ, 3 октября, и на другой день, 10 октября, осматривалъ полтавскія учебныя заведенія. Директоръ полтавскихъ народныхъ училищъ князь Цертелевъ въ донесеніи своемъ попечителю харьковскаго учебнаго округа (Полтавская губернія тогда входила въ составъ харьковскаго учебнаго округа) сообщалъ слѣдующее объ осмотрѣ полтавской гимназіи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Жуковскимъ.

«За полчаса до прибытія въ гимназію Его Высочества, посѣтилъ сіе заведеніе знаменитый поэтъ нашъ В. А. Жуковскій. Обласкавъ учащихъ и учащихся, онъ обратилъ вниманіе свое на классическія занятія учениковъ, разсматривалъ образцы чистописанія, географическія карты, составленныя учениками, опыты ихъ въ рисованіи и черченіи и въ особенности упражненія въ русской словесности, которыя были представлены его превосходительству въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ повременно поступали они къ директору, т. е. съ поправками и замѣчаніями, сдѣланными директоромъ и учениками. При разсмотрѣніи ученическихъ занятій директоръ училища просилъ достопочтеннаго гостя обратить особенное свое вниманіе на упражненія ученика гимназіи Лукашевича, окончившаго курсъ въ 1837 году и поступившаго въ харьковскій университетъ. Знаменитый поэтъ, замѣтивъ въ упражненіяхъ Лукашевича признаки поэтическаго таланта, взялъ отъ директора записку объ этомъ молодомъ человѣкѣ, съ намѣреніемъ видѣть его въ Харьковѣ».

Вскорѣ пріѣхалъ въ гимназію Наслѣдникъ Цесаревичъ. Жуковскій присутствовалъ при обзорѣ гимназіи. По отъѣздѣ Наслѣдника Престола

[1]) *Филаретъ,* Стат. опис. харьк. епарх., II, 79.
[2]) *Харьк. календарь,* 1879, 436.

изъ гимназіи, директоръ училища, по желанію Жуковскаго, доставилъ къ нему опыты учениковъ въ русской словесности и стихи, написанные преподавателемъ русскаго языка Бутковымъ на пріѣздъ Наслѣдника Цесаревича. Стихи были представлены Наслѣднику Жуковскимъ. Авторъ ихъ получилъ въ награду золотые часы, препровожденные ему Жуковскимъ черезъ директора гимназіи [1]).

Жуковскій ѣхалъ въ Харьковъ уже съ добрымъ намѣреніемъ относительно студента харьковскаго университета Лукашевича.

Въ Харьковѣ Жуковскій также сопутствовалъ Наслѣдника Цесаревича при осмотрѣ университета и губернской гимназіи. Какъ литературный человѣкъ, онъ пошелъ здѣсь далѣе; онъ разыскалъ Гр. Ѳ. Квитку, познакомился съ нимъ, поддержалъ его совѣтами, взялся быть посредникомъ въ сношеніяхъ его съ редакціей «Современника», вообще, оказалъ самую дружественную и широкую поддержку скромному и робкому украинскому писателю. Черезъ два года, въ іюнѣ 1830 г., Квитка въ письмѣ къ Плетневу, вспоминая о Жуковскомъ, замѣтилъ: «Узнавъ его, нѣтъ границъ моего къ нему почтенія, уваженія и утвердившагося удивленія».

И въ Полтавѣ, и въ Харьковѣ Жуковскій пробылъ недолго, около двухъ дней въ каждомъ городѣ; но и это кратковременное пребываніе не прошло безслѣдно. Жуковскій успѣлъ внести въ свой дорожный альбомъ рисунокъ Шведской могилы, успѣлъ сдѣлать нѣсколько добрыхъ дѣлъ. Одинъ древній философъ говорилъ, что нужно жить такъ, чтобы ни одинъ день не пропадалъ безслѣдно—nulla dies sine linea, и Жуковскій, у котораго не только поэзія, но и сама его личная жизнь были синонимомъ добродѣтели, не проводилъ ни одного дня, не вписавъ въ него хорошую страницу или въ формѣ мягкаго гуманнаго стихотворенія, или въ формѣ хорошаго, добраго дѣла.

---

[1]) *Дѣло Архива канц. попеч.* х. у. окр. 1837 № 2752.

41.

Рѣчь проф. Н. Ф. Сумцова о В. А. Жуковскомъ въ Пушкинской школѣ 23 апрѣля.

Моя случайная рѣчь обращена не къ взрослымъ, здѣсь присутствующимъ, а къ вамъ, дѣти. Мнѣ хочется обяснить вамъ, чѣмъ и какъ вы можете чествовать память Жуковскаго.

Вспомнимъ сначала, что четыре года назадъ въ Харьковѣ было большое торжество въ честь великаго русскаго писателя Пушкина, и тогда заложено было то прекрасное училище, въ которомъ вы нынѣ учитесь.

Вспомните, что два мѣсяца назадъ вы принимали участіе въ чествованіи другого великаго писателя—Гоголя—вамъ тогда роздали книжки, вы участвовали въ живыхъ картинахъ, многихъ изъ васъ водили въ театръ на «Ревизора».

Сегодня вы призваны къ участію въ чествованіи современника и друга Пушкина и Гоголя—Василія Андреевича Жуковскаго. Изъ того, что вы сегодня услышите отъ вашихъ преподавателей, что потомъ сами прочитаете въ книжкахъ, вы узнаете, что Жуковскій былъ человѣкъ въ высшей степени добрый. Всю свою долгую жизнь онъ только и хлопоталъ о томъ, какъ бы принести поболѣе пользы людямъ, облегчить положеніе нуждающихся, утѣшить въ горѣ и несчастіи. Одновременно съ Пушкинымъ и Гоголемъ, иногда по взаимному съ ними дружескому соглашенію, Жуковскій создавалъ такія произведенія, которыя развивали въ людяхъ добрыя чувства и пріохочивали къ чтенію хорошихъ книгъ. Въ добавокъ Жуковскій былъ отличнымъ учителемъ, умнымъ, добрымъ, ласковымъ, и онъ былъ счастливъ тѣмъ, что судьба послала ему въ ученики Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, Царя-Освободителя, доброе сердце котораго было открыто для всѣхъ добрыхъ внушеній. Великій Князь въ дѣтствѣ и юности учился у Жуковскаго и вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ по Россіи. Въ своихъ письмахъ онъ иначе не отзывался о своемъ учителѣ, какъ «мой добрый Жуковскій», «мой безцѣнный Жуковскій», достойный примѣръ для всѣхъ тѣхъ, кто сохранилъ привязанность и благодарность къ своимъ учителямъ и наставникамъ.

Но мы еще не объяснили, чѣмъ и какъ вы можете участвовать въ чествованіи памяти Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и другихъ великихъ русскихъ людей, вы—дѣти, люди маленькіе еще по самому вашему возрасту. Вы навѣрно думаете, что участіе ваше исчерпывается тѣмъ, что вы помолитесь на панихидѣ за упокой ихъ душъ, скажете отрывки изъ ихъ произведеній, примете участіе въ живыхъ картинахъ, получите на память книжечки. Все это для васъ, дѣти, полезно потому, что расширяетъ кругъ вашихъ свѣдѣній и закрѣпляетъ въ вашей памяти славныя имена; но всего этого еще мало и даже весьма мало. Постарайтесь такъ учиться и такъ жить, нынѣ и впослѣдствіи, по выходѣ изъ школы, чтобы быть достойными Пушкинской школы и всей своей жизнью чествовать память Жуковскаго, Пушкина и Гоголя, и это сдѣлать не такъ трудно, какъ кажется, если вы будете читать и полюбите ихъ сочиненія и если будете слѣдовать тѣмъ наставленіямъ, которыя слышите въ школѣ отъ вашихъ наставниковъ.

Многіе изъ васъ живутъ на далекихъ, глухихъ и бѣдныхъ окраинахъ, въ подвалахъ, въ темныхъ углахъ, среди грубыхъ и невѣжественныхъ людей. Многіе изъ васъ видятъ картины пьянства, буйства и часто сталкиваются съ такими людьми, съ языка которыхъ не сходитъ сквернословіе, которые и вамъ, и вашимъ ближнимъ раздаютъ пинки и удары и даже похваляются своей пьяной разнузданностью и дикой грубостью. Не подражайте имъ, ни на словахъ, ни на дѣлѣ, и помните, что вы учились для того, чтобы быть хорошими, не оскверняйте вашего дѣтскаго языка, вашего чистаго сердца—и такимъ образомъ вы уже будете чествовать память великихъ русскихъ людей, память Жуковскаго.

Идите далѣе, и старайтесь утѣшить тѣхъ, кто плачетъ отъ горя и обиды, помочь тому, кто нуждается въ вашей помощи, кому добрымъ словомъ, кому добрымъ дѣломъ, будьте утѣшеніемъ и опорой для вашихъ родителей; въ особенности въ дни ихъ болѣзни, нужды и горя, будьте всегда ласковыми и добрыми, и вы тогда будете гордостью Пушкинской школы, вы будете дорогими, уважаемыми членами общества, вы будете духовными дѣтьми добраго Жуковскаго. Итакъ, дѣти, пусть вся ваша добрая жизнь будетъ служить чествованіемъ добраго писателя. Жуковскій въ своихъ стихахъ завѣщалъ вамъ хорошее наслѣдство; онъ для васъ не умеръ, онъ живетъ и смотритъ теперь на васъ среди цвѣтовъ и зелени съ ласковой улыбкой, какъ добрый наставникъ.

42.

Къ чествованію памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго.

21-го февраля исполнится 50-лѣтіе со дня кончины Гоголя, а 12-го апрѣля 50-лѣтіе со дня кончины Жуковскаго. Вся Россія воздастъ тогда хвалу этимъ корифеямъ литературы, и Харьковъ внесетъ свою долю участія.

Уже теперь извѣстны нѣкоторыя предположенія. Извѣстно, что Общество грамотности готовитъ нѣсколько общедоступныхъ изданій. Извѣстно, что намѣчены университетскій сборникъ статей о Гоголѣ и Жуковскомъ, медали за изслѣдованія по русскому языку и литературѣ и торжественныя засѣданія историко-филологическаго Общества и педагогическаго отдѣла. Извѣстно далѣе, что городская училищная коммиссія представляетъ въ городскую управу свои соображенія по вопросу объ участіи города въ чествованіи памяти Гоголя и Жуковскаго; но краткій докладъ училищной коммиссіи касается только школъ и не трактуетъ вопроса по существу. Возможны и желательны еще другія дополнительныя рѣшенія; быть можетъ, не совсѣмъ лишними окажутся нижеслѣдующія соображенія по этому поводу:

Недавно Нѣмецкая улица переименована въ Пушкинскую, и населеніе очень быстро освоилось съ этой перемѣной. Можно сказать, что названіе улицы Нѣмецкою идетъ къ общему забвенію. Новое наименованіе, однако, нуждается еще въ осуществленіи думскаго постановленія о постановкѣ бюста Пушкина въ театральномъ скверѣ противъ Пушкинской улицы. Тогда, съ постановкой бюста, новое наименованіе будетъ окончательно закрѣплено, оформлено и, такъ сказать, монументально мотивировано.

21-го февраля 1902 г. слѣдовало бы переименовать Сумскую улицу въ улицу Н. В. Гоголя, и въ добавокъ къ такому новому наименованію, въ подкрѣпленіе его, поставить бюстъ Гоголя передъ зданіемъ драматическаго театра на томъ мѣстѣ, гдѣ недавно стоялъ павильонъ, или въ началѣ сквера. Названіе улицы Сумской нынѣ представляется странной аномаліей, такъ какъ выѣздъ въ Сумы идетъ совсѣмъ съ противоположной части города. Что касается до мѣста постановки бюста Гоголя

передъ театромъ, то врядъ ли можно выбрать другое болѣе подходящее, въ виду громаднаго значенія «Ревизора» въ исторіи русскаго театра и драматической литературы. Сумская улица идетъ съ юга на сѣверъ и, какъ Гоголевская улица, она будетъ естественнымъ символомъ того направленія, какое при Гоголѣ и благодаря Гоголю получила малорусская словесность. Славесность эта съ Гоголемъ пошла на сѣверъ и обогатила русскую литературу новыми образами, новыми выраженіями и новыми богатыми духовными настроеніями.

12 апрѣля въ память Жуковскаго Рымарская улица могла бы получить новое, гораздо болѣе почетное названіе—улицы В. А. Жуковскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можно было бы озаботиться постановкой бюста поэта въ маленькомъ скверѣ передъ зданіемъ женской Маріинской гимназіи, въ виду важнаго педагогическаго значенія Жуковскаго. Въ терминѣ Рымарская нѣтъ ничего такого, что заставляло бы дорожить имъ, что требовало бы его сохраненія для памяти потомства. Названіе Рымарская происходитъ отъ малорусскаго слова римарь, (заимствованнаго съ нѣмецкаго Riemer, т. е. сѣдельникъ, шорникъ), и означаетъ только, что на этой улицѣ нѣкогда процвѣталъ шорный промыселъ, какъ на Чеботарской—сапожный, на Кацарской—ковровый.

Въ результатѣ три хорошихъ параллельныхъ улицы, Гоголевская, Пушкинская и Жуковская, въ лучшей части города служили бы символомъ одного изъ лучшихъ періодовъ русской литературы, когда параллельно развивались три большихъ таланта, которые, при всемъ ихъ различіи въ складѣ ума и характера, всю жизнь были большими друзьями и дѣйствовали на почвѣ взаимнаго уваженія.

Вопросъ о переименованіи Сумской и Рымарской улицъ въ улицы имени Гоголя и Жуковскаго представляетъ, между прочимъ, педагогическій интересъ. На этихъ улицахъ и вблизи ихъ разбросано много средне-учебныхъ заведеній, пять женскихъ, два мужскихъ; тутъ намѣчено второе реальное училище. Тутъ, кромѣ того, нѣсколько высшихъ и много низшихъ учебныхъ заведеній. Для ума и сердца учащейся молодежи новыя названія не будутъ чужды, а, при извѣстномъ освѣщеніи, отчасти уже намѣченномъ въ предыдущихъ строкахъ, названія эти, въ связи съ бюстами, будутъ служить историческими и монументальными доказательствами общественнаго чествованія памяти великихъ дѣятелей русскаго просвѣщенія.

Въ заключеніе, два слова о способѣ личнаго наименованія улицъ, какъ формѣ общественнаго чествованія. Намъ нѣтъ никакой надобности отъ него отказываться, такъ какъ такая форма существуетъ во всѣхъ культурныхъ странахъ. Она не лишена значенія въ связи съ другими

способами чествованія. Мы желали бы внести въ нее только маленькую поправку. Въ обществѣ и въ печати обнаруживается большая наклонность къ прилагательнымъ формамъ. Говорятъ: Пушкинская улица, Скобелевская площадь и т. д., и пусть говорятъ. Въ основѣ такого пріема лежитъ общій законъ сбереженія силы въ формѣ возможныхъ сокращеній и упрощеній. Но такая прилагательная форма чествуемыхъ собственныхъ именъ отличается духомъ принижающей нивеллировки. Собственное имя хранитъ личное индивидуальное начало. Чѣмъ болѣе выдвигается это начало, тѣмъ ярче выступаетъ уважительное отношеніе къ личности. Потому, въ почетныхъ наименованіяхъ улицъ, школъ и проч. нужно не только сохранять неизмѣнно фамилію, но и обставлять ее, гдѣ возможно именемъ и отчествомъ чествуемаго лица. Потому, пусть въ обиходѣ для простоты и удобства будутъ улицы Пушкинская, Гоголевская и друг. т. п. Но, такъ сказать, оффиціально, на доскахъ, въ постановленіяхъ думы должно быть соблюдаемо полное наименованіе: улица въ память Александра Сергѣевича Пушкина, улица въ память Николая Васильевича Гоголя и т. д., какъ наименованіе индивидуальное.

Въ одномъ и томъ же скверѣ, на двухъ противоположныхъ его концахъ, окажутся два бюста—Пушкина и Гоголя, тѣмъ лучше! Пушкинъ былъ другомъ и покровителемъ Гоголя. Онъ далъ темы для лучшихъ его произведеній—«Мертвыхъ душъ» и «Ревизора». Друзья и враги у нихъ были общіе. Когда Гоголь читалъ первыя главы «Мертвыхъ душъ», на литературномъ вечерѣ А. О. Россетъ, Пушкинъ, по своей привычкѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ остановился передъ Гоголемъ, положилъ ему обѣ руки на плечи, долго смотрѣлъ на него и сказалъ ему: «Умница»! и затѣмъ поцѣловалъ его въ лобъ, въ знакъ одобренія.

А близкій къ нимъ бюстъ Жуковскаго долженъ напоминать, какъ Жуковскій любилъ Пушкина и Гоголя и какъ часто онъ выручалъ ихъ изъ затрудненій, можетъ напомнить, въ частности, тотъ эпизодъ, какъ на одномъ литературномъ чтеніи Пушкина Жуковскій подошелъ къ нему и поцѣловалъ, сказавъ: «Ты, ты—мое неоцѣненное сокровище»!

Примѣчаніе. Статья эта была напечатана въ № 7265 «Южн. Края» 1902 г. Изъ предложеній, высказанныхъ въ статьѣ, городской думой принята постановка бюстовъ.

43.

Малорусскій элементъ въ творчествѣ Н. В. Гоголя.

Недавно въ печати было высказано замѣчаніе, что «малорусская словесность съ Гоголемъ пошла на сѣверъ и обогатила русскую литературу новыми образами, новыми выраженіями и новыми богатыми духовными настроеніями». Это краткое и мимолетное замѣчаніе, съ одной стороны, вызвало возраженіе, что малорусской словесности лучше было оставаться въ нарочито невеликомъ городѣ Миргородѣ, а съ другой стороны—послышались голоса противъ хохлацкихъ духовныхъ настроеній, которыя, разумѣется, нельзя примирить съ домостроевскими представленіями о красотѣ и благородствѣ. Какъ бы то ни было, фактъ безспорный, что малорусскій элементъ имѣлъ огромное значеніе въ творчествѣ Гоголя.

Въ письмѣ къ А. О. Россетъ-Смирновой 1844 года Гоголь говоритъ: «Скажу вамъ одно слово на счетъ того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это служило предметомъ вашихъ разсужденій, и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой; явный знакъ, что онѣ должны пополнить одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго были даны имъ не похожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, слившись въ едино составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ».

Это общій взглядъ; но за нимъ скрываются такіе душевные запасы куда Гоголь не пускалъ даже близкихъ своихъ друзей, которые онъ ревниво и заботливо хранилъ про себя и только для себя. Изъ этой таинственной сокровищницы онъ извлекалъ лучшія свои произведенія, наиболѣе сильные и оригинальные художественные образы, самыя мѣткія выраженія. Гоголь сознавалъ, что по его сочиненіямъ можно заглянуть въ тайныя кладовыя его духа, и потому онъ прямо запрещалъ изученіе своихъ произведеній. «На сочиненіяхъ моихъ не основывайтесь, писалъ

онъ въ томъ же 1844 г., и не выводите оттуда никакихъ заключеній о мнѣ самомъ... Въ нихъ, точно, есть кое-гдѣ хвостики душевнаго моего состоянія, но безъ моего собственнаго признанія ихъ никто не замѣтитъ и не увидитъ» [1]). Такъ ли? Съ этимъ нельзя согласиться. При серьезномъ изученіи произведеній писателя всегда уловляются «хвостики душевнаго состоянія».

Т. Г. Шевченко свой личный житейскій опытъ называлъ «коморой», что выразилъ въ художественной формѣ, какъ тяжелые годы ссылки изъ его «коморы».

Багато де чого взялы...
И въ море пышкомъ однеслы
И пышкомъ проковтнуло море.

И у Гоголя, въ его украинской душѣ, была такая «комора», свѣтлая, залитая южнымъ солнцемъ, полная яркими впечатлѣніями «невозвратно мелькнувшаго» дѣтства, съ украинскими лѣтними ночами, украинскими тополями, съ чуднымъ Днѣпромъ, съ звонкимъ дѣвичьимъ смѣхомъ, съ кобзарями, чумаками, аистами на крышахъ хатъ и безконечнымъ разливомъ въ то время еще хрустально-чистой малорусской народной пѣсни. Хранилъ Гоголь этотъ завѣтный уголокъ своей хохлацкой души, какъ хранятъ религіозное чувство, скромно, осторожно, боязливо, чтобы не прикоснулись къ нему грязными руками и не осквернили насмѣшкой или сыскомъ.

Когда Гоголь двадцатилѣтнимъ юношей переселился изъ Малороссіи въ Петербургъ, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ того времени, Александра Осиповна Россетъ, отмѣтила въ своихъ «Запискахъ:» Я увѣрена, что сѣверное небо давитъ Гоголя, какъ свинцовая шапка: порой оно бываетъ такое тяжелое... Я обѣщала Пушкину бранить бѣднаго хохла, если онъ будетъ слишкомъ грустить въ сѣверной Пальмирѣ, гдѣ солнце всегда имѣетъ такой болѣзненный видъ» [2]). И эта умница «колибри», какъ Жуковскій называлъ Россетъ за ея маленькій ростъ, эта красавица, «Саша черненькая», какъ называли ее при Дворѣ, гдѣ она была фрейлиной Императрицы Маріи Θеодоровны, такъ «бранила» «бѣднаго хохла», что онъ при всей его замкнутости и скрытности, сталъ вполнѣ довѣрять ей, какъ одному изъ лучшихъ своихъ друзей и доброжелателей. Прошло семь лѣтъ, и Гоголь почти навсегда оставилъ угрюмый сѣверъ и удалился сначала въ болѣе теплую Западную Германію, наконецъ подъ жаркое солнце Рима.

---

[1]) *Гоголь,* Письма изд. Маркса, II, 577.
[2]) *Смирнова,* Записки, I, 43.

А. С. Хомяковъ, одинъ изъ столповъ стараго славянофильства, прекрасно знавшій Гоголя, одно время совмѣстно съ нимъ жившій въ Эмсѣ, въ послѣдній годъ своей жизни писалъ, что «Гоголь любилъ Малороссію искреннѣе, полнѣе, непосредственнѣе; всю Русь любилъ онъ больше, много требовательнѣе. Въ первыхъ своихъ твореніяхъ живой, искренній, коренной малороссъ, онъ шелъ не колеблясь, полный тѣхъ народныхъ стихій, отъ которыхъ, къ счастью своему, Малороссія никогда не отказывалась» [1]—замѣчательная оцѣнка со стороны такого живого, искренняго и коренного великороса, какимъ былъ А. С. Хомяковъ.

Мѣсяца два тому назадъ вышло большое и цѣнное изслѣдованіе профессора гельсингфорскаго университета Мандельштама о характерѣ гоголевскаго стиля. Отдѣльная обширная глава посвящена опредѣленію малороссійскаго элемента въ стилѣ Гоголя [2]. «Конечно, необходимо признать, говоритъ г. Мандельштамъ, что горизонтъ поэтическаго творчества Гоголя расширяется постепенно. Первоначально художникъ ограничивается рисовкою картинъ изъ быта и преданій своей родины. Позже онъ обнимаетъ все болѣе далекій кругъ русской жизни; но у Гоголя всегда сохранился уголъ, куда заглядывать не позволялось никому, гдѣ онъ жилъ жизнью только малоросса; онъ чувствовалъ себя здѣсь свободнѣе, непосредственнѣе, правдивѣе и художественнѣе настроеннымъ. При направленіи мысли въ сторону Малороссіи, самый языкъ его преобразуется: онъ тогда становится чисто гоголевскимъ.

Когда поэтъ очутился вдали отъ родины, вдали отъ близкихъ, онъ естественно ловитъ всякій образъ, всякій намекъ на образъ, чтобы хотя мысленно перенестись туда, гдѣ все такъ дорого ему, все такъ любо, и на самомъ дѣлѣ мы замѣчаемъ каждый разъ стремленіе dahin, dahin, тяготѣніе въ сторону родимую. «Туда, туда, въ Кіевъ, писалъ Гоголь Максимовичу, въ древній, прекрасный Кіевъ»...

Анализируя языкъ Гоголя, г. Мандельштамъ говоритъ, что раннія его повѣсти представляютъ какъ бы переводъ съ умственнаго малорусскаго оригинала—такъ много въ нихъ малорусскихъ оборотовъ, словъ и выраженій. И въ позднѣйшихъ лучшихъ произведеніяхъ, даже въ самомъ крупномъ—въ «Мертвыхъ душахъ», мысли и чувства Гоголя лежатъ, главнымъ образомъ, на сторонѣ его малорусской душевной стихіи. Вездѣ, гдѣ только являются воспоминанія, напримѣръ, въ началѣ VI главы, они дышатъ необычайной теплотой и задушевностью чувства, а эти настроенія возможны были, разумѣется, лишь при условіи мысленнаго обра-

---

[1] *Русская Бесѣда*, 1860, I, 15.
[2] *Мандельштамъ*, 194—241.

щенія къ Малороссіи, главной вдохновительницѣ Гоголя въ моменты его творческой дѣятельности.

По словамъ проф. Мандельштама, «дѣятельность мысли на малорусскомъ языкѣ давала Гоголю большую продуктивность... На родномъ языкѣ Гоголь былъ глубоко художественъ и глубоко правдивъ и поэтому, подчеркиваетъ проф. Мандельштамъ, именно высоко цѣнно было вліяніе малорусскаго языка на литературный языкъ русскій, воспринявшій эти элементы. У Гоголя замѣтно, какъ пользованіе то малорусскимъ, то русскимъ языкомъ даетъ мысли то или другое направленіе. Къ малорусскому языку Гоголь тѣмъ ближе, чѣмъ болѣе основная стихія его міровоззрѣнія, его юморъ, его чувство выступаетъ на первый планъ».

Съ выходомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» русскій литературный языкъ Гоголя совершенно окрѣпъ; но въ глубинѣ его души еще жила коренная малорусская стихія, жила она даже въ Римѣ, въ концѣ жизни Гоголя, но прорывалось лишь въ моменты сильнаго душевнаго волненія. Замѣчательный въ этомъ отношеніи эпизодъ разсказываетъ очевидецъ П. В. Анненковъ, извѣстный талантливый критикъ и публицистъ. Онъ жилъ въ Римѣ съ Гоголемъ на одной квартирѣ и записывалъ подъ его диктовку главы «Мартвыхъ душъ». Послѣ особенно удачныхъ главъ спокойствіе Гоголя, сохраняемое имъ во время диктовки, иногда прерывалось, и онъ весь отдавался самой шумной веселости. Такъ, продиктовавши VI главу (много личныхъ воспоминаній; характеристика Плюшкина), Гоголь позвалъ Анненкова гулять, завернулъ въ глухой переулокъ, «здѣсь принялся пѣть разгульную малороссійскую пѣсню и вдругъ пустился просто въ плясъ и сталъ вывертывать зонтикомъ въ воздухѣ такія штуки, что не далѣе двухъ минутъ ручка зонтика осталась у него въ рукахъ, а остальное полетѣло въ сторону. Онъ быстро поднялъ отломанную часть и продолжалъ пѣсню».

Такъ живуча и устойчива была въ душѣ Гоголя родная малорусская стихія, которую онъ тщательно берегъ про себя, не обнаруживая ее даже въ письмахъ, совершенно обезцвѣченныхъ имъ въ національномъ отношеніи.

. . . . . Какое утѣшенье
Ты познавалъ взамѣнъ скорбей,
Когда предметъ для вдохновенья
Ты бралъ у родины своей,
Когда писалъ ты про Украйну...
Въ Украйнѣ съ дѣтства живши самъ,
Ты весь проникся ея духомъ,

Ты близокъ сталъ къ ея мечтамъ,
И ты писалъ... Твои творенья
Украйна любитъ и, любя,
Сегодня чтитъ она тебя....

И не одна Украйна, а вся Россія, та коллективная, сплошная Русь, которой Гоголь посвятилъ такъ много любовныхъ, восторженныхъ строкъ, и не одна Россія, а весь славянскій міръ сегодня торжественно чтитъ память Н. В. Гоголя, какъ одного изъ самыхъ сильныхъ представителей литературнаго творчества. Но какъ бы ни было широко въ международномъ отношеніи это чествованіе, въ творчествѣ Гоголя должна быть признана основная малорусская стихія его душевнаго склада, та скинія завѣта, куда онъ входилъ въ моменты духовнаго творчества и съ которой знакомилъ лишь отчасти въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, откуда онъ главнымъ образомъ черпалъ силу слова и выразительность для своихъ художественныхъ образовъ. Эта скинія завѣта—малорусская народность. Двѣ другихъ благотворныхъ силы гоголевскаго творчества—Жуковскій и Пушкинъ, но о нихъ рѣчь особо.

44.

Къ вопросу о творчествѣ Н. В. Гоголя.

Въ первой книгѣ новаго Харьковскаго журнала «Мирный Трудъ» напечатана статья М. П. Савинова «О творчествѣ Гоголя».

Основная мысль въ статьѣ М. П. Савинова, какъ указываетъ авторъ въ подстрочномъ примѣчаніи, принадлежитъ проф. Потебнѣ. Мысль эта состоитъ въ томъ, что поэтическое творчество является для авторовъ средствомъ самоопредѣленія и самосовершенствованія. Въ приложеніи къ Гоголю разсмотрѣнъ лишь одинъ типъ Хлестакова, въ которомъ, по мнѣнію автора, Гоголь выдѣлилъ и осудилъ нѣчто личное и субъективное. Въ статьѣ г. Савинова много интереснаго, но и много спорнаго. Въ значительной степени спорной представляется самая основная мысль Потебни, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, какъ она выражена и опредѣлена на частныхъ примѣрахъ въ статьѣ М. П. Савинова. Вопросъ еще, дѣйствительно ли поэтическое творчество «безъ всякаго сомнѣнія» ведетъ автора къ «самоопредѣленію» и помогаетъ ли оно ему всегда въ «самосовершенствованіи». Самое понятіе о творчествѣ заключаетъ въ себѣ много расходящихся въ разныя стороны нюансовъ. Въ процессѣ «творчества» иногда берутъ перевѣсъ такія душевныя силы, которыя ведутъ не къ самоусовершенствованію, а, наоборотъ—къ разрушенію физическаго и моральнаго здоровья. Ограничиваясь частнымъ примѣромъ—типомъ Хлестакова, мы могли бы думать, что Гоголь, въ характерѣ котораго дѣйствительно проскальзывали хлестаковскія черты, создавъ «Ревизора», объективировалъ всю свою личную хлестаковщину, осмѣялъ ее, осудилъ и очистился отъ нея въ горнилѣ своего «творчества». Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Хлестаковскія черты Гоголя послѣ «Ревизора» обнаруживаются рѣзче и отчетливѣе, и въ концѣ жизни его прорываются такъ отчетливо въ «Перепискѣ», что самъ Гоголь замѣтилъ это и строго осудилъ самого себя въ письмахъ своихъ къ Жуковскому. Гдѣ же тутъ «самоусовершенствованіе» отъ процесса «творчества»? и, наоборотъ,, не закрѣпилъ ли этотъ процессъ въ чуткой душѣ художника литературный типъ до такой степени, что къ нему стала тянуть живая душа.

Поэтическое творчество, какъ процессъ, ничего общаго съ моралью не имѣетъ, и если отъ него получается «самоусовершенствованіе» въ моральномъ смыслѣ, то такой благопріятный результатъ складывается подъ вліяніемъ многихъ факторовъ очень тонкаго и деликатного душевнаго свойства, потому въ большинствѣ чрезвычайно трудно поддающихся научному анализу. Если бы литературное творчество тѣсно было связано съ нравственнымъ творчествомъ, то всѣ плодовитые и пожившіе долго писатели къ концу своей жизни сдали бы своимъ литературнымъ типамъ всѣ свои недостатки и стали святѣе самого безгрѣшнаго папы римскаго, а среди современныхъ намъ писателей нашлось бы не мало такихъ, которые заслуживали бы помѣщенія въ святцахъ.

Кстати скажемъ еще о приведенномъ выраженіи Лермонтова, что онъ отдѣлывался отъ образа демона стихами. Не довѣрять признанію поэта, разумѣется, мы не имѣемъ достаточнаго основанія, но ничто не мѣшаетъ намъ думать, что стихи давали поэту выходъ лишь въ настроеніи, но вовсе не устраняли самаго образа, который снова и снова являлся привычному къ нему воображенію. Давая поэту временное облегченіе, стихи ничего не прибавляли къ его самоусовершенствованію. Напротивъ, питаемый стихами назойливый демонизмъ сбивалъ несчастнаго горячаго поэта съ пути простыхъ, ласковыхъ и дружественныхъ житейскихъ отношеній, развивалъ его рѣзкость и заносчивость и былъ ближайшей причиной его преждевременной горестной кончины отъ пули Мартынова.

Намъ могутъ сказать, что «самоусовершенствованіе» нужно понимать какъ-нибудь иначе, но, какъ бы ни понимать этотъ терминъ, элемента марали изъ него устранить нельзя, и въ такомъ частномъ примѣненіи, какъ хлестаковщина, моральное значеніе литературнаго творчества не подлежитъ сомнѣнію.

Еще два слова о пользованіи письмами Гоголя. Матеріалъ этотъ важный, но въ приложеніи къ Гоголю чрезвычайно скользкій. Въ письмахъ Гоголя множество противорѣчій, много такого, что вызываетъ сомнѣніе и требуетъ большой и осторожной провѣрки. Многія письма написаны съ несомнѣннымъ расчетомъ на то, что они будутъ многими прочитаны, будутъ даже современемъ опубликованы, и тутъ то труднѣе всего разобраться, гдѣ у Гоголя Warheit и гдѣ Dichtung. Въ 5 пунктѣ своего «завѣщанія», въ началѣ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки», Гоголь возлагаетъ на своихъ друзей обязанность собрать и издать его письма, написанныя съ 1844 г. Въ другомъ мѣстѣ «Переписки», въ первыхъ же строкахъ, находится замѣчаніе Гоголя, что въ его письмахъ находится болѣе нужнаго для человѣка, чѣмъ въ его сочиненіяхъ». Исторія, какъ извѣстно, дала совсѣмъ обратный приговоръ.

Особенно осторожно нужно относиться къ тѣмъ письмамъ Гоголя, весьма многочисленнымъ, гдѣ онъ выставляетъ свои пороки, недостатки— или осуждаетъ себя и кается. Къ такимъ весьма ненадежнымъ матеріаламъ для изслѣдователя принадлежитъ и то письмо, гдѣ Гоголь говоритъ, что онъ надѣлялъ своихъ героевъ своими собственными «гадостями». Если повѣрить Гоголю, то въ немъ жили Плюшкинъ, Хлестаковъ, Собакевичъ, Ноздревъ и др. его герои: но тутъ Гоголю вѣрить нельзя. Если бы его герои хотя въ малой части воплощали личныя свойства автора, то Гоголь былъ бы чудовищнымъ вмѣстилищемъ чрезвычайно многочисленныхъ и разнообразныхъ пороковъ, и отъ него бѣжали бы всѣ крещеные люди. Нужно тогда только удивляться, откуда у Гоголя могли взяться такіе друзья, какъ А. С. Пушкинъ, В. А. Жуковскій, А. О Россетъ-Смирнова, художникъ Ивановъ. Неужели они были такъ недальновидны, что не разсмотрѣли въ Гоголѣ Хлестакова, Плюшкина, Ноздрева? Въ дѣйствительности Гоголь былъ гораздо лучше, чѣмъ онъ самъ расписывалъ себя въ письмахъ, и своихъ знаменитыхъ героевъ онъ нашелъ на сторонѣ, въ сравнительно простыхъ формахъ, а крупными литературными типами сдѣлалъ ихъ художественный геній.

Во всякомъ случаѣ статья, г. Савинова принадлежитъ къ числу тѣхъ статей, которыя читаются съ интересомъ и съ пользой, вызываютъ сомнѣніе, пробуждаютъ споры и, такимъ образомъ, содѣйствуютъ развитію живыхъ литературныхъ интересовъ.

45.

Жуковско-Гоголевская выставка.

Внѣшняя обстановка не отличается удобствами. Такъ входъ на выставку за плату—36; коп., съ учащихся 12 коп.; каталога нѣтъ личныя объясненія можно было получить только въ первыхъ двухъ залахъ, въ первой отъ студента, во второй отъ дѣвицы, особы любезной, но не особенно освѣдомленной. Личныя объясненія тѣмъ неудобны, что они имѣютъ характеръ личнаго одолженія, и, если барышня съ женскимъ тактомъ сумѣла сгладить эту неудобную сторону, то въ манерѣ студента она выступала отчетливо. Поневолѣ приходилось слушать, поучаться и быть благодарнымъ за оказанное вниманіе, поневолѣ потому, что мѣстами не было даже объяснительныхъ ярлычковъ. При этомъ все-таки оставалась неувѣренность въ точности нѣкоторыхъ комментарій, даваемыхъ словесно, притомъ лицами, очевидно, невполнѣ компетентными въ области литературныхъ изученій, иногда очень спорныхъ. Печатный каталогъ давалъ бы болѣе прочную опору, такъ какъ за такимъ каталогомъ предполагается ручательство солиднаго научнаго учрежденія или отдѣльныхъ авторитетныхъ спеціалистовъ.

Жуковскому отведена одна небольшая зала—маловато! Жуковскій пятьдесятъ лѣтъ работалъ, не покладая рукъ, въ литературѣ, въ искусствѣ, въ филантропіи. У него было болѣе личныхъ и литературныхъ связей, чѣмъ у кого-либо другого изъ современныхъ писателей, болѣе, чѣмъ у Карамзина, болѣе, чѣмъ у Пушкина. Отъ Жуковскаго несомнѣнно, осталось множество предметовъ.

Выставка, во всякомъ случаѣ, интересна, какъ юбилейный аксессуаръ.

Очень скудно и бѣдно представленъ художественный отдѣлъ, всего въ одной витринкѣ, десятка два рисунковъ Жуковскаго акварелью, карандашомъ и перомъ. Мнѣ говорили, что выставлена одна папка изъ 15, и, если это вѣрно, то невольно возникнетъ вопросъ, зачѣмъ такая скупость въ такомъ интересномъ и недоступномъ отдѣлѣ, зачѣмъ такая скупость при широкомъ просторѣ помѣщенія, когда пятая зала осталась на половину пустой. Несомнѣнно, однако, что выставленные рисунки—капля въ морѣ другихъ рисунковъ Жуковскаго. Вблизи историческаго музея, въ

Румянцевскомъ музеѣ въ настоящее время временно находится одна въ высшей степени замѣчательная коллекція рисунковъ Жуковскаго, около 250 №№ 1837 года. Изъ писемъ Гоголя, Жуковскаго, Смирнова и друг. лицъ извѣстно, что Жуковскій въ Швейцаріи, въ Римѣ, вообще за границей, въ 1821, 1839 и др. годы срисовывалъ виды, причемъ въ 1839 г. Гоголь былъ изумленъ быстротой его работы.

И то немногое, что дано на выставкѣ, показываетъ, что Жуковскій былъ отличный рисовальщикъ, хорошо владѣлъ перомъ и карандашомъ, большой мастеръ въ акварели. Къ заграничнымъ рисункамъ относится «Монастырь» съ датой 18 января 1839 г. Лучшія акварели—нѣсколько изображеній играющаго на роялѣ Майера и старухи Протасовой. Изъ рисунковъ перомъ и карандашомъ можно отмѣтить нѣсколько женскихъ эскизовъ. Дыханіемъ жизни являются юмористическія надписи Жуковскаго: на одномъ рисункѣ: «Г. Майеръ галлопируетъ на Бетховенѣ» (играетъ усиленно на роялѣ), на другомъ: «Молодая дѣвица, передающая сердце свое почтовой бумагѣ». Вопреки господствующему мнѣнію о Жуковскомъ, какъ о поэтѣ неизмѣнно грустномъ и меланхолическомъ, и въ поэзіи, и въ рисункахъ и въ письмахъ его встрѣчается много добродушнаго юмора, во всѣ періоды его жизни, не только въ молодости, въ Арзамасѣ, но и въ старости въ сороковыхъ годахъ, какъ показываютъ его любопытныя письма съ рисунками къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой, изданныя въ послѣдней апрѣльской книжкѣ «Русской Старины».

Если на выставкѣ Жуковскаго недостаетъ много такого, что къ нему непосредственно относится, то, съ другой стороны, есть кое-что лишнее. Лишнимъ мы считаемъ, напримѣръ, нѣсколько рисунковъ Шевченка, такъ какъ никакого отношенія къ Жуковскому они не имѣютъ. Лишнимъ мы считаемъ портретъ крѣпостного владѣльца Шевченка—помѣщика Энгельгардта. Карлъ Великій тогдашней живописи, Брюлловъ, ведшій одно время переговоры съ Энгельгардтомъ о выкупѣ Шевченка, вынесъ лишь то заключеніе что Энгельгардтъ—«амфибія» или «самая крупная свинья въ торжковскихъ туфляхъ».

Гоголевская выставка, сравнительно съ выставкой Жуковскаго, гораздо болѣе содержательна, благодаря, между прочимъ, тому, что ей незадолго предшествовала содержательная гоголевская выставка въ Нѣжинѣ, устроенная проф. М. Н. Сперанскимъ. Въ Москвѣ, къ тому, есть не мало лицъ, спеціально изучавшихъ Гоголя, напримѣръ, В. И. Шенрокъ, давно уже завоевавшій въ этомъ отношеніи почетную извѣстность, и проф. А. И. Кирпичниковъ, редактировавшій послѣднее сытинское изданіе, съ цѣннымъ въ началѣ «Опытомъ хронологической канвы къ біографіи Гоголя», построеннымъ на детальномъ изученіи жизни геніальнаго писателя.

Гоголевская выставка состоитъ преимущественно изъ портретовъ писателя, моделей его памятника и иллюстрацій къ его произведеніямъ (Боклевскаго, Лебедева, Бочарова, Микѣшина и др.).

Любопытно прослѣдить по портретамъ измѣненія въ наружности Гоголя. Красотой Гоголь никогда не отличался, но у него были красивые свѣтлые волосы, падавшіе на плечи, и довольно красивые, умные глаза. Въ молодости Гоголь франтилъ и не всегда удачно. При низенькомъ ростѣ и непомѣрно длинномъ и остромъ носѣ, его франтовитость производила комическое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что геніальный писатель, отвлекаясь въ мысляхъ въ высшій творческій міръ, не соблюдалъ ни мѣры, ни фасона, и по воспоминаніямъ Лонгинова, соединялъ иногда щегольство съ неряшествомъ. Въ молодости Гоголь завивалъ волосы и выпускалъ спереди хохолокъ, въ формѣ букли. Такова была мода, и Гоголь во многихъ портретахъ выглядываетъ задорно «пѣтушкомъ», по словамъ одного его современника. На выставкѣ была красная бархатная жилетка. По свидѣтельству современниковъ, Гоголь любилъ яркіе цвѣта, зеленый фракъ, коричневые брюки, ярко-пестрый галстучекъ, дома работалъ иногда въ бархатномъ малиновомъ колпачкѣ, но, по капризу, онъ иногда облекался во все черное, или во все бѣлое. Когда наступилъ духовный переломъ, и силы пошли на убыль, наружность Гоголя измѣнилась, что отразилось и на его позднихъ портретахъ. С. Т. Аксаковъ замѣчаетъ въ своемъ воспоминаніи о знакомствѣ съ Гоголемъ, что къ сороковымъ годамъ наружность Гоголя сильно измѣнилась; черты лица получили другое, болѣе мягкое выраженіе. Въ глазахъ выражалась доброта, а когда Гоголь задумывался, то обнаруживалось серьезное устремленіе къ чему то высокому.

Физіономія Гоголя всегда отличалась большой подвижностью, и портреты, нарисованные въ одно время, выходили весьма различными. Такъ, два лучшихъ портрета Гоголя, оба 1841 г., нарисованные въ Римѣ русскими художниками Ивановымъ и Моллеромъ, весьма различны по выраженію лица.

Внѣшняя скромная, въ молодости задорная, въ зрѣломъ возрастѣ сгорбленная и усталая фигура великаго писателя туго поддается для монументальнаго изображенія, и это одна изъ причинъ, почему выставленныя модели памятника Гоголя большей частью неудовлетворительны. Кромѣ стѣснительныхъ условій заданія, о чемъ уже говорилось въ печати, исключавшихъ барельефы, требовавшихъ непремѣнно сидячаго положенія, и въ самомъ существѣ задачи были очень большія трудности, и художники, очевидно, не одолѣли ихъ. Есть модели совсѣмъ неудачныя, слабыя, плохія.

Н. Ф. Сумцовъ.

Взгляды В. А. Жуковскаго на поэзію[1].

Профессоръ элоквенціи В. К. Третьяковскій считалъ поэзію «утѣшной и веселой забавой», а поэтическія произведенія «фруктами и конфектами на богатый столъ по твердыхъ кушаніяхъ». По словамъ Державина, Фелицѣ поэзія «любезна, пріятна, сладостна, полезна, *какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ*». Стало быть, и въ вѣкъ Екатерины поэзія представляется «утѣшной и веселой забавой», въ противномъ случаѣ, Державинъ не назвалъ бы ее *вкуснымъ лимонадомъ*.

«Веселымъ искусствомъ»—веселой забавой была поэзія и въ эпоху трубадуровъ въ Провансѣ. Но провансальское «веселое искусство» было не только свѣжею, живою струею въ жизни обитателей замковъ и бурговъ, но и однимъ изъ сильныхъ культурныхъ двигателей средневѣковья. Рыцарская поэзія трубадуровъ не народна, но она шла рука объ руку съ жизнью. Провансальская пѣсня, воспѣвающая, главнымъ образомъ, условныя чувства, блестяща, жива и оригинальна. Она явилась результатомъ вѣкового историческаго культурнаго труда и имѣла корни въ жизни общества, выразительницей идеаловъ котораго и служила. Эта пѣсня имѣла талантливыхъ представителей—пѣвцовъ съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ—религіознымъ и политическимъ; къ голосу такихъ пѣвцовъ прислушивалось общество. Пѣвецъ нерѣдко давалъ своею лирою тонъ, высказываясь по всѣмъ вопросамъ, волновавшимъ его родину—религіознымъ, политическимъ, соціальнымъ, и часто шелъ въ разрѣзъ съ общественными теченіями. Его пѣсня была свободна; онъ управлялъ ею и въ большинствѣ случаевъ—«минута ему повелитель». Сравнительно рѣдко средневѣковый пѣвецъ, начиная пѣть, предлагалъ вопросъ: «о чемъ же властитель воспѣть повелитъ пѣвцу на торжественномъ пирѣ»?[2]).

---

[1]) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи совѣта Императорскаго Харьковскаго университета и историко-филологическаго Общества 23 апрѣля 1902 г.

[2]) *Сирвенты* знакомятъ насъ съ политическими и общественными идеалами трубадуровъ. Ими пользовались средневѣковые пѣвцы для различныхъ цѣлей. Словамъ трубадуровъ—авторовъ сирвентовъ—придавали большое значеніе, прислушивались къ нимъ; съ ними средневѣковому обществу приходилось считаться: сирвенты представляли извѣстную силу и до нѣкоторой степени играли роль нашей прессы. Кромѣ политическихъ, были сир-

На этой свободной пѣснѣ воспитались выдающіеся поэты Возрожденія, между прочимъ, и Петрарка—отецъ новой западно-европейской лирики. Возрожденіе расширило горизонты европейскаго общества, указавъ ему на классическую древность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сузило эти горизонты, отвлекши вниманіе общества отъ родного прошлаго. «Studia humaniora» на долгое время заслоняютъ все средневѣковое, между прочимъ, и литературу, богатую выдающимися памятниками.

Во Франціи постепенно вырабатываются принципы новаго искусства, новаго литературнаго направленія, такъ называемаго «ложно-классическаго». Но и въ новое время, при смѣнѣ старыхъ идеаловъ, переставшихъ удовлетворять запросамъ болѣе «гуманнаго» поколѣнія, поэзія въ сущности остается тѣмъ же *веселымъ искусствомъ*, тою же *утѣшиной и веселой забавой*, что и въ средніе вѣка, съ тою только разницею, что въ болѣе «грубую» эпоху это искусство было оригинальнымъ, въ вѣкъ господства ложно-классическихъ теорій—подражательнымъ, не имѣющимъ ничего общаго съ литературнымъ прошлымъ народа. Если раньше жизнь била ключемъ въ веселой и беззаботной пѣснѣ провансальца, если старые сирвенты были «сотканы изъ искренней скорби и гнѣва», а пѣсни Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде были полны религіознаго энтузіазма, горячей любви къ родинѣ и дышали искреннимъ чувствомъ; если въ канцонахъ бродячихъ пѣвцовъ слышались наивныя, простодушныя и откровенныя жалобы на скупыхъ бароновъ, мало платившихъ за пѣсни, то въ новое время въ поэзіи, занимавшей досуги болѣе «просвѣщеннаго», сравнительно съ средневѣковымъ, общества, нѣтъ жизни и чувства, а поэты— панегиристы и одослагатели являются, пожалуй, въ большей степени искательными, чѣмъ неграмотные и полуграмотные средневѣковые минестрели.

Поэтическое уложеніе Буало и ложно понятыя правила поэтики Аристотеля породили спеціальную литературу. Произведенія ложно-классической школы изящны, написаны по строгому плану, но сухи и безжизненны. Дворъ, отели и отелики были цѣнителями поэтовъ и ихъ пѣснопѣній. Носителями поэзіи, не *народной*, а *космополитической*, въ большинствѣ случаевъ, бывали *сочинители* стиховъ, не тѣ пѣвцы, о которыхъ можно спросить: «но гдѣ-жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ, который могъ бы душу растрогать» и пѣть о всемъ, «что святого есть въ мірѣ, что душу волнуетъ, что сердце манитъ». Пѣсенъ такихъ сочинителей «не зарождала души глубина». Да и трудно было видѣть плѣ-

---

венты моральнаго и дидактическаго характера; въ послѣднихъ трубадуры проповѣдническимъ тономъ бичевали общественные пороки. См. С. Соловьевъ. Провансальская поэзія. Харьковъ. 1899. стр. 22.

нителей сердецъ и утѣшителей въ писателяхъ, которые «дѣлали стихи», которые пѣли не тогда, когда имъ пѣлось—«wie der Vogel singt, der in den Zweigen wohnet» [1]), а когда то или другое событіе, радостное или веселое, *требовало* пѣсни, оды, сонета! Много ли искренности, вдохновенія можно было ожидать отъ «дѣлателя стиховъ», который, настроивши лиру на торжественный ладъ, воспѣвалъ будущія побѣды и предстоящіе тріумфы?!

Сухостью и отсутствіемъ художественнаго чувства вѣетъ отъ такой академической поэзіи во Франціи и въ Германіи, отъ поэзіи англійскихъ сенетистовъ.

Правда, раздавались иногда голоса въ обществѣ противъ этой ненаціональной, безжизненной литературы, но они терялись въ общемъ хорѣ поклонниковъ *гремящей* поэзіи.

Изящные и чопорные посѣтители Мольеровской Селимены были не мало изумлены, когда Мизантропъ—Альцестъ, протестуя противъ «le méchant goût du siècle, дерзнулъ продекламировать передъ образованной публикой, воспитанной и элегантной, простую, незатѣйливую по формѣ, но полную свѣжаго, искренняго чувства народную пѣсенку.

Si le roi m'avait donné
Paris sa grand'ville,
Et qu'il me fallût quitter
L'amour de ma mie,
Je dirais au roi Henri:
Reprennez votre Paris,
J'aime mieux ma mie, oh gay!
J'aime mieux ma mie [2]).

И Мизантропъ, отдавшій предпочтеніе пѣсенкѣ «грубыхъ отцовъ» передъ слащавыми сонетами, лишенными поэтическихъ образовъ и мыслей, составленными изъ однихъ громкихъ, галантныхъ словъ и беззастѣнчивыхъ комплиментовъ по адресу дамъ, сталъ въ глазахъ салонныхъ кавалеровъ еще большимъ чудакомъ.

Эта «пудренная» піитика, какъ выражался Пушкинъ, ограничивала область поэтическаго творчества и замыкала дѣятельность поэтовъ въ извѣстныя, условныя рамки. За соблюденіемъ строгихъ правилъ піитики слѣдилъ «степенный» Буало, «французскихъ риомачей суровый судія» [3]) не только при жизни, но и послѣ смерти: такъ сильно было его обаяніе. За весьма немногими исключеніями, поэты должны были съ боль-

[1]) Goethe. Der Sänger.
[2]) Le Misanthrope, Acte I, scène II.
[3]) Пушкинъ, Черновые наброски.

нимъ трудомъ прокладывать себѣ путь къ славѣ; положеніе ихъ въ обществѣ не только не улучшилось, сравнительно съ положеніемъ носителей средневѣковой поэзіи, наоборотъ—ухудшилось! Цѣнились, главнымъ образомъ, панегиристы, одослагатели, пѣвцы побѣдъ, торжествъ, фейерверковъ; пѣвцы *героевъ, но не людей*. Въ серьезныхъ поэмахъ не было мѣста людямъ; строгій Буало изгонялъ изъ поэмъ «conquérant vulgaire», будучи глубоко убѣжденъ, что герой долженъ былъ быть «en valeur éclatant, en vertus magnifique» [1]). Въ XVIII в., на ряду съ традиціями Буало, царили принципы, проводимые проповѣдникомъ «изящнаго» вкуса Батте [2]) находившаго въ природѣ *не все изящнымъ*, и поклонника *приличій* Лагарпа. Къ большинству изъ поэтовъ этой школы могутъ быть примѣнены слова Пушкина:

«Постойте! напередъ узнайте, чѣмъ душа
У васъ исполнена—прямымъ-ли вдохновеньемъ» [3])...

«Въ началѣ XVIII столѣтія французская литература обладала Европою. Она должна была имѣть на Россію долгое, рѣшительное вліяніе» [4]). Еще до Грибоѣдовскихъ княженъ, восторженно восклицавшихъ: «Ахъ, Франція! нѣтъ въ мірѣ лучше края!», совѣтница въ «Бригадирѣ» приходитъ въ восторгъ отъ счастья, выпадающаго на долю ея дочери: «Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! Я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ» [5]).

Въ Россіи въ эту эпоху поэты не занимали, да и не могли занимать виднаго положенія въ обществѣ, которое еще не доросло до сознанія, какъ велико значеніе поэзіи и какъ важенъ голосъ искренняго, свободнаго пѣвца, «признавшаго надъ собою высшую волю», но не пѣвшаго по заказу [6]). Въ «Челобитной Россійской Минервѣ» отъ россійскихъ писателей, фонъ-Визинъ указываетъ, на то положеніе, которое занималъ въ то время писатель въ обществѣ; состоялось, вѣдь, опредѣленіе—«всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять, всѣхъ таковыхъ при дѣлахъ находящихся отъ дѣлъ отрѣшать» [7]). Это постановленіе вызвало ходатайство со стороны писателей,

---

1) L'art poétique, chant III.

2) Batteux—авторъ «Cours de belles lettres ou principes de la littérature» (1740—1750), «Les beaux arts réduits à un même principe».

3) Черновые наброски.

4) Анненковъ, Пушкинъ. Матеріалы, стр. 257.

5) Бригадиръ, 1-е явленіе.

6) Извѣстно, что еще Пушкину пришлось получить *заказъ*—написать стихотвореніе на пріѣздъ принца Оранскаго.

7) Собесѣдникъ. IV. 7—10. См. Тихонравовъ, сочиненія т. III, ч. 1, 1898, стр. 125

просившихъ императрицу ихъ «яко грамотныхъ людей по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы они служа россійскимъ мужамъ на досугѣ, могли главное жизни ихъ время посвятить на дѣло для службы»...

Въ XVIII вѣкѣ у насъ на Руси лирическая поэзія почиталась «искусствомъ писать похвальные стихи, особливо оды... Описывались симъ родомъ поэзіи торжества, радости, похвалы мужей и другихъ вещей, временъ, праздниковъ, публичныхъ мѣстъ и проч.» [1]). Поэзіей любители занимались *между дѣломъ, на досугѣ.*

Державинъ, хотя и считалъ поэзію „высшимъ даромъ боговъ", но не надѣялся, что его прославитъ «звонко пріятная лира»: его могутъ прославить только дѣянія Екатерины: «Превозпесу тебя, прославлю, тобой безсмертенъ буду самъ». Когда Державину надо было для «служебныхъ видовъ» достигнуть фаворита (Зубова), и это оказалось нелегко, то не осталось другого средства, какъ прибѣгнуть къ поэтическому таланту —написать оду. Такъ появилась въ свѣтъ ода «Изображеніе Фелицы».

Но постепенно въ «гремящую» поэзію въ Россіи начинаетъ съ Запада проникать новая струя. Уже въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху крайне неблагопріятную для развитія поэтическихъ талантовъ, во французской пѣснѣ зазвучали новыя нотки. Въ поэзіи Андрея Шенье замѣчается новое вѣяніе, предвозвѣщающее въ недалекомъ будущемъ появленіе *романтизма.* Поэзія Шенье уже *идейная;* для него она уже не является *веселымъ искусствомъ,* но у молодого поэта нѣтъ религіи—той почвы, на которой выростаетъ и развивается романтика. Мало-по-малу, возбуждается интересъ къ національному прошлому, къ родной старинѣ; вопросъ о народности вообще, въ частности о народности въ искусствѣ, привлекаетъ къ себѣ вниманіе передовыхъ людей въ Германіи; здѣсь послѣ періода «Бурныхъ стремленій» начинаютъ возставать въ памяти забытые средніе вѣка; и въ этой эпохѣ *тьмы и мрака, кулачнаго права и феодальнаго варварства* поэты Германіи начинаютъ теперь замѣчать и свѣтлыя стороны. Восторженнымъ поклонникамъ «парнасскаго аоеизма», какъ называлъ Пушкинъ романтизмъ [2]), космополитическая литература представляется уже менѣе интересной и болѣе холодной, чѣмъ средневѣковыя литературныя произведенія, полныя неясныхъ, туманныхъ, но искреннихъ порывовъ къ свѣтлымъ идеаламъ. А въ этихъ идеалахъ историкъ не можетъ отказать средневѣковью.

---

[1]) «Правила піитическія» ректора *Аполлоса,* изданныя въ 1774 г. въ пользу юношества, обучающагося въ московской славяно-греко-латинской академіи. См. Тихонравова, соч. т. III, 1 ч. стр. 128.

[2]) Посланіе къ Родзянко.

«Въ нѣмецкой литературѣ, по словамъ Гоголя [1]), замѣчается явленіе странное. Неясныя грезы, таинственныя преданія, необъяснимыя чудесныя происшествія, темные призраки невидимаго міра, мечты и страхи, сопровождающіе дѣтство человѣка, стали предметомъ нѣмецкихъ поэтовъ». И дѣйствительно, въ германскихъ литературныхъ кружкахъ среди писателей, воспитывавшихся на произведеніяхъ Гете и гуманнаго Шиллера, начинается сильное движеніе. Общество увлекается той старой поэзіей, которая выросла на христіанской почвѣ, т. е. средневѣковой; въ то же время все большее и большее значеніе получаютъ вопросы о національизмѣ, о народности. Юные приверженцы новой школы воодушевлены самыми лучшими идеалами; желанія и стремленія ихъ неопредѣленны, неясны, но нельзя не оцѣнить въ нихъ той «Sehnsucht», того романтическаго томленія по идеалу, которое отличаетъ произведенія этого періода.

Міросозерцаніе большинства поэтовъ новаго направленія можно опредѣлить словами Новалиса, этого пророка романтической школы: «Въ этомъ мірѣ мы способны только хотѣть, т. е. желать, стремиться къ чему-нибудь, жить одними намѣреніями; настоящая же дѣятельность начнется въ *той* жизни» [2]).

Среди нѣмецкихъ романтиковъ раздаются голоса, провозглашающіе тождество жизни и поэзіи; въ ихъ произведеніяхъ мы видимъ попытки примиренія и слиянія поэтическихъ идеаловъ съ дѣйствительностью, замѣчаемъ борьбу съ житейскою прозою, стремленіе къ поэзіи свободной, неусловной, не стѣсненной никакими рамками. Новалисъ считаетъ подчиненіе поэзіи дѣйствительности чѣмъ то постыднымъ и преступнымъ противъ священнаго духа поэзіи.

По мѣрѣ расширенія поэтическихъ горизонтовъ поэтъ все выше и выше поднимается въ общественномъ мнѣніи. Романтики считаютъ его человѣкомъ, исполненнымъ божественной благодати, пророкомъ, отмѣченнымъ божественнымъ лучемъ. Въ этой новой поэзіи, туманной и неясной, много задушевности—«Gemüth».

«Наша поэзія совершала такъ быстро своеобразный ходъ свой, воспитываясь поэтами всѣхъ вѣковъ и націй, обвѣваясь звуками всѣхъ поэтическихъ странъ, пробуя всѣ тоны и аккорды... Она остановилась съ любопытствомъ младенца передъ такимъ явленіемъ, какъ нѣмецкій романтизмъ. Ея собственныя славянскія начала напомнили ей вдругъ о чемъ-то и у нея похожемъ. Но при всемъ томъ, мы сами никакъ бы не столкну-

---

[1]) «Въ чемъ-же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность». Изъ переписки съ друзьями.

[2]) Г. Брандесъ. Литература XIX в. въ ея главныхъ теченіяхъ. Нѣмец. литер. Изд «Обществ. Польза».

лись съ нѣмцами, если бы не явился среди насъ такой поэтъ, который показалъ намъ весь этотъ новый, необыкновенный міръ сквозь ясное стекло собственной природы, намъ болѣе доступной, чѣмъ нѣмецкая. Этотъ поэтъ—Жуковскій. Чудною высшею волею вложено было ему въ душу отъ дней младенчества непостижимое ему самому стремленіе къ незримому и таинственному. Въ душѣ его, точно какъ въ героѣ его баллады Вадимѣ, раздавался небесный звонокъ, зовущій вдаль [1])». Нѣмецкая романтика не могла не найти себѣ отклика въ мечтательномъ и чувствительномъ Жуковскомъ, въ его чуткой, мистически настроенной душѣ. Его свѣтлый, возвышенный взглядъ на жизнь, на человѣка совпадалъ съ взглядами нѣмецкихъ романтиковъ, а *томленіе*—этотъ особый видъ романтическихъ стремленій вдаль—вполнѣ отвѣчало душевнымъ свойствамъ нашего поэта. «Чего искать? Въ какихъ странахъ? Къ чему стремить желанье?», говоритъ Жуковскій устами Вадима, котораго волновали «скорбь о неизвѣстномъ, стремленье въ даль, любви тоска, томленіе разлуки».

Элегическій тонъ въ поэзіи нѣмецкихъ романтиковъ также былъ сроденъ натурѣ Жуковскаго.

Элегическое настроеніе сильно сказывается уже въ стихотвореніи, напечатанномъ восемнадцатилѣтнимъ поэтомъ въ «Вѣстникѣ Европы» Карамзина. Это стихотвореніе—«Сельское кладбище» (вольный переводъ элегіи Грея), по мнѣнію Владиміра Соловьева, можетъ считаться началомъ истинно человѣчной поэзіи въ Россіи послѣ условнаго риторическаго творчества Державинской эпохи—

...Тамъ, среди березъ и сосенъ неизмѣнныхъ,
Что въ сумракѣ земномъ на небеса глядятъ,
Гдѣ праотцы села въ гробахъ уединенныхъ
Крестами вѣнчаны, сномъ утомленнымъ спятъ,
Тамъ на закатѣ дня, осеннею порою,
Она, волшебница, явилася на свѣтъ...
...На сельскомъ кладбищѣ явилась ты недаромъ,
О, геній сладостный земли моей родной!
Хоть радугой мечты, хоть юной страсти жаромъ
Плѣняла послѣ ты,—но первымъ лучшимъ даромъ
Останется та грусть, что на кладбищѣ старомъ
Тебѣ навѣялъ Богъ осеннею порой [2]).

---

[1]) Изъ переписки съ друзьями. «Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи».

[2]) «Родина русской поэзіи». «Вѣстникъ Европы». 1897. XI. Стихотворенія. Изд. 3-е. 1900 г. Стр. 151. «Жуковскій, по словамъ Бѣлинскаго, какъ поэтъ по преимуществу романтическій, былъ на Руси первымъ пѣвцомъ скорби».

Уже въ «Сельскомъ кладбищѣ» сказывается пониманіе юнымъ Жуковскимъ истинной поэзіи. Этотъ мягкій элегическій тонъ, обращеніе къ прошлому, къ могиламъ, къ тому, «что робкой надеждой предано въ лоно благого Отца, правосуднаго Бога» [1]), встрѣчаемъ мы и въ болѣе позднихъ стихотвореніяхъ Жуковскаго.

Поэтъ какъ бы ставитъ въ обязанность пѣвцамъ родины жить не однимъ настоящимъ, но и прошедшимъ: поэтъ полагаетъ, что могилы отцовъ могутъ зажечь въ чадахъ любовь къ родинѣ [2]).

Уже съ первыхъ шаговъ на литературномъ поприщѣ сказывается направленіе Жуковскаго: онъ романтикъ, воспитавшійся, главнымъ образомъ, на нѣмецкихъ образцахъ; романтикъ, который проводитъ принципы единства поэзіи, жизни и религіи въ литературѣ. Обширная программа нѣмецкихъ романтиковъ сузилась у Жуковскаго. Отличительная черта его романтизма—задушевность. Къ нему, можетъ быть, болѣе чѣмъ къ кому либо другому, можно отнести слова Гете: «Innre Wärme, Seelenwärme—Mittelpunkt» [3]).

Стихотворенія Жуковскаго, въ которыхъ опредѣляется значеніе и сущность поэзіи, его письма и статьи, гдѣ онъ говоритъ объ обязанностяхъ, долгѣ и отвѣтственной миссіи поэта—можетъ быть, одни изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ мыслей и чувствъ нашего романтика, «равнодушнаго зрителя примапчивыхъ суетъ» [4]), пѣвца возвышенной мечты и чистыхъ душевныхъ порывовъ въ туманныя, незримыя области истины и красоты. Взгляды Жуковскаго на поэзію и поэта—высоко этическіе; они имѣютъ и будутъ имѣть большое воспитательное значеніе. Въ этихъ опредѣленіяхъ поэзіи сказывается міросозерцаніе Жуковскаго, далекое отъ воззрѣній эпикурейскихъ поэтовъ начала XIX столѣтія—«угодниковъ красоты», «мудрыхъ грѣховодниковъ», «сладострастныхъ цитерскихъ таинъ пѣвцовъ», находящихъ счастье «въ плѣнительныхъ грѣхахъ» [5]).

Въ статьѣ «О нравственной пользѣ поэзіи» Жуковскій высказываетъ свое романтическое profession de foi: «мечтательность, даръ воображать, остроуміе, тонкая чувствительность—вотъ истинныя качества стихотворца. Чего требуетъ отъ поэта искусство? Чтобы онъ не оскорблялъ непосредственнаго чувства моральнаго, чтобы онъ не противорѣчилъ морально-изящному, которое почитается однимъ изъ главныхъ источниковъ красоты стихотворческой». Уже въ этомъ «разсужденіи» Жуковскій становится

---

1) «Сельское кладбище». Второй переводъ.

2) «Пѣвецъ въ станѣ русск. воиновъ».

3) «Wanderers Sturmlied».

4) Кн. Вяземскій, «Къ Батюшкову».

5) Кн. Вяземскій, «Къ подругѣ», «Къ Давыдову».

сторонникомъ теоріи свободнаго поэтическаго творчества и признаетъ за поэзіей ея высоко-этическое значеніе.

За четыре года до появленія разсужденія «о нравственной пользѣ поэзіи» было издано стихотвореніе Хераскова «Поэтъ», въ которомъ преподаются піитическія правила и наставленія стихотворцамъ. Здѣсь, между прочимъ, авторъ говоритъ: «Стихи тогда умны, разительны, прекрасны, когда естественны, замысловаты, ясны», и совѣтуетъ поэтамъ «держаться предписанныхъ въ поэзіи уставовъ, имѣть Буалову науку о стихахъ всегда на памяти и часто на устахъ». Какой запоздалый голосъ умирающаго классицизма послѣ первыхъ произведеній Жуковскаго и взгляда, высказаннаго на поэзію Карамзинымъ: «поэтъ долженъ вѣрить единственно тому, что нравится ему, что сказано прекрасно... Поэзія—цвѣтникъ чувствительныхъ сердецъ» [1].

Судя по первымъ стихотвореніямъ Жуковскаго, лира не является для него забавой, на которой «вмѣсто виста и бостона можно порѣзвиться съ музой», какъ говорилъ Державинъ» [2]. Лира для поэта-романтика—утѣшительница, повѣренный души, близкій другъ.

О лира, другъ мой неизмѣнный,
Повѣренный души моей!
Въ часы тоски уединенной
Утѣшь меня игрой своей.
...Въ душѣ моей цвѣтетъ мой рай.
Я бурный міръ сей презираю.
О лира, другъ мой, утѣшай
Меня въ моемъ уединеньи [3].

У Жуковскаго, какъ и у англійскаго поэта Вордсворта [4], поэзія зарождается изъ мирнаго воспоминанія о пережитомъ душевномъ движеніи; его пѣсни—выраженіе и отзвуки прочувствованнаго. Поэзія, какъ «чудесный даръ боговъ, веселье и любовь пламенныхъ сердецъ, тихая прелесть и очарованье души» [5], является главнымъ утѣшеніемъ въ жизни. Съ поэзіей теряетъ свой ужасъ и скорбь и нищета, такъ какъ происхожденіе ея—не земное, а небесное:

---

[1]) «Протей или несогласіе стихотворца».

[2]) «Къ Меркурію». Въ одѣ «На умѣренность» Державинъ говоритъ: «Нѣтъ дѣлъ— играю на бирюлькѣ, средь Музъ съ Гораціемъ пою».

[3]) Стихи, сочиненные въ день моего рожденія, къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ 1803 г.

[4]) См. Брандесъ, Литерат. XIX вѣка Англійская литерат. Спб. 1898 г.

[5]) Къ поэзіи 1804 г.

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ
И вдохновеніе слетало
Съ небесъ незванное ко мнѣ.
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно,
И для меня въ то время было—
Жизнь и поэзія одно.

«Уже нѣтъ той поэзіи, пишетъ Жуковскій въ 1848 г. Гоголю, которая нѣкогда была возвеличеніемъ, убранствомъ и утѣхою жизни... Такое беззаботное наслажденіе поэзіей теперь называется ребячествомъ» [6]).

Въ посланіи къ Батюшкову Жуковскій называетъ поэта «любимѣйшимъ сыномъ Зевса», которому удѣла нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ. Въ то время, когда Зевсъ дѣлилъ міръ, поэтъ уходилъ въ страну воображенія. Онъ позабылъ земное, плѣненный величествомъ и красою небесъ, и съ тѣхъ поръ «необожатель подсолнечныхъ суетъ сталъ вѣрный обитатель страны духовъ поэтъ, страны не откровенной». Поэтъ «въ мечтахъ, жилецъ незнаемаго міра—только тотъ, кому безсмерными богами даны въ спутницы музы, въ комъ искра вдохновенья съ огнемъ души зажглась». Поэтъ живъ только до тѣхъ поръ, пока въ немъ горитъ дарованный небомъ огонь, а неугасимъ онъ только въ ясной душѣ, которая любовью страстной лишь то боготворитъ, что благо, что прекрасно. Въ его спокойной душѣ должна быть соединена младенческая чистота съ величіемъ свободы. Когда поэтъ летитъ своею мыслью къ Правителю вселенной, при всѣхъ измѣненіяхъ рока, онъ остается добрымъ и прямымъ, слѣдуя священнымъ урокамъ и велѣньямъ лишь совѣсти одной» [7]).

Въ данномъ случаѣ взгляды Жуковскаго на поэта совпадаютъ съ взглядами Языкова, который требуетъ, чтобы поэтъ былъ «величественъ и святъ, невиненъ, какъ голубица», несмотря на то, «привѣтно ли сіяніе денницы, ужасенъ ли судьбины приговоръ» [8]).

Людямъ не легко живется; и на долю поэта выпадаютъ страданія, утраты и испытанія, но все, что посылаетъ судьба, слѣдуетъ принимать и не сѣтовать: «Ропотъ смертныхъ безразсуденъ, а Царь Всевышній правосуденъ».

Поэтовъ оживляетъ небесный лучъ. Поэты, какъ избранники небесъ, поставлены высоко надъ толпою. Это высокое положеніе налагаетъ на

---

[6]) «Слова поэта—дѣла его».
[7]) Къ Батюшкову. 1812 г.
[8]) Поэту. Стихотворенія Языкова. Ч. II Спб. 1858 г., стр. 6—7.

нихъ и особыя обязанности; послѣднія заключаются въ выполненіи ретбованій высшей этики, этики христіанской. Поэтъ не можетъ не быть добрымъ и сострадательнымъ; онъ долженъ согрѣть и утѣшить. Внимая умиленно лирѣ, страдалецъ подойдетъ къ своей ужасной, горькой чашѣ и волю Промысла, смирясь, благословитъ [1]), герой, пробужденный звукомъ лиры, будетъ дивить міръ», а юноша, воспламененный голосомъ пѣвца, будетъ лить слезы, лобзать алтарь отечества, ожидая за него смерти, какъ блага [2]). Но этимъ не ограничиваются обязанности поэта: ему слѣдуетъ обрушиться громомъ на жестокихъ и развратныхъ, попирающихъ невинность, доблести и честь, дерзающихъ величать себя полубогами.

Поэтъ, великихъ душъ воспламенитель, глаголъ правды, лѣкарство душъ, безвѣріемъ крушимыхъ, стражъ нетлѣнный той завѣсы, которою предъ нами горьній міръ задернутъ; поэтъ, видя торжество порока, силъ зла и слыша хохотъ безстыдства, разврата или насмѣшку безвѣрія, долженъ изъ этой бездны вынести въ душѣ неоскверненной вѣру въ Бога [3]).

Таковъ долгъ тѣхъ избранныхъ, отмѣченныхъ божественнымъ лучемъ, которые служатъ поэзіи. А поэзія—«есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли; небесной религіи сестра земная», «свѣтлый маякъ, Самимъ Создателемъ зажженный» [4])

Другія всѣ искусства, по убѣжденію Жуковскаго, возможно пріобрѣсти наукою; «поэта же творитъ, святѣйшее оставивъ при себѣ, природа. Геніи родятся сами; нисходитъ прямо съ неба то, что къ небу возноситъ насъ» [5]).

Опредѣливши сущность поэзіи и обязанности поэта, Жуковскій подходитъ къ разрѣшенію вопроса, представляющаго большой интересъ и привлекающаго къ себѣ вниманіе и въ наше время. Вопросъ этотъ—поэтическое творчество.

Человѣкъ не можетъ творить изъ ничего; онъ только можетъ своими, заимствованными изъ созданія средствами, повторять то, что Богъ создалъ Своею всемогущею волею. Этотъ произвольный актъ творенія Жуковскій называетъ возвышенною частью души. Художникъ—творецъ, цѣль его—твореніе, свободное, вдохновеніе. Самый актъ художественнаго творчества заключается въ осуществленіи идеи Творца. Земной художникъ, творя, осуществляетъ свою идею, но матеріалы и для самой идеи и для ея

---

[1]) «Къ кн. Вяземскому».
[2]) Къ поэзіи.
[3]) Камоэнсъ.
[4]) О. с.
[5]) О. с.

осуществленія онъ заимствуетъ уже изъ существующаго творенія Божія; онъ творитъ только потому, что ощущаетъ въ душѣ неутолимое, врожденное стремленіе къ творчеству. Какъ посланникъ Божій, поэтъ ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе духа Божія. Вполнѣ осуществить идеалъ поэта, конечно, не могъ никто. Но здѣсь вопросъ не въ достиженіи, а въ *стремленіи достигнуть* [6]). Нравственно образовательное вліяніе на насъ заключается не въ томъ, что составляетъ содержаніе поэтическаго произведенія, а въ томъ, что есть самъ поэтъ; увлекаемые прелестью его созданія, мы нечувствительно проникаемся вѣрою поэта, его любовью, его возвышенностью и чистотою, и онѣ по тайному сродству остаются въ сліяніи съ нами, какъ послѣдній результатъ поэтическаго наслажденія. Если у поэта свѣтлая, чистая, младенчески вѣрующая душа, мы предаемся его поэзіи безъ всякой тревоги, съ нимъ вмѣстѣ вѣруемъ святому, любимъ добро, постигаемъ красоту, и знаемъ, какое назначеніе нашей души [7]).

Стало быть, согласно теоріи Жуковскаго, учителемъ и проповѣдникомъ можетъ быть только тотъ поэтъ, *слова котораго соотвѣтствуютъ дѣламъ его*.

Извѣстно, что въ наше время нѣкоторыми проводится теорія, не имѣющая ничего общаго со взглядами Жуковскаго: для насъ имѣютъ значеніе *только слова поэта*. Но, вѣдь, человѣкъ познается не только по словамъ его!... Поэтъ не можетъ быть учителемъ и пророкомъ, если его слова не соотвѣтствуютъ его дѣйствіямъ и поступкамъ.

Когда въ тебѣ на подвигъ все готово...
Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ пророка! [8]).

Въ посланіи къ кн. Оболенской Жуковскій самъ подводитъ итоги своей поэтической дѣятельности—

А я, мечтательнаго зритель,
Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ.
. . . .
Могу товарищемъ я быть
Во всемъ, что въ жизни сей прекрасно,
Съ душой невинною и ясной

---

6) Ср. Хоръ ангеловъ (Гете, Фаустъ, II часть): Wer immer strebend sich bemüht, Den können wir erlösen.

7) «Объ изящномъ искусствѣ»; письмо къ Гоголю; «Слова поэта—дѣла его».

8) Языковъ, «Поэтъ».

Могу свою я душу слить:
Но не способенъ зоркимъ взглядомъ
Приманокъ свѣта различать;
Могу на счастье руку дать,
Но не впередъ идти, а рядомъ.

Человѣчеству дороги не только тѣ, которые идутъ впереди вѣка, открываютъ новые горизонты, пробиваютъ и прокладываютъ новые пути. Цѣнны для него и тѣ, которые, не идя впереди, не открывая новаго, только помогаютъ своимъ современникамъ честно идти по проложенной уже дорогѣ.

Счастливо поколѣніе, которое могло взять за руку такого спутника, какъ Жуковскій, и идти съ нимъ рядомъ.

Мы же, потомки этого поколѣнія, озираясь сегодня назадъ, на наше литературное прошлое, съ гордостью можетъ указать въ немъ на Жуковскаго,—этого поэта-христіанина, который «стройно жилъ и стройно пѣлъ» и своею лирою открывалъ намъ, «все человѣчески-благое».

Сергѣй Соловьевъ.

Пушкинскiе принципы въ творчествѣ Гоголя.

Много говорилось и будетъ говориться о выдающейся роли Гоголя въ развитiи русской литературы, о высокомъ мѣстѣ, занимаемомъ авторомъ «Мертвыхъ Душъ» среди другихъ писателей, поэтовъ русскихъ объ общественномъ значенiи его смѣха сквозь слезы, о странной психологiи этого удивительнаго таланта, этой загадочной натуры. Но среди другихъ изслѣдованiй и прiемовъ изученiя поэзiи великаго русскаго юмориста, среди другихъ точекъ зрѣнiя, на которыя становится читатель и критикъ, скромное пока мѣсто занимаетъ психологическiй анализъ творчества Гоголя въ духѣ той лингвистической литературной теорiи, по которой *слово* такого-то поэта является прежде всего могущественнымъ орудiемъ преобразованiя, совершенствованiя мысли самого поэта,—по которой языкъ такого-то народа является прежде всего могущественнымъ орудiемъ постояннаго преобразованiя, развитiя и совершенствованiя всѣхъ духовныхъ силъ этого народа,—по которой рѣчь такого-то по имени мастера слова, поэта-художника, не передаетъ его мысли, но возбуждаетъ въ средѣ, родственной съ нимъ по языку, безконечную работу мысли, безпредѣльное измѣненiе ея содержанiя, преобразованiе, ея прогрессъ. А между тѣмъ литературное наслѣдiе Гоголя, взятое во всемъ его объемѣ, представляетъ драгоцѣннѣйшiй памятникъ русской литературы въ смыслѣ выясненiя такого именно значенiя слова и поэзiи въ духовной дѣятельности человѣка и народа.

Я не стану излагать здѣсь основныхъ положенiй упомянутой мной литературной теорiи, блестяще развитой въ трудахъ А. А. Потебни, извѣстныхъ многимъ присутствующимъ въ этомъ торжественномъ собранiи, и въ его лекцiяхъ по теорiи поэзiи, до сихъ поръ не изданныхъ; я напомню лишь о томъ, что для обоснованiя этой многообѣщающей теорiи, для этого проникновенiя въ тайники человѣческаго духа, человѣческаго творчества, первая половина XIX вѣка, когда на горизонтѣ русской литературы скопились грозныя тучи и разразились цѣлымъ ураганомъ поэтическаго творчества; когда зажглись яркiе свѣточи поэзiи Пушкина, Лермонтова, Гоголя, составляющихъ славу и гордость нашей родины на

міровомъ рынкѣ поэзіи,—первая половина XIX вѣка представляетъ безпримѣрный по своей цѣнности матеріалъ и для лингвиста и для историка культуры.

Еще русская наука только приближалась къ той научной области, которая отмежевала себѣ изслѣдованіе слова и мысли въ ихъ взаимномъ отношеніи, а русское искусство, русская поэзія въ лицѣ Пушкина уже намѣтила путь къ одной изъ труднѣйшихъ проблемъ человѣческаго знанія. Но вѣщее слово автора безсмертнаго сонета «Поэтъ, не дорожи любовію народной», «Черни», «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», «Египетскихъ ночей» и другихъ аналогичныхъ по содержанію произведеній застало и публику и критику врасплохъ. (Основные принципы поэтическаго творчества, намѣченные въ рядѣ лирическихъ стихотвореній, готовы были найти себѣ новое, яркое и всестороннее освѣщеніе въ романѣ изъ жизни художника Чарскаго [1]). Выраженные по большей части въ лирической формѣ (всегда односторонней), взгляды Пушкина или, лучше сказать, ихъ выраженія поняты были *прозаически* и показались да и теперь кажутся многимъ не то что ложью, а большой несправедливостью. Трудно было усмотрѣть сочетаніе эгоистической дѣятельности художника съ самымъ высокимъ безпредѣльнымъ по силѣ своего вліянія альтрюизмомъ въ такихъ, напримѣръ, стихахъ:

Глупецъ (т. е. чернь) кричитъ: куда, куда?
Дорога здѣсь! Но ты не слышишь.
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечты невольныя. Твой трудъ
Тебѣ награда. Имъ ты дышишь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ, рабынѣ суеты!

Эти стихи и другіе оскорбили толпу читателей и продолжаютъ оскорблять толпу критиковъ, въ особенности изъ тѣхъ, которые склонны думать, что критика состоитъ въ оцѣнкѣ и направленіи поэзіи и пользованіи ею, а не въ *чтеніи и пониманіи* прежде всего; которые не могутъ усвоить себѣ простой мысли, что критикъ есть только первоклассный читатель, а затѣмъ, если угодно, и руководитель только не поэта, творца.

Какое право имѣетъ поэтъ, удерживая вниманье долгихъ думъ, себѣ лишь самому служить и угождать, для власти, для ливреи (и для болѣе возвышенныхъ цѣлей, указываемыхъ критикой и публикой) не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи; идти, куда влечетъ его свободный умъ,

---

[1]) Читатель, надо полагать, долженъ былъ найти отвѣтъ въ этомъ романѣ и на жгучій вопросъ: а что если житейскія волненія застигнутъ, захватятъ поэта и жреца искусства какъ онъ отнесется къ нимъ?

усовершенствуя плоды любимыхъ думъ? За этимъ вопросомъ можно поставить другой: какой смыслъ имѣетъ выраженіе: *не продается вдохновеніе, но можно рукопись продать?* Тутъ поэтъ и книгопродавецъ сходятся во мнѣніяхъ, тутъ художникъ и ремесленникъ соединяются знакомъ равенства. Тутъ правильно поставленъ и разрѣшенъ вопросъ о двухъ моментахъ литературной дѣятельности поэта, о работѣ для себя, а потомъ для другихъ, при чемъ первому моменту придается особое исключительное значеніе, а второй (польза, житейскія волненія и битвы) отодвигается на задній планъ. Чарскій *изумленъ* (?), какъ чужая мысль, едва коснувшись слуха импровизатора, уже стала его собственною, какъ будто онъ давно съ нею носился, когда итальянецъ-поэтъ благодаритъ за сочувствіе поэта же, Чарскаго, своей импровизаціей на тему стихотворенія «Чернь». Можно не изумляться, когда тотъ же импровизаторъ декламируетъ на тему совершенно, повидимому, случайную и для него постороннюю: *Клеопатра и ея любовники.* Гдѣ тутъ мысль, съ которою онъ постоянно носился бы? Она есть: восторги души, она, эта душа, не продается, какъ не продается тѣло обычной цѣной. Ею, этою мыслью, не исчерпывается содержаніе всего стихотворенія, но присутствіе ея чувствуется: она дала толчокъ полету воображенія [1].

Любопытно одно замѣчаніе Гоголя, которое давно бы должно разсѣять возникающее у читателя недоумѣніе при чтеніи этихъ пушкинскихъ откровенностей: «Поди улови характеръ этого человѣка... Всѣ сочиненія его—полный арсеналъ орудій поэта. Ступай, выбирай себѣ всякъ по рукѣ любое, и выходи съ нимъ на битву; но самъ поэтъ на битву съ нимъ не вышелъ. Зачѣмъ не вышелъ? Это другой вопросъ...» Посмотримъ теперь, какъ вышелъ на битву, и съ какими орудіями самъ Гоголь?

Когда говорятъ о гоголевскомъ періодѣ русской литературы, о гоголевской школѣ; когда комментируется извѣстное лирическое и, слѣдовательно, одностороннее да еще окрашенное въ гоголевскую гиперболу изображеніе судьбы поэта, избравшаго себѣ одно высокое, и поэта пошлой пошлости,—то нерѣдко ставятся грани тамъ, гдѣ ихъ въ дѣйствительности, въ самомъ существѣ дѣла, въ основныхъ принципахъ движенія русскаго слова и мысли, русской поэзіи XIX вѣка, не было.

Въ маѣ 1831 года Гоголь, духовною жаждою томимый, переживающій періодъ безпокойнаго состоянія духа, жажды дѣятельности, жажды видѣть, слышать и *говорить*, подведенъ былъ подъ благословеніе Пуш-

---

[1]) Свобода творчества для Пушкина, въ его мнѣніи о ней, была однимъ изъ видовъ свободы совѣсти, свободы дѣятельности. Её онъ ставилъ выше «идейной убѣжденности, граничащей нерѣдко съ предубѣжденіемъ и предразсудкомъ», мѣшающимъ «видѣть и слышать», т. е. пользоваться самыми божественными дарами человѣческой мысли.

кина. Къ алтарю русской поэзіи приступилъ для служенія искусству новый жрецъ Аполлона, и вмѣсто прелести «важной простоты», вмѣсто нѣжной благородной пушкинской ироніи, возвышающихъ душу слезъ восторга и умиленья, раздался смѣхъ, благородный гоголевскій смѣхъ, первоначально простодушный и наивный. Судя по тому чрезвычайно сильному впечатлѣнію, которое произвело на Гоголя новое общество, судя по той необыкновенно оживленной творческой дѣятельности автора «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», которою ознаменована была первая половина 30-хъ годовъ, можно уже заключить о какомъ-то крупномъ душевномъ переворотѣ, можно думать, что въ это время безпокойному и неясному для самаго поэта стремленію найденъ исходъ. Мысль о своей «необыкновенности» нашла себѣ, повидимому, удовлетвореніе и успокоеніе. Служеніе искусству отнынѣ сдѣлалось для него высокимъ, нравственнымъ долгомъ; метаніямъ изъ стороны въ сторону положенъ конецъ. Найдено великое *душевное* дѣло. Огромный талантъ великаго русскаго юмориста былъ пробужденъ божественнымъ глаголомъ богатыря русской поэзіи, и съ этихъ поръ открылось для него великое поприще мысли и слова, и одинъ изъ глубочайшихъ принциповъ пушкинской поэтики и этики властно воцарился въ сознаніи новаго таланта и не замедлилъ ярко обнаружиться въ крупнѣйшихъ созданіяхъ гоголевскаго юмора, въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ». Тутъ уже чувствуется то истинное вздохновеніе, которое, по словамъ Пушкина, состоитъ въ «расположеніи души къ живѣйшему воспріятію впечатлѣній, соображенію понятій и объясненію ихъ».

На томъ жертвенникѣ, у котораго стоялъ великій мастеръ и учитель русской поэзіи, было начертано: поэзія есть одно изъ средствъ личнаго самосовершенствованія, преобразованія своихъ мыслей и чувствъ, освобожденія души отъ власти темныхъ силъ и пошлыхъ стремленій, отъ власти всякой фальши и самообольщенія. Служа себѣ, поэтъ лучше всего можетъ сослужить службу и обществу.—Геніальный изобразитель пошлости людской смѣло входитъ въ арсеналъ орудій перваго русскаго истиннаго поэта, беретъ у него темы для двухъ капитальнѣйшихъ своихъ произведеній, сосредоточиваетъ вниманье долгихъ думъ, отдаваясь работѣ надъ самимъ собой, превращаетъ легкую иронію надъ «панычемъ въ гороховомъ пальто» въ горькій, но благородный смѣхъ надъ самимъ собою и своими соплеменниками, смѣхъ сквозь слезы, переживаетъ лучшія минуты звуковъ сладкихъ и молитвъ: создаетъ «Ревизора», выходитъ на битву и даетъ первое генеральное сраженіе при первой постановкѣ пьесы на сценѣ. Это было первое произведеніе Гоголя, процессъ созданія котораго былъ вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ душевнымъ моментомъ въ его жизни,

и сладость этого момента была результатомъ этой именно творческой работы и надъ самимъ собой. Единственное, по словамъ автора, благородное лицо — смѣхъ, лицо, не замѣченное большинствомъ зрителей, не только подсказывало «долой допотопныхъ чиновниковъ!», но и «долой хлестаковщину!». Исторія шести чиновниковъ уѣзднаго города, заключавшая въ себѣ и *страницу изъ исторіи души самого поэта*, оказалась вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ актомъ общественнаго самосознанія. Послѣднее обстоятельство изумило самого автора и вызвало съ его стороны цѣлый рядъ напрасныхъ разъясненій объ истинномъ значеніи комедіи, о душевномъ городѣ и пр. Разъ созданное, замѣтилъ по этому поводу А. А. Потебня, освобождается изъ-подъ власти художника; оно является и для него чѣмъ-то постороннимъ, настолько постороннимъ, что, если художникъ является комментаторомъ своего произведенія, если онъ излагаетъ не исторію его возникновенія, а говоритъ, примѣрно, что этотъ образъ значитъ,—онъ становится въ ряды критиковъ и можетъ быть судимъ наравнѣ съ ними. — Оно такъ и случилось съ Гоголемъ, когда онъ выступилъ съ объясненіями не только того, *какъ* возникали его образы, но и того, *что* они должны значить; когда эти критическія соображенія поставлены были рядомъ съ неумѣстною проповѣдью о томъ, какъ вообще надо жить. Тѣнь подозрѣнія наброшена была не только на учителя жизни и критика, но и на мастера своего дѣла, которому часто одному извѣстно бываетъ, какъ дѣлалось это дѣло.

Какъ бы то ни было, а со времени созданія «Ревизора» исторія творчества Гоголя является исторіей его душевнаго роста; поэзія для него становится личнымъ, огромной цѣнности нравственнымъ подвигомъ.

«Никто изъ моихъ читателей не зналъ, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною», откровенно говоритъ Гоголь въ знаменитомъ 3-мъ письмѣ по поводу «Мертвыхъ душъ». Никто, можемъ добавить, съ такою откровенностью не высказалъ главнаго принципа пушкинской поэзіи, если не считать заявленія Лермонтова, что онъ отъ своего демона отдѣлался (отдѣлывался?) стихами, ироніей надъ Печоринымъ, подобной ироніи Пушкина надъ Онѣгинымъ [1]). Это признаніе Гоголя представлять безпримѣрное, по своей прямотѣ явленіе во всемірной литературѣ. Сколько надо было нравственной силы, гражданскаго мужества, если хотите, самопожертвованія (выносить свою душу на базаръ житейской сутолоки мнѣній рѣшится не всякій), чтобы сдѣлать такое признаніе!.

«Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу», говоритъ тамъ же Гоголь. Кромѣ дурныхъ качествъ, «Онъ поселилъ мнѣ въ душу нѣсколько

[1]) У Гёте есть на этотъ счетъ нѣсколько великолѣпныхъ Sprüche.

хорошихъ свойствъ; но лучшее изъ нихъ... было *желаніе быть лучшимъ...* Я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ... Чуднымъ, высшимъ внушеніемъ усиливалось во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ: *необыкновеннымъ душевнымъ событіемъ* я былъ наведенъ на то, чтобы передавать ихъ моимъ героямъ». Далѣе, какъ бы испугавшись своей собственной откровенности, писатель заявляетъ: «Не думай однако, послѣ этой исповѣди, чтобы я самъ былъ такой же уродъ, какъ мои герои [1]. Нѣтъ, я не похожъ на нихъ. Я люблю добро, я сгараю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей и не держу ихъ руку, какъ мои герои. Я воюю съ ними и буду воевать, и изгоню ихъ. И это вздоръ, что выпустили глупые свѣтскіе умники, будто только человѣку и возможно воспитать себя, покуда онъ въ школѣ, а послѣ ужъ и черты нельзя измѣнить въ себѣ: только въ глупой свѣтской башкѣ могла образоваться такая глупая мысль. Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многаго тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которой выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ тою гадостію, которая всѣмъ видна». Вотъ какъ обнажаетъ предъ нами свою душу одинъ изъ великихъ русскихъ писателей не въ конкретныхъ созданіяхъ своей поэзіи, а въ самой прозаической прозѣ.

Въ нашей критикѣ, а за ней и въ публикѣ замѣчается настроеніе думать (и оно, пожалуй, господствуетъ), что послѣ «Мертвыхъ Душъ» Гоголь-поэтъ умеръ, что душевная болѣзнь была медленнымъ умираніемъ, что искренность писателя должна быть въ большомъ подозрѣніи. Находятся даже адвокаты, оправдывающіе эту неискренность самымъ легальнымъ образомъ. Исходя изъ этихъ предпосылокъ, ко всѣмъ гоголевскимъ признаніямъ послѣ «Мертвыхъ душъ» принято относиться съ недовѣріемъ. Намъ думается, что совѣтъ Тургенева каждому начинающему писателю выучить наизусть извѣстный сонетъ Пушкина «Поэтъ, не дорожи любовію народной»—можно дополнить другимъ совѣтомъ всякому не только поэту, но и читателю, критику: выучить наизусть третье письмо Гоголя по поводу «Мертвыхъ душъ». Болѣзнь Гоголя не могла помѣшать искренности, правдивости его признаній, обдуманности его дѣйствій, въ томъ числѣ,

[1] У Гёте есть много прекрасныхъ параллелей, сюда относящихся между прочимъ въ его изреченіяхъ (Sprüche). Когда критика напала на слѣды «душевной исторіи» поэта и не поняла въ чемъ дѣло, вотъ какъ отвѣтилъ онъ имъ: «Враги угрожаютъ тебѣ, и число ихъ растетъ со дня на день. Какъ тебѣ не страшно?—Я на это смотрю спокойно: они держатъ облуду (линовище, старую шкуру, которую змѣя сбрасываетъ линяя), которую я только что сбросилъ, и когда слѣдующая будетъ достаточно зрѣла, то скину ее немедленно и въ новой жизни и юности уйду въ царство боговъ». Есть другіе Sprüche на ту же тему съ болѣе рѣзкими выраженіями той же мысли.

напримѣръ, сожженія 2-тома «Мертвыхъ душъ». Есть основаніе думать, что всегда существовала потребность въ положительныхъ литературныхъ типахъ, и русскіе писатели, въ особенности Гоголь, глубоко чувствовали эту потребность. Но въ томъ то и заключается трагизмъ положенія, что положительные типы не выдумываются («Кошмаровъ я не выдумывалъ»). Можно ихъ выдумать, но они не выживутъ. Гоголь дошелъ до необходимости конкретнаго изображенія такихъ типовъ, но увидѣлъ, что не можетъ ихъ создать, и сознаніе этого безсилія было для него смертью; оно же ослабило подъ конецъ жизни его поэтическую дѣятельность и было причиной сожженія «Мертвыхъ душъ». Плохимъ лѣкарствомъ въ этомъ страданіи была прозаическая проповѣдь. Тутъ Гоголь забылъ литературную заповѣдь Пушкина и, взявшись за прозаическую метлу житейской морали, убѣдился между прочимъ и въ томъ, что ни «Ревизоромъ», ни «Мертвыми душами» онъ не отдѣлался отъ одного изъ своихъ демоновъ. «Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее» говоритъ онъ въ своемъ письмѣ къ Жуковскому по поводу «Выбранныхъ мѣстъ». Это въ высшей степени цѣнное указаніе, которое ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть приписано болѣзненному состоянію; не надо упускать изъ виду тѣмъ, у кого хватаетъ духу заглянуть въ эту книгу и, освободившись отъ власти указанныхъ мною выше обычныхъ предпосылокъ, отдѣлить хлестаковщину отъ благородной мысли поэта, его беззавѣтной искренности и горячаго желанія служить своимъ словомъ истинѣ и добру.

Писать исторію, говоритъ Гёте, значитъ нѣкоторымъ образомъ сваливать съ плечъ прошедшее, отдѣлываться отъ прошедшаго (не въ смыслѣ— становиться чуждымъ по отношенію къ нему, а въ смыслѣ уловленія момента развитія, какъ говорятъ новѣйшіе философы, вслѣдствіе котораго мы стали выше, т. е. для насъ возможно сдѣлать *опытъ прошедшаго* и *сдѣлать невозможнымъ повтореніе этого опыта*). Мы можемъ, говорилъ А. А. Потебня въ своихъ лекціяхъ, различать, какъ это дѣлаетъ Тургеневъ, поэтовъ субъективныхъ и объективныхъ. Это дѣленіе впрочемъ приблизительно только. Если настроеніе поэта эпическое, то *актъ творчества*, совершаемый имъ въ своемъ романѣ, повѣсти, будетъ имѣть значеніе рѣшенія исторической задачи. Если онъ лирикъ, а къ лирикѣ, какъ къ субъективному роду поэтическихъ произведеній относится и сатира, то онъ пишетъ исторію своей души и косвенно своего времени, и это служитъ для него средствомъ саморазвитія. Такого рода акты саморазвитія могутъ происходить и въ заурядныхъ лицахъ, которыя также могутъ быть *истинными* поэтами. Но если поэтъ—выдающаяся личность, то его работа надъ собой является и работой общества тоже надъ собой.

Таковы въ общихъ чертахъ основные мотивы поэтической дѣятельности и, скажемъ, душевной жизни писателя-подвижника, для котораго слова его были дѣлами. Главнымъ дѣломъ его, по завѣту Пушкина, было стремленіе сбросить съ себя «ветхаго» человѣка, очистить свой душевный арсеналъ отъ того, что мутитъ жизнь, что вноситъ въ нее чисто-русскую и, если хотите, чисто-славянскую безалаберщину, что мѣшаетъ, и подчасъ весьма сильно, спокойному, ясному, трезвому рѣшенію житейскихъ задачъ въ минуты волненій и битвъ. Это великій подвигъ! Гоголь въ русской литературѣ обнялъ разомъ то, что составляло работу цѣлаго періода западно-европейскихъ литературъ. Но суть этого подвига состоитъ не въ конечномъ результатѣ (успѣлъ ли Гоголь отдѣлаться отъ своихъ «гадостей», а вмѣстѣ съ нимъ и его читатели?), а въ самомъ процессѣ, имъ возбужденномъ, въ самыхъ пріемахъ освобожденія души отъ крѣпостной зависимости Маниловыхъ, Собакевичей и прочихъ помѣщиковъ. Плодъ своей творческой дѣятельности поэтъ, ушедши отъ насъ навѣки, бросилъ намъ. Великій процессъ самопознанія, самоочищенія отъ хлестаковщины, маниловщины и прочихъ недуговъ, начатый геніальнымъ русскимъ юмористомъ, нашелъ себѣ откликъ въ коллективной душѣ русскаго общества, народа. Освободились ли мы и теперь не отъ Хлестаковыхъ, Маниловыхъ, Чичиковыхъ, а отъ хлестаковщины, маниловщины? Нѣтъ! Процессъ освобожденія продолжается и теперь, и нравственный ростъ общества подъ благотворнымъ вліяніемъ гоголевскаго юмора—вотъ главная заслуга писателя. Слава и честь великому русскому юмористу, положившему начало великому общественному дѣлу!

В. Харціевъ.

Н. В. Гоголь какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета, посвященномъ 50-лѣтію со дня смерти Н. В. Гоголя) [1]).

«Изъ всѣхъ писателей, которыхъ мнѣ ни случалось читать біографіи, я еще не встрѣчалъ ни одного, кто бы такъ упрямо преслѣдовалъ разъ избранный предметъ» (Письма Гоголя, ред. Шенрока, т. III, стр. 445).

М.м. Г.г.! Предметомъ своей рѣчи я избралъ одинъ вопросъ изъ психологіи Гоголя, по моему мнѣнію, самый важный и существенный для изученія его жизни и творчества—вопросъ объ основныхъ воззрѣніяхъ Гоголя на задачи жизни человѣка вообще и въ частности на «писателя» т. е. поэта и на поэтическое творчество. Единственнымъ, въ высокой степени важнымъ и цѣннымъ матеріаломъ для изученія этой стороны существа Гоголя являются его «Письма», проливающія яркій свѣтъ на тайная тайныхъ духа этого «скрытнаго» и «таинственнаго» человѣка въ жизни, для круга его товарищей, друзей и знакомыхъ. Изученіе писемъ Гоголя въ ихъ взаимной связи, съ цѣлью повѣрки степени устойчивости и искренности извѣстнаго настроенія, и въ связи съ объективными данными, относящимися къ исторіи русской жизни и литературы первой половины XIX вѣка, приводитъ къ убѣжденію, что Гоголь, по складу своихъ воззрѣній и стремленій, былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ, яркихъ и ревностныхъ представителей романтизма въ русской жизни и литературѣ,—стремился стать въ своей жизни и литературной дѣятельности истовымъ романтикомъ въ томъ смыслѣ этого слова, какъ понимала его ново-романтическая теорія, провозгласившая принципъ единства поэзіи, жизни и религіи въ литературѣ. Изъ столкновенія мечтательно-романтическихъ представленій Гоголя о поэзіи, заключавшихъ въ себѣ многія коренныя, неразрѣшенныя еще писательской практикой второй четверти XIX вѣка, противорѣчія и отвлекавшихъ мысль поэта отъ жизни въ область морали и религіи, съ естественной, натуральной способностью таланта этого поэта, влекшей его къ жизни, къ землѣ, къ людямъ обыкно-

---

[1]) Печатается съ необходимыми дополненіями.

веннымъ, въ связи съ жизненными и писательскими невзгодами, которыя слишкомъ тяжело отзывались на впечатлительной и болѣзненно-нервной натурѣ Гоголя и дѣлали его такимъ же «великимъ страдальцемъ», какъ и Пушкина,—возникла та извѣстная трагедія духа великаго писателя, которая завершилась уничтоженіемъ II тома «Мертвыхъ Душъ», задушевнаго произведенія Гоголя, въ которомъ онъ видѣлъ цѣль и задачу своей жизни, исполненіе «священнаго завѣщанія» Пушкина (Письма, ред. Шенрока, изд. Маркса т. I, 441).

Уже въ нѣжинскомъ лицеѣ Гоголь, ко времени окончанія своего курса, является романтикомъ-мечтателемъ, по своимъ идеальнымъ влеченіямъ, жизненнымъ стремленіямъ и литературнымъ симпатіямъ и опытамъ [1]). Онъ стремится «видѣть и чувствовать прекрасное»; 18-ти лѣтній лицеистъ, отказывая себѣ въ необходимомъ, собираетъ «съ величайшимъ трудомъ все годовое свое жалованье и выписываетъ изъ Львова соч. Шиллера за 40 руб.»—«деньги весьма немаловажныя по его состоянію» (Письма, 69); вѣря «въ высокое назначеніе человѣка (75)», онъ «кипитъ», «пламенѣетъ» неугасимой ревностью принести пользу государству, человѣчеству, означить свое имя к.-л. прекраснымъ дѣломъ; свои «высокія начертанія», свои «долговременныя думы» онъ таитъ въ душѣ своей; «недовѣрчивый ни къ кому, скрытный» онъ «не повѣряетъ своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлаетъ ничего, что могло бы выявить глубь души его (89—90). Въ школѣ, далекой отъ педагогическаго совершенства, Гоголю приходилось терпѣть горе и нужду, выносить «неблагодарности, несправедливости, глупыя, смѣшныя притязанія, холодное презрѣніе», но онъ былъ проникнутъ оптимистическимъ убѣжденіемъ, что испытанное страданіе лучше ведетъ къ счастію, что зло жизни обращается въ добро, и что за всѣ худыя дѣла нужно платить благодѣяніями (98). Мечтательно-романтическое настроеніе юноши Гоголя послѣдняго періода жизни его въ Нѣжинѣ ярко отражается въ заключительныхъ строфахъ его идилліи «Гансъ Кюхельгартенъ», написанной въ подражаніе Фоссовой Луизѣ», въ 1827 году, въ лицеѣ:

(Эпилогъ):

Въ уединеніи, въ пустынѣ,
Въ никѣмъ незнаемой глуши
Въ моей невѣдомой святынѣ
Такъ созидаются отпынѣ

[1]) Ср. проф. Н. И. Петровъ. Слѣды литературныхъ вліяній въ произведен. Гоголя. Труды Кіевск. Дух. Акад. 1902 г. № 4.

Мечтанья тихія души.
Дойдетъ ли звукъ подобно шуму?
Взволнуетъ ли кого-нибудь?
Живую юноши ли душу,
Иль дѣвы пламенную грудь?
Веду съ невольнымъ умиленьемъ
Я пѣсню тихую мою
И съ неразгаданнымъ волненьемъ
Свою Германію пою.
Страна высокихъ помышленій!
Воздушныхъ призраковъ страна!
О, какъ тобой душа полна!
Тебя обнявъ, какъ нѣкій геній,
Великій Гетте бережетъ
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облако заботъ.

Имѣя въ виду, очевидно, самого себя, юный поэтъ пишетъ:

Такъ въ заключеньи *школьникъ ждетъ*,
Когда желанный срокъ придетъ,
Лѣта къ концу его ученья;
Онъ полонъ думъ и упоенья,
Мечты воздушныя ведетъ:
Онъ независимый, онъ вольный,
Собой и міромъ всѣмъ довольный.
Но, разставаяся съ семьей
Своихъ товарищей, душой
Дѣлилъ съ кѣмъ шалость, трудъ, покой,—
И размышляетъ онъ, и стонетъ,
И съ невыразною тоской
Слезу невольную уронитъ.
(Соч. Г. ред. Тихонр. V,42—43).

Пріѣздъ Гоголя въ Петербургъ (въ декабрѣ 1828 г.) совпалъ съ тѣмъ періодомъ въ исторіи русскаго романтизма, когда русскіе писатели, переживъ увлеченіе внѣшней стороной западно-европейскаго романтизма, выражавшейся въ протестѣ ложно-классицизму и въ фантастикѣ литературныхъ сюжетовъ, дошли до усвоенія или уясненія самыхъ основъ романтическаго движенія въ области западно-европейской исторіи мысли и литературы, заключавшихся въ принципахъ свободы творчества и въ національности литературы.

Это стремленіе къ уясненію основъ романтической теоріи литературнаго творчества проявилось у насъ почти одновременно въ Петербургѣ и, особенно, въ Москвѣ, тамъ же, гдѣ возникло и самое романтическое движеніе нашей литературы и жизни (см. мои статьи: О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтич. твор. А. С. Пушкина Харьк. 1900 г. стр. 39 слѣд.. Къ исторіи возникнов. Арзамаса. Мирн. Трудъ 1902 г. № 1). Рылѣевъ въ Петербургскомъ «Сынѣ Отечества», философскій кружокъ Веневитинова и Одоевскаго (Москва 1823—1825 г.) въ Москвѣ, имѣвшій своимъ печатнымъ органомъ альманахъ Мнемозину (М. 1824—1825 г.) и Московскій Телеграфъ Полевого ревностно принялись выяснять и популяризировать литературную романтическую теорію, изложенную въ Лекціяхъ В. Шлегеля о драматич. искусствѣ и литературѣ (Vorlesumen über dramatische Kunst und Literatur), объявленныхъ Полевымъ за «*непремѣнный кодексъ* для каждаго писателя, занимающагося литературой (М. Тел. 1827 г. ч. XIV № 8, стр. 287. Энгельгардтъ, Истор. рус. лит. XIX ст. I, стр. 286).

Подъ вліяніемъ этого движенія критической и философской мысли, направленной на сущность, задачи и формы литературной дѣятельности, въ средѣ русскихъ поэтовъ-романтиковъ складываются возвышенные взгляды на «поэта» и на задачи поэтической дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпнетъ сознаніе важности и необходимости идеи народности въ русской литературѣ. Эта послѣдняя и становится лозунгомъ литературной, а потомъ и общественной дѣятельности: поэтъ-пророкъ, «небесъ избранникъ, божественный посланникъ», «сынъ небесъ», «жрецъ Аполлона», поэтическая дѣятельность—«священная жертва» божеству поэзіи, поэтическія произведенія — «молитвы», выраженныя въ «сладкихъ звукахъ»; «поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли», «поэзія есть земная сестра небесной религіи» «жизнь и поэзія—одно»; поэтъ долженъ быть «невиненъ какъ голубица, смѣлъ и отваженъ какъ орелъ», долженъ гнушаться «сахарныхъ устъ порока, похвалъ и наслажденій, не просить и не брать наградъ» и только при условіи высшаго нравственнаго совершенства поэта-пророка

И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ (его),
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки
И царь Саулъ заслушается ихъ.—
И жизнію торжественно высокой
Ты процвѣтешь и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око.

По этому поводу невольно припоминаются слова законодателя романтизма В. Шлегеля въ курсѣ его лекцій: «Будемъ глубоко сознавать, что всякое умственное стремленіе есть *благочестіе*, что оно можетъ достигнуть успѣха только посредствомъ серьезной и искренней любви, что *талантъ безъ нравственности* всегда достигалъ лишь очень незначительныхъ результатовъ» (Гаймъ, Романтич. школа 688).

Нужда и безработица (Письма I, 117) заставили Гоголя измѣнить своимъ юношескимъ грезамъ о трудѣ важномъ, благодѣтельномъ на поприщѣ юстиціи (Ibid. 89) и обратить свои упрямыя предначертанія (90) въ область литературы.

Плодомъ литературныхъ занятій Гоголя за это время были «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», сборникъ романтически-подражательныхъ произведеній, отвѣчавшихъ той стадіи нѣмецкаго и русскаго романтизма, которая выражалась въ изложеніи «страннаго, сверхестественнаго, производящаго на читателя своеобразное чарующее впечатлѣніе» (Гаймъ, Романтич. школа, перев. Невѣдомскаго М. 1891 года, стр. 226) и которая скоро была пережита самими же нѣмецкими нео-романтиками, уступивъ мѣсто болѣе широкому пониманію задачъ романтической литературы, получившихъ свою кодификацію въ теоретическихъ комбинаціяхъ В. Шлегеля.

Литературная дѣятельность Гоголя доставила ему извѣстность, и въ 1831 году мы видимъ его уже въ самомъ средоточіи умственной аристократіи Петербурга. Въ письмѣ къ своему школьному пріятелю Данилевскому, Гоголь сообщалъ отъ 2 ноября 1831 г.: «все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ селѣ... Почти каждый вечеръ собирались *мы:* Жуковскій, Пушкинъ и я». (Письма I, 196).

Общеніе съ литературнымъ кругомъ Пушкина имѣло огромное вліяніе на творчество Гоголя и развитіе его поэтическаго дарованія. Въ немъ онъ нашелъ оцѣнку своего таланта и указанія на соотвѣтствующую ему область для поэтическихъ воспроизведеній, нравственную и матеріальную поддержку и, кромѣ того, цѣльную, стройную теорію поэтическаго творчества, уяснившую ему таинственныя, безсознательныя движенія его поэтической души.

Съ пламенной ревностію «провинціала-мечтателя» тридцатыхъ годовъ Гоголь усвоилъ себѣ очаровательную возвышенную теорію поэтическаго творчества, которая отличала литературные круги русскихъ романтиковъ 20-хъ—30-хъ годовъ. Она соотвѣтствовала его глубокому религіозному чувству, склонности къ мистицизму и аскетизму, близко подходила къ тому романтическому настроенію, которое было подготовлено семьей Гоголя и жизнью въ Нѣжинѣ и которое еще усилилъ онъ въ Петербур-

гѣ благодаря болѣе близкому знакомству съ произведеніями подлинныхъ нѣмецкихъ нео-романтиковъ, какъ напр. Тика (Тихонравовъ, Примѣч. къ т. I П. С соч. Гоголя стр. 526. слѣд.); она приближалась къ его юношескимъ грезамъ о возвышенномъ и прекрасномъ, о любви къ людямъ и служеніи человѣчеству; удовлетворяла, наконецъ, и самолюбію Гоголя, раздражавшемуся въ школѣ, недалеко ушедшей, по своему внутреннему быту отъ бурсы, и развивавшей въ своихъ питомцахъ скрытность, высокомѣріе и неискренность.—Но, въ отличіе отъ многихъ своихъ современниковъ поэтовъ-романтиковъ, поэтовъ-мистиковъ и прозаическихъ мечтателей, Гоголь проникся романтическими воззрѣніями на поэта и поэтическое творчество *всецѣло, до искренняго желанія согласовать съ ними свою личную жизнь и свои поступки.* Отсюда мысль о внутреннемъ нравственномъ совершенствованіи, постоянной работѣ надъ собой, надъ своими чувствами, страстями и умомъ, идея возвышенія себя надъ земной жизнью для того, чтобы «писатель» могъ безукоризненно и «*добросовѣстно пропѣть гимнъ небесной красотѣ*». «И едва ли не со времени перваго свиданія нашего, писалъ Гоголь къ Жуковскому въ 1847 г.: искусство стало главнымъ и первымъ въ моей жизни, а все прочее—вторымъ. Мнѣ казалось, что уже не долженъ я связываться *никакими другими узами на землѣ, ни жизнью семейной,* ни должностной жизнью гражданина *и что словесное поприще есть тоже служба* (Бычковъ Неиздан. письма Гоголя къ Жуковскому Рус. В. 1838 г. к. XI, 64)».

Въ исторіи «словеснаго поприща» Гоголя, слѣдовавшаго за Вечерами на хуторѣ и Миргородомъ, естественно, различаются двѣ эпохи, раграничиваемыя появленіемъ въ печати I т. Мертвыхъ Душъ. Эти двѣ эпохи до I т. Мертвыхъ Душъ и послѣ него—исторія двухъ направленій въ творчествѣ Гоголя и въ психологіи великаго писателя, отражающая два направленія въ исторіи русскаго и западно-европейскаго романтизма, типичными представителями которыхъ были у насъ Пушкинъ и Жуковскій.

Пушкинъ—романтикъ въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ романтическіе критики называли романтиками и Данта и Шекспира и Шиллера и Гете. Жуковскій, наоборотъ, по складу своихъ воззрѣній примыкалъ къ нѣмецкимъ нео-романтикамъ. На этомъ пунктѣ, какъ извѣстно, произошелъ теоретическій разладъ между нимъ и нашими романтиками-націоналистами (Пушкинъ, Рылѣевъ, Кюхельбекеръ, Бестужевъ Александръ). Рылѣевъ находилъ даже, что вліяніе Жуковскаго на духъ нашей словесности было «слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны

растлили многихъ и много зла надѣлали» (Сочин. К. Ѳ. Рылѣева, изд. 1872, 234).

Въ болѣе широкомъ смыслѣ и основномъ своемъ значеніи романтизмъ являлся синонимомъ національности: «Наша поэзія должна быть національной или въ идеалистическомъ или въ реалистическомъ значеніи», говорилъ В. Шлегель въ своемъ курсѣ (Гаймъ, Романтическая школа, стр. 700). Этотъ взглядъ В. Шлегеля съ особой ревностью популяризировался нашими романтиками 20—30-хъ годовъ какъ въ Петербургѣ такъ и въ Москвѣ. «Сила, свобода, вдохновеніе необходимыя три условія всякой поэзіи», писалъ Кюхельбекеръ въ статьѣ «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе, напечатанной во II вып. «Мнемозины» (М. 1824 г., стр. 30). «Но что такое поэзія романтическая? Она родилась въ Провансѣ и воспитала Данта, который далъ ей жизнь, силу и смѣлость, отважно *сверг съ себя иго рабскаго подражанія Римлянамъ*, которые сами были единственно подражателями грековъ и рѣшился бороться съ ними. *Въ послѣдствіи въ Европѣ всякую поэзію свободную, народную стали называть романтическою*» (Ibid. 35). «Свобода, изобрѣтеніе и новость составляютъ главныя преимущества романтической поэзіи передъ такъ называемою классическою позднѣйшихъ европейцевъ» (стр. 39). «Всего лучше имѣть поэзію народную» (40). «Да создастся для славы Россіи поэзія истинно русская; да будетъ святая Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первою державою во вселенной! Вѣра праотцевъ, нравы отечественные, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей словесности. Станемъ надѣяться, что наконецъ наши писатели, изъ коихъ особенно нѣкоторые молодые одарены прямымъ талантомъ, сбросятъ съ себя поносныя цѣпи нѣмецкія и захотятъ быть русскими. Здѣсь особенно имѣю въ виду А. Пушкина, котораго три поэмы, особенно первая, подаютъ великія надежды (42—43). «Надеждой Руси называлъ Пушкина» и А. Бестужевъ въ письмѣ къ Полевому отъ 9 марта 1833 года (В. Богучарскій. Семейство Бестужевыхъ. Міръ Божій 1902 г. сент., стр. 277).

Особенной экспансивностью вообще и въ отношеніи къ Пушкину въ частности отличались литературно-теоретическія воззрѣнія Рылѣева. Въ статьѣ «Нѣсколько мыслей о поэзіи, напечатанныхъ въ Сынѣ Отечества за 1825 г. № 22 (ч. 104) стр. 145—154, и представлявшихъ въ сущности извлеченіе изъ курса лекцій В. Шлегеля, Рылѣевъ писалъ: «Споръ о романтической и классической поэзіяхъ давно уже занимаетъ всю просвѣщенную Европу, а недавно начался и у насъ...... На самомъ дѣлѣ нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а *была, есть и*

будетъ одна истинная поэзія, которой правила всегда были и будутъ одни и тѣже.... Когда явилось нѣсколько такихъ поэтовъ, которые, слѣдуя внушенію своего генія, *не подражая ни духу ни формамъ древней поэзіи,* подарили Европу своими *оригинальными произведеніями,* тогда потребовалось классическую поэзію отдѣлить *отъ новѣйшей,* и *нѣмцы назвали сію послѣднюю поэзію романтическою вмѣсто того, чтобы назвать просто новою поэзіею.* Дантъ, Тассъ, Шекспиръ, Аріостъ, Кальдеронъ, Шиллеръ, Гете наименованы романтиками... Такимъ образомъ поэзіею романтическою назвали *поэзію оригинальную, самобытную,* а въ этомъ смыслѣ Гомеръ, Эсхилъ, Пиндаръ словомъ всѣ лучшіе греческіе поэты романтики, равно какъ и превосходнѣйшія произведенія новѣйшихъ поэтовъ, написанныя по всѣмъ правиламъ древнихъ, но предметы коихъ взяты не изъ древней исторіи, суть произведенія романтическія... (Соч. Рылѣева, 227). «Итакъ, заключалъ свою статью Рылѣевъ: будемъ почитать высоко поэзію, а не жрецовъ ея, и оставивъ безполезный споръ о романтизмѣ и классицизмѣ, будемъ стараться уничтожить въ себѣ духъ рабскаго подражанія и, обратясь къ источнику истинной поэзіи, употребимъ всѣ усилія осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку и всегда не довольно ему извѣстныхъ» (231).

Прозрѣвая въ Пушкинѣ «геній», силу осуществить въ русской литературѣ романтическія представленія объ истинной поэзіи, какъ поэзіи свободной, оригинальной и національной, Рылѣевъ призывалъ Пушкина къ поэтической дѣятельности съ такою же трогательной искренностью и энергіей, съ какой въ новое время взывалъ Тургеневъ къ гр. Л. Н. Толстому: «На тебя устремлены глаза Россіи, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ, писалъ Рылѣевъ Пушкину почти одновременно съ написаніемъ статьи «Нѣсколько мыслей о поэзіи» (Сочин. стр. 235). «Пусть онъ (геній) производитъ все, что внушаетъ ему вдохновеніе... Прощай геній»! (Ibid. 237). За годъ до своей ужасной смерти «смерти позорной» (Ibid. 332) Рылѣевъ писалъ (12 мая 1825 года): «Пушкинъ! Ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою; но еще два, много три года усилій и ты опередишь его. Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но, ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему! Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Если бы ты зналъ, какъ я люблю, какъ цѣню твое дарованіе! Прощай чудотворецъ!» (Ibid 242).

Образъ Рылѣева послужилъ, какъ извѣстно, основаніемъ для стихотворенія Пушкина «Пророкъ», а теоретическіе вопросы творчества, поднятые Рылѣевымъ, Кюхельбекеромъ и болѣе ранними романтиками, отразились съ другой стороны, въ рядѣ соотвѣтствующихъ стихотвореній Пушкина, относящихся къ 1827—1831 годамъ: Поэтъ, Чернь и друг. (Сравн. о вліяніи Вас. Львов. Пушкина на поэтическое твор. А. С. Пушкина, стр. 67 слѣд.).

На идеѣ народности литературы сошлись теоретическіе взгляды Пушкина и Жуковскаго. Подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ и раннія влеченія Гоголя къ народнымъ сюжетамъ въ литературѣ, навѣянныя украинскимъ историко-литературнымъ наслѣдствомъ, получаютъ рельефность ясно сознаннаго принципа литературной дѣятельности; «О если бы ты зналъ», продолжалъ Гоголь вышеприведенное свое письмо къ Данилевскому отъ 2 ноября 1831 года: «сколько прелестей вышло изъ подъ пера сихъ мужей! у Пушкина повѣсть, октавами писанная, въ которой вся Коломна и *Петербургская природа живая.* Кромѣ того сказки *русскія народныя,*—не то что Русланъ и Людмила по *совершенно русскія.* У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки... и чудное дѣло! Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и *уже чисто русскій; ничего германскаго и прежняго»* (Письма I, 196).

Это направленіе мысли и творчества Гоголя отразилось въ созданіи цѣлаго ряда произведеній, на которыхъ зиждется слава этого писателя, успѣвшаго въ «чудномъ стеклѣ» своихъ созданій отразить всю Русь «хотя съ одного боку» (Письма I, 354), «удивительнаго Гоголя, однимъ взглядомъ обнявшаго всѣ классы русскаго общества и достойнаго занять мѣсто на самыхъ вершинахъ европейской литературы» (ст. Мельхіоръ де Вогюэ въ Revue des deux mondes 1901 года т. IV стр. 627).

Оставаясь глубоко національнымъ и вполнѣ самобытнымъ поэтомъ русской дѣйствительности, Гоголь въ общихъ формахъ и предѣлахъ литературной дѣятельности не выходитъ, однако, изъ тѣхъ программъ, которыя намѣчены были романтической теоріей литературнаго творчества: «наша поэзія, говорилъ Шлегель: должна быть рыцарской или мѣщанской, подобно поэзіи миннезенгеровъ и Ганса Сакса, она должна быть національной или въ идеалистическомъ или въ реалистическомъ значеніи...., наша поэзія должна дышать глубокой правдивостью и возвышенными чувствами тѣхъ поэтическихъ произведеній, которыя должны считаться за самые первобытные, самые древніе памятники нѣмецкаго духа; если же до сихъ поръ ничто не могло возвыситься до одного съ ними уровня, то, можетъ быть, это суждено сдѣлать будущему (Гаймъ, Романтич. школа 700).

Та свободная форма разсказа, которую избралъ Гоголь для своего творчества и которая особенно ярко выразилась въ эпико-лирическомъ характерѣ «Мертвыхъ Душъ», вполнѣ отвѣчаетъ взглядамъ романтиковъ-теоретиковъ на задачи поэзіи, какъ творчества свободнаго духа, и на романъ, какъ наиболѣе удобную форму для выраженія разнообразныхъ сторонъ жизни и настроеній писателя: «романтическая поэзія, по словамъ В. Шлегеля, «одна свободна, и признаетъ за свое главное основаніе правило, что произволъ поэта не выноситъ никакихъ стѣснительныхъ для него законовъ» (Гаймъ, 230); «произволъ поэта не долженъ стѣсняться никакими законами» (232); «романъ придаетъ свою окраску всей новѣйшей поэзіи» (229); «никакая другая форма не доставляетъ писателю такихъ удобствъ для полнаго выраженія его идей, какъ романъ» (226), «нѣкоторые изъ лучшихъ романовъ представляютъ нѣчто въ родѣ краткаго описанія всей умственной жизни геніальнаго индивидуума» (297); «назначеніе романтической поэзіи заключается не только въ томъ, чтобы соединить въ одно цѣлое всѣ разрозненные виды поэзіи и привести поэзію въ соприкосновеніе съ философіей и съ риторикой; она кромѣ того должна то перемѣшивать, то соединять поэзію съ прозой, геніальность съ критикой, искусственную поэзію съ натуральной; она должна сдѣлать поэзію живою и общительною, а жизнь и общество поэтическими; она должна облекать остроуміе въ поэтическую форму, должна наполнять всѣ формы искусства надлежащимъ содержаніемъ и воодушевлять ихъ юмористическими выходками» (Гаймъ 228).

Мы нарочно привели эти выдержки изъ кодекса В. Шлегеля, представляющія locus classicus романтическихъ понятій о поэзіи. Они должны быть поставлены въ живую и тѣсную связь съ воззрѣніями Пушкина на поэзію, поэта и формы поэтической дѣятельности. Какъ извѣстно, Пушкина въ концѣ его жизни стала уже неудовлетворять стихотворная форма рѣчи, его привлекаетъ все болѣе и болѣе свободная, простая и непринужденная форма разсказа (Повѣсти Бѣлкина). Черезъ Пушкина, черезъ русскую журнальную литературу 20—30-хъ годовъ, наконецъ и непосредственно Гоголь могъ имѣть свѣдѣнія о тѣхъ новыхъ теченіяхъ въ области литературной теоріи, которыя выражались въ кодексѣ романтической поэзіи, представляемомъ лекціями и статьями Шлегеля, знакомство съ которыми Полевой считалъ обязательнымъ для каждаго занимающагося литературою.

Писательскія неудачи, происходившія отъ непониманія и вызваннаго имъ враждебнаго отношенія части русскаго общества къ произведеніямъ Гоголя, глубоко оскорблявшаго его идеализмъ и стремленіе къ принесенію общей пользы, а затѣмъ смерть Пушкина, дополнявшаго недостатокъ активнаго элемента въ характерѣ Гоголя, возбудительно дѣй-

ствовавшаго на его творческія силы и направлявшаго ихъ въ сторону трезваго и положительнаго реализма, повліяли роковымъ образомъ на жизнь и творчество Гоголя. Моральныя и религіозныя задачи художественной дѣятельности, поставленныя романтиками по вліянію Шлейермахера, начинаютъ все болѣе и болѣе занимать Гоголя. И Гоголь въ своей литературной дѣятельности опять начинаетъ склоняться къ тому направленію романтизма, которому онъ служилъ въ началѣ ея, котораго былъ представителемъ у насъ Жуковскій и которое открывало поле для вліяній религіознаго мистицизма на духъ нашего писателя.

Въ борьбѣ этихъ двухъ направленій романтизма въ душѣ одной личности и заключается трагедія духа нашего великаго писателя. Гоголь не нашелъ выхода изъ столкновенія между идеальными требованіями творчества романтическаго, поставленными ново-романтиками и потребностями своего творческаго генія. Нуженъ былъ иной поэтическій темпераментъ, иной міръ поэтическихъ образовъ и иной уровень образованія для рѣшенія романтическихъ проблемъ литературной дѣятельности, былъ нуженъ, словомъ, геній и темпераментъ гр. Л. Н. Толстого.

Усвоивъ себѣ взглядъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, что словесное поприще есть тоже служба и стремлясь къ осуществленію завѣтныхъ идеаловъ своихъ «сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства» (Письма I, 89), Гоголь начинаетъ работу надъ самимъ собою, надъ личнымъ совершенствованіемъ, руководясь между прочимъ и внушеніями религіозныхъ писателей и мыслителей.

Романтизмъ училъ, что основаніемъ успѣха писателя и залогомъ вліяній его произведеній на общество служитъ личная нравственность автора; отсюда возникаетъ у Гоголя стремленіе тѣсно связать свои сочиненія съ своимъ духовнымъ образованіемъ, сдѣлать первыя результатомъ «внутренняго сильнаго воспитанія душевнаго, глубокаго воспитанія» (соч. Гоголя, ред. Тихонр. III, 538).—Въ сущности это—крайнее развитіе взгляда романтиковъ, формулизованнаго Шлегелемъ, что всякое умственное стремленіе есть благочестіе (Гаймъ, 688). Роковымъ для таланта Гоголя было лишь признаніе или отысканіе того, что онъ считалъ необходимымъ средствомъ, ближе ведшимъ къ этой цѣли нравственнаго совершенства или благочестія; средствомъ этимъ Гоголь призналъ «уединеніе» «прекрасное далеко» отъ родины, душевный монастырь, «молчаніе», монашество, аскетизмъ (соч. Гоголя, изд. Тихонр. IV, 20). Въ результатѣ этихъ исканій нравственнаго и писательскаго высшаго совершенства и создалась обстановка, погубившая талантъ Гоголя: «писатель комическій, писатель современный, писатель нравовъ», какъ характеризуетъ самъ себя Гоголь, обрекаетъ себя на литературное отшельничество и поэти-

ческій аскетизмъ въ цѣляхъ приближенія къ высшему идеалу творчества, заключавшемуся въ романтическомъ единствѣ жизни, поэзіи и религіи. И замѣчательно! внутренно Гоголь временами сознавалъ, что онъ дѣлаетъ насиліе надъ своей природой, надъ своимъ геніемъ; но до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни, до момента сожженія II т. «Мертвыхъ Душъ» онъ не отдавалъ себѣ отчета въ силѣ и значеніи того рокового, медленнаго истощенія своего поэтическаго богатства, къ которому привело его сознательное отшельничество отъ родины, отъ родной жизни, отъ родной стихіи. Убѣжденія поэта, усилія его ума и воли направляли его духъ, говоря словами А. Майкова, «въ высь», «къ свободѣ безконечной, на исканье правды вѣчной и душевной красоты», а натура поэта, свойства его дарованія тянули его, выражаясь образами Полонскаго, въ самую жизнь, къ людямъ, въ толпу, «въ слякоть жизни». «Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, писалъ Гоголь Погодину 30-го марта 1837 г.: и нашъ бѣдный, неяркій міръ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливо глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны» (I, 435). Шевыреву писалъ Гоголь 10 августа 1839 года: «я... странное дѣло, я не могу, я не въ состояніи работать, когда я преданъ уединенію, когда не съ кѣмъ переговорить, когда нѣтъ у меня между тѣмъ другихъ занятій... Меня всегда дивилъ Пушкинъ, которому для того, чтобы писать, нужно было забраться въ деревню одному и запереться. Я, наоборотъ, въ деревнѣ никогда ничего не могъ дѣлать и вообще я ничего не могу дѣлать, гдѣ я одинъ и гдѣ я чувствовалъ скуку. Всѣ свои нынѣ печатные грѣхи я писалъ въ Петербургѣ, и именно тогда, когда я былъ занятъ должностью, когда мнѣ было некогда, среди этой живости и перемѣны занятій, и чѣмъ я веселѣе провелъ канунъ, тѣмъ вдохновеннѣй возвращался домой, тѣмъ свѣжѣе было у меня утро» (I, 619—620). И тѣмъ не менѣе Гоголь—писатель *современный*, *писатель нравовъ*,—стремится «отъ всего житейскаго дрязгу» въ душевный монастырь, находя, что «нѣтъ удѣла на свѣтѣ выше, какъ званіе монаха» (Тихонр. III, 467, 471), что только въ уединеніи, внѣ родины, въ прекрасномъ далекѣ отъ нея онъ можетъ «вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе (538) «для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага жизни подобныхъ» (Письма I, 68).

Пока поэтическая память, область безсознательнаго храненія образовъ и жизненныхъ впечатлѣній, давала матеріалъ для творчества Гоголя, отшельничество и аскетизмъ помогали тщательности отдѣлки имъ своихъ поэтическихъ произведеній, способствовали возведенію русской реальной

дѣйствительности «въ перлъ созданія». Но по мѣрѣ того, какъ въ душѣ поэта, «занятаго суровымъ душевнымъ воспитаніемъ» (Тихонр. III, 540 II с. соч. Г.), изсякалъ міръ живыхъ поэтическихъ образовъ, художественная работа для Гоголя дѣлалась труднѣе. Поэтъ приходилъ къ убѣжденію, что онъ, въ своемъ поэтическомъ отшельничествѣ «отсталъ» отъ русской жизни, что онъ не знаетъ Россіи, что многое измѣнилось въ ней съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ ней не былъ, что художественную работу надъ Мертвыми Душами нужно *начинать сначала*: «нынѣ нужно почти сызнова узнавать все то, что есть въ ней теперь (въ 1847 г.), многое нужно видѣть собственными глазами и пощупать собственными руками» (Письма IV, 45). Бодрый духомъ, но слабый тѣломъ поэтъ принялся за новую работу. Но плоть поэта-аскета была слишкомъ немощна. По его собственному признанію, Гоголь уже не могъ писать такъ, какъ нѣкогда писалъ: «ничто не лилось на бумагу» (П. с. соч. Г. изд. Тихонр. III, 541). Приближалась развязка трагедіи духа великаго писателя. Чувствуя въ себѣ недостатокъ живыхъ поэтическихъ образовъ, и думая восполнить его подвигами молитвы, отшельничества и аскетизма, Гоголь предпринимаетъ путешествіе въ Св. Землю. Пребывая на молитвѣ неустанной, съ четками въ рукахъ, поэтъ-отшельникъ, поэтъ-аскетъ продолжаетъ тяжелую работу надъ II т. Мертвыхъ Душъ. Сомнѣваясь въ силѣ своихъ молитвъ, Гоголь обращается съ просьбой къ тому человѣку, которому «много, много былъ долженъ» (Письма IV, 421) складомъ своихъ поэтическихъ и моральныхъ воззрѣній,—къ Жуковскому, котораго называлъ своимъ «братомъ прекраснымъ» (Письма III, 335), безцѣннымъ другомъ, небеснымъ посланникомъ (Загаринъ, 478): «Сижу по прежнему надъ тѣмъ же, занимаюсь тѣмъ же. Помолись обо мнѣ, чтобы работа моя была истинно добросовѣстна и что бы я сколько нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной» (Тихонр. III. II. с. с. Г. 574). Но работа не спорилась; «Дѣло мое идетъ крайне тупо», писалъ поэтъ Аксакову незадолго до смерти, въ 1852 году. Строгій и взыскательный къ содержанію и формѣ литературныхъ произведеній апостольски-благоговѣвшій передъ «словомъ», Гоголь ясно понималъ художественные недочеты въ своей работѣ, видѣлъ, что, несмотря на всѣ творческія усилія, онъ далекъ отъ тѣхъ идеаловъ творчества, которые онъ носилъ въ своей душѣ, отъ исполненія «священнаго завѣщанія Пушкина», и въ одинъ изъ припадковъ своей меланхоліи сдѣлалъ то, что давно подсказывала ему художественная, чуткая совѣсть: онъ собственноручно уничтожилъ II т. Мертвыхъ душъ,—послѣдовалъ эпилогъ трагедіи духа великаго писателя, самаго «упорнаго» изъ свѣтлой плеяды русскихъ романтиковъ, замерцавшей первоначальнаго въ «горницахъ московскаго университета», въ са-

момъ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка [1]), ревностнаго искателя рѣшенія грандіознѣйшей задачи искусства, начертанной романтиками:—жизнь отразить въ поэзіи, поэзію земную сдѣлать сестрой небесной религіи и просвѣтить жизнь поэзіей. Смерть Гоголя, послѣдовавшая 21 февраля 1852 года, была насильственнымъ лишь прекращеніемъ упорной работы поэта въ неуклонномъ стремленіи его къ исполненію намѣченной цѣли, «предположеннаго начертанія» (I, 190) осуществить въ поэзіи то, что Шлейермахеръ назвалъ полингенезисомъ религіи (Гаймъ, Романтич. школа, стр. 395).

Насколько дальновидны были теоретики романтизма, на сколько жизненна начертанная ими задача творчества показываетъ то, что черезъ 100 лѣтъ литературнаго развитія къ ней частью вновь возвращается, частью подходитъ европейская литература (ср. Предисловіе гр. Л. Н. Толстого къ роману Фонъ Поленца «Крестьянинъ») и философско-критическая мысль (ср. Гюйо, Искусство съ точки зрѣнія соціологіи).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери Гоголь говоритъ о вѣчно-неумолкаемыхъ желаніяхъ своей души, которыя Богъ вдвинулъ въ него, превративъ *его существо въ жажду ненасытимую* бездѣйственною разсѣянностью свѣта (Письма I. 124). Какъ искренно и глубоко вѣрно это сказано! «Этотъ удивительный Гоголь», какъ назвалъ его Мельхіоръ де Вогюэ, теперь, черезъ 50 лѣтъ послѣ окончанія имъ поэтическаго подвига своей жизни, представляется намъ, по искреннимъ, интимнымъ признаніямъ въ своихъ письмахъ, *именно жаждой ненасытимой*: *жаждой* познанія, *жаждой* нравственнаго совершенства, *жаждой* подвига на благо «отчизны» и счастіе человѣчества; самый «смѣхъ Гоголя, смѣхъ добрый и свѣтлый», смѣхъ сквозь слезы надъ тѣмъ, что позоритъ красоту человѣка, родился въ немъ отъ «вѣчной», «могучей» любви къ человѣку, есть отраженіе «глубоко-доброй души» поэта (П. с. соч. изд. Тихонрав. т. II, 352, 514, 516).

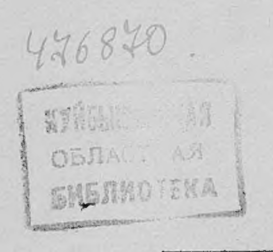
Свою литературную дѣятельность въ цѣломъ, въ ея совокупности, самъ Гоголь однажды опредѣлилъ какъ стремленіе поэта—«доказать всему свѣту, что въ русской землѣ все, что ни есть, отъ мала до велика, стремится служить Тому же, Кому все должно служить на землѣ, несется туда же къ верху, къ Верховной Красотѣ» (Соч. Гог. II, 352). Не отражаются ли и въ этихъ словахъ Гоголя мечты романтиковъ, возникшія

---

[1]) Объ этомъ смотр. въ моихъ статьяхъ, посвященныхъ вопросу о возникновеніи Арзамаса: О вліяніи Вас. Львов. Пушкина на поэтич. творчество А. С. Пушкина. Харьк. 1900, 39 слѣд. Къ исторіи возникновенія Арзамаса, Мирный Трудъ № 1 стр. 57—59.

подъ вліяніемъ философіи Фихте, о «трансцендентальной поэзіи», которая должна возвышаться до художественной рефлексіи и до самосозерцанія и явиться самой совершенной формой поэзіи—поэзіей поэзіи (Гаймъ, Романтич. школа, стр. 255)?

М. Халанскій.

ности единымъ философомъ ... что ... поэзія, которая вышедши ... до самосовершенія и явится самой совершенной формой поэзіи—поэзіей поэзіи (Гиппіусъ, Романтич. школа, стр. 256).

М. Таленскій.

ЦѢНА 1 РУБ.